Д.В. ВЕНЕ-
ВИТИ-
НОВ

БИБ-КА
ПОЭТА

Д.В. ВЕНЕВИТИНОВ

Советский
писатель

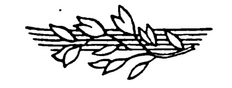
БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1960

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. В. Неймана

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

Литературная судьба Д. В. Веневитинова необычна. Среди выдающихся поэтов начала XIX века, большей частью не отличавшихся долголетием, его жизненный путь был самым коротким. Он умер, не дожив до 22-летнего возраста. Первая его литературная работа была напечатана в 1825 году в мартовской книжке журнала «Сын отечества», а 27 марта 1827 года друзья уже оплакивали смерть поэта.

За два года, в течение которых печатался Веневитинов, им было опубликовано менее десятка стихотворений и пять философских и критических статей. В посмертное издание его произведений (1829—1831) вошло около сорока стихотворений. Но дальнейшие разыскания очень мало дополнили это скромное по размерам литературное наследие. Поэт успел пропеть только первые песни; это были только первые шаги на поэтическом поприще. А между тем он был окружен благоговейным уважением и взволнованной любовью близких и читающей молодежи, веривших в будущий расцвет его творческих сил. Участие, которое он возбуждал своими произведениями, Белинский называл энтузиазмом и считал это чувство пророческим: оно было вызвано не столько тем, что сделано поэтом, сколько предчувствием прекрасного будущего, к несчастью похищенного раннею смертью.[1]

Любовь к Веневитинову близких, друзей и знакомых была следствием не только увлечения его творчеством, но и обаяния всего его человеческого облика.

А. А. Дельвиг писал Пушкину о Веневитинове: «Какое соеди-

---

[1] Русская литература в 1841 году.— Полн. собр. соч., т. 5. М.—Л., 1954, стр. 562.

нение прекрасных дарований с прекрасной молодостью». «Узнав его, нельзя было не любить», — утверждал П. А. Плетнев. «Это чудо, а не человек; я перед ним благоговею», — признавался Ф. С. Хомяков, брат известного поэта-славянофила. Широта дарований, высокая культура, душевное благородство, по свидетельству современников, сочетались в Веневитинове с внешним обаянием. Те, кто знал поэта, отмечали его красоту и стройность. А. И. Одоевский говорил о полной грусти улыбке молодого поэта, А. П. Керн — о его умных и ласковых глазах.[1] Дошедшие до нас немногочисленные портреты Веневитинова подкрепляют эти отзывы.

1

Годы жизни Дмитрия Владимировича Веневитинова ознаменованы значительными событиями русской истории. Он родился 26 сентября 1805 года. В этом году началась война России на полях Австрии против наполеоновской Франции. В пору Отечественной войны 1812 года будущему поэту было всего 7 лет, и ему, естественно, еще не могло быть понятно значение происходивших событий. Но он созревал, когда историческая победа подымала самосознание русского народа. Солдаты и крестьяне, отстоявшие родину, не хотели подчиняться палке господина и голодными трудиться на барской ниве. Офицеры, передовая дворянская молодежь, люди из разночинной среды не желали безропотно переносить жестокий деспотизм всесильного временщика Аракчеева и гнет реакционной правительственной власти. С 1816 года начинается формирование декабристских организаций, прошедшее через ряд этапов: Союз спасения, Союз благоденствия, Северное и Южное тайные общества. Но революционное выступление против самодержавия завершилось катастрофой. Началась пора казней, заточений, ссылок, пора высокомерной наглости властей, трепета и запуганности значительной части дворянства, из среды которого недавно вышли герои 14 декабря. Передовая молодежь была принуждена скрывать свои вольнолюбивые настроения. Но дух протеста не умирал. В 1826 году снято с виселицы пять трупов героических сынов родины, а в следующем году обнаруживается суще-

---

[1] См. «Свод биографических данных о Д. В. Веневитинове», составленный Б. В. Смиренским, в изд.: Д. В. Веневитинов. Полн. собр. соч., под редакцией и с примечаниями Б. В. Смиренского. М.—Л., 1934, стр. 347—423. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: Веневитинов. Полн. собр. соч.

ствование тайного кружка братьев Критских, участники которого — юные студенты и молодые чиновники — говорят о «притеснениях народа», называют великими «преступников 14 декабря» и призывают к устранению царя. Революционные кружки появляются и в провинциальных городах.

Исторические события, переживаемые страной, способствовали идейному и художественному подъему литературы. Расцветал гений Пушкина, быстро развивались дарования его литературных друзей — А. А. Дельвига, Н. М. Языкова, Е. А. Баратынского. В многочисленных списках распространялась замечательная комедия Грибоедова. Начало 1820-х годов ознаменовалось выступлением в печати К. Ф. Рылеева. Альманах «Полярная звезда», издававшийся А. А. Бестужевым и Рылеевым, объединял передовых писателей страны. Ежегодные обзоры Бестужева (в «Полярной звезде») и критические статьи В. К. Кюхельбекера (в альманахе «Мнемозина») с декабристских позиций ориентировали читателей в оценке литературных явлений. Начал выходить «Московский телеграф» Н. А. Полевого — лучший русский журнал того времени. Передовые позиции в литературной борьбе занимал романтизм, приобретавший революционный характер в творчестве молодого Пушкина и поэтов-декабристов. Но Пушкин же своим «Евгением Онегиным» и «Борисом Годуновым» открыл литературе путь к реализму.

В этой обстановке общественного подъема, надежд и упований, а затем разгрома и отчаяния, в атмосфере замечательного расцвета литературы формировалось миросозерцание и творчество Д. В. Веневитинова.

Отец Веневитинова умер, когда будущий поэт был еще ребенком; забота о семье перешла в руки матери. Материальная обеспеченность, разумная любовь к сыну, желание дать ему серьезное образование обусловили отличный подбор педагогов. Пленный офицер наполеоновской армии Добер, а затем грек Байло, прекрасные знатоки античности, не только обучали своего ученика древним языкам, но привили ему любовь к греческой трагедии и римскому эпосу. С ранних лет Веневитинов свободно владел французским и немецким языками, а в дальнейшем занимался английским и итальянским. Русскую литературу он изучал под руководством профессора А. Ф. Мерзлякова, известного в ту пору поэта, переводчика и теоретика, приверженца классицистических традиций, хотя и увлекавшегося романтическими поэмами Пушкина,

С детства Веневитинов обучался музыке. Его преподавателем был Геништа, пианист и композитор, владелец богатой нотной библиотеки. Ему Веневитинов обязан любовью к серьезной музыке, знакомством с музыкальной литературой и даже собственными попытками музыкального творчества. Живописи он учился у Лаперша; судя по немногочисленным рисункам, дошедшим до нас, у него был художественный вкус и способности к живописи. В. Ф. Одоевский справедливо говорил, что Веневитинов «чудно соединил в себе три искусства» — поэзию, музыку и живопись.

Эти домашние занятия с 17 лет дополнялись посещением лекций профессоров в Московском университете (будучи вольнослушателем, Веневитинов не был прикреплен к определенному факультету). Он слушал физика-философа М. Г. Павлова, возбуждавшего мысль молодежи вопросами о жизни природы; впоследствии лекции Павлова оказали влияние на Белинского и Лермонтова. Интересовали Веневитинова и лекции И. И. Давыдова, в ту пору профессора латинской словесности и философии, приверженца, как и Павлов, новейших философских течений. А. Ф. Мерзляков был знаком юноше еще по частным урокам. В университетских аудиториях Веневитинов порою осмеливался вступать с ним в спор на так называемых педагогических беседах, которые имели право посещать студенты всех факультетов. По словам современников, юноша обращал на себя внимание ясным и глубоким умом и замечательной убедительностью доводов.[1] Вскоре, в 1824 году, он сдал при университете экзамены, необходимые для получения некоторых преимуществ по службе, и поступил в Московский архив коллегии иностранных дел. Его сослуживцами были образованные молодые люди, большей частью чуждые карьеристских стремлений. Их обязанности ограничивались посещением архива два раза в неделю и чтением древних актов. Впрочем, «архивные юноши», как их шутливо назвал Пушкин в «Евгении Онегине», больше беседовали на литературно-философские темы, чем работали, и для развлечения сообща писали сказки, которые, по словам современников, выходили «очень забавными».

В 1823 году в Москве образовался первый в России философский кружок — «любомудров».[2] На заседаниях его обсуждались

---

[1] См. А. П. Пятковский. Биографический очерк. — Полн. собр. соч. Д. В. Веневитинова. Под ред. А. П. Пятковского. СПб., 1862, стр. 9.

[2] Термин «мудролюбы» встречался еще у А. Н. Радищева. Он близок по значению к греческому слову «philosophia», обозначающему «любовь к мудрости». Однако позволительно высказать пред-

философские системы Канта, Фихте и в особенности Шеллинга. «Любомудры» читали и свои собственные сочинения, еще чаще вели беседы о прочитанных книгах. Председателем кружка был В. Ф. Одоевский, членами — И. В. Киреевский, Н. М. Рожалин, А. И. Кошелев; посещали кружок также С. П. Шевырев, С. А. Соболевский, М. П. Погодин, М. А. Максимович и другие. Душою кружка, его вдохновителем был Веневитинов. Он поражал всех широтою и разнообразием познаний, зрелостью суждений, пламенным красноречием. На заседаниях кружка он прочитал несколько своих статей, в которых отвлеченные идеи были воплощены в форму поэтических аллегорий и художественных диалогов.

В целом кружок мало реагировал на политические события того времени. Однако общественное возбуждение, которым характеризуется начало 1820-х годов, сказалось и на настроениях некоторых «любомудров», главным образом на Веневитинове, А. И. Кошелеве, И. В. Киреевском, Н. М. Рожалине. Даже С. П. Шевырев, впоследствии реакционный критик, не раз высмеянный Белинским, в 1820-е годы был затронут передовыми идеями времени, а М. П. Погодин, ставший в 1840-х годах редактором консервативного журнала «Москвитянин», в 1820-х годах был автором повестей, проникнутых демократическими тенденциями.

Кошелев сохранил в своих воспоминаниях описание вечера у своего родственника декабриста М. М. Нарышкина: «Это было в феврале или марте 1825 года. На этом вечере были Рылеев, Оболенский, Пущин и некоторые другие, впоследствии сосланные в Сибирь. Рылеев читал свои патриотические думы; свободно говорили о необходимости покончить с этим правительством».[1] Кошелев на другой день сообщил обо всем слышанном Киреевскому, Веневитинову, Рожалину; они долго беседовали на политические темы и пришли к выводу, что в России необходимо произвести «перемену в образе правления». Под влиянием этих новых настроений они «с особенной жадностью» стали читать сочинения передовых французских публицистов, и немецкая идеалистическая философия временно отодвинулась на второй план. Весьма интересен такой факт. Существование кружка не было известно правительству,

---

положение, что он восходит к одному месту в платоновском диалоге «Федр», который хорошо был знаком Веневитинову: «Мне кажется, Федр, название «мудрец» звучит слишком громко и приличествует одному лишь божеству; название же «любитель мудрости» или что-нибудь в этом роде более подходило бы и было бы более благопристойным» (Творения Платона, т. 5. Пг., 1922, стр. 166).

[1] А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 13.

но, оказывается, за «любомудрами», несмотря на всю умеренность их взглядов и политическую пассивность, какой-то осведомитель вел наблюдение. 23 августа 1827 года ретивый соглядатай перечислял в доносе замеченных им в «якобинстве» москвичей. Донос был направлен главным образом против Н. А. Полевого, но среди опасных лиц оказались братья Киреевские, Титов, приятель Веневитинова еще по архиву, Соболевский, Шевырев, Рожалин, т. е. ближайшее окружение поэта. «Если свыше не взято будет мер, — в испуге заявлял осведомитель, — то «якобинство» приобретет величайшую силу для действования на умы». Не лишено интереса замечание: «Я счел непременным долгом еще раз обратить внимание на сей предмет», — следовательно, этот донос был уже не первым.[1] Неизвестно в точности, чьи фамилии были названы в предыдущих обращениях к «властям предержащим», но весьма возможно, что среди них фигурировала и фамилия Веневитинова. Умолчание же о нем 23 августа 1827 года вполне понятно: поэта уже не было в живых.

Впрочем, кружок распался значительно раньше. Грозные события 1825 года испугали членов кружка, и председатель его в торжественной обстановке сжег устав и протоколы заседаний, тем самым лишив нас более точных сведений о деятельности «любомудров».

Хотя Веневитинов членом тайного общества не был,[2] его духовная связь с декабристами, как и всей передовой молодежи 1820-х годов, несомненна, и в этом смысле вполне справедливы слова Герцена о том, что поэт был полон «мечтаний и идей 1825 года».[3] Отзвуки общественных настроений эпохи заметны и в ряде стихотворений Веневитинова, и в его статьях. Он выражает свое несогласие с Мерзляковым, что происхождением трагедии мы обязаны «мудрым правителям первобытных обществ»; поэта возмущает мысль, что искусство влачит «оковы рабства от самой колыбели».[4] Занимаясь проблемами истории, он переводит отрывки

---

[1] См. М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. 2. СПб., 1889, стр. 390—391.

[2] Единственное глухое упоминание об его связи с Северным обществом находится в записках П. Н. Лаврентьевой, впервые опубликованных Б. В. Смиренским; однако эти сведения никакими документами не подтверждаются (см. Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 403).

[3] О развитии революционных идей в России. — Собрание сочинений, т. 7. М., 1956, стр. 223.

[4] Разбор рассуждения г. Мерзлякова... — Полн. собр. соч., стр. 211.

из книги немецкого ученого Герена, вслед за ним противопоставляет азиатский деспотизм европейской политической свободе, приносящей «прекрасные плоды»; нет сомнения, что сочувствие Веневитинова вызывала и мысль историка о несправедливости рабства, уничтоженного народами Европы, о необходимости распространения образования во всех странах и т. д.[1] Философский диалог Веневитинова «Анаксагор. Беседа Платона», не затрагивавший политических проблем, интересен как выражение высокой гуманности поэта, его веры в «золотой век» будущего. Веневитиновский Платон утверждал, что всеобщего счастья нужно достичь напряжением всех сил человеческого существа, ибо «жить не что иное, как творить будущее». И пусть это свершится тогда, когда нас уже не будет, — «что до времени?». Радость в самом сознании, что «мы ускоряем будущее». Однако Веневитинов не умел указать путей, ведущих к «золотому веку», он был далек и от мыслей. о революции.

Важным событием в жизни передовых кругов московского общества был приезд из ссылки в 1826 году Пушкина, знавшего о существовании кружка молодых поэтов и философов. По сведениям, идущим от Соболевского и переданным братом поэта А. В. Веневитиновым его биографу А. П. Пятковскому, Пушкин пожелал познакомиться с молодым поэтом, статью которого о первой главе «Евгения Онегина» он будто бы прочитал «с любовью и вниманием».[2] Есть сведения о том, что Веневитинов присутствовал у Соболевского на первом чтении Пушкиным «Бориса Годунова». Затем Пушкин дважды читал трагедию у Веневитиновых, причем на втором чтении было человек до сорока московских писателей, ученых, журналистов, любителей литературы.

В пору пребывания в Москве Пушкин предложил издавать журнал, который объединял бы молодые литературные силы, чуждые торгашеских интересов и реакционных тенденций «Северной пчелы». Правда, Пушкин не разделял отвлеченных философских интересов «любомудров», но он ценил их высокую культуру, одаренность и преданность искусству. Предложение Пушкина было с восторгом принято. Журнал решили назвать «Московский вестник», его редактором избрали Погодина. Энтузиастом «Московского вестника» стал Веневитинов, сформулировавший задачи журнала. По его мнению, они должны были заключаться в содействии

---

[1] Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 262 и сл.

[2] А. П. Пятковский. Кн. Одоевский и Веневитинов. СПб., 1901, стр. 126.

развитию национальной культуры, чуждой рабской подражательности. Для этого необходимо изучение основных проблем философии, дабы применить их ко всем наукам и искусствам. Но сначала, по мысли Веневитинова, придется «воздвигнуть торжественный памятник любомудрию» не «в летописи целого народа», а лишь в сознании отдельных людей. Выдвигая принцип развития национальной культуры, Веневитинов утверждал таким образом, что в конечном итоге ее высшие достижения войдут в жизнь народа — в его «летописи».[1]

К середине 1825 года относится событие, оставившее заметный след в жизни и творчестве Веневитинова, — его увлечение княгиней Зинаидой Волконской. Талантливая певица, заслужившая похвалу Россини, артистка, восхищавшая прославленную французскую актрису Марс, она, уроженка Турина, русская аристократка по происхождению, не могла отдаться искусству как профессии и была вынуждена остаться дилетанткой. Волконская долгое время жила в Западной Европе, затем в Петербурге, а в 1824 году переселилась в Москву, где ее салон посещали Пушкин, Мицкевич, Вяземский, В. Одоевский, Веневитинов и ряд других писателей, художников, певцов. «Царицей муз и красоты» назвал ее Пушкин; ей посвящали стихи Мицкевич и Козлов. Любовь Веневитинова к ней была глубокой и безнадежной. Волконская ответила на чувство поэта только дружбой.

В конце октября 1826 года Веневитинов неожиданно переехал в Петербург. Хотя официально поводом к отъезду послужил перевод на вакантное место в Министерство иностранных дел, однако действительной причиной переселения в Петербург было, по-видимому, желание друзей и близких отдалить поэта от предмета его безответной любви. «Москву я оставил как шальной, — не знаю, как не сошел с ума», — писал Веневитинов брату вскоре после отъезда.[2]

В дорогу он отправился с Ф. С. Хомяковым и французом Воше. Воше, библиотекарь графа Лаваля, сопровождал его дочь, молодую княгиню Е. Трубецкую, в Сибирь к мужу-декабристу, а теперь возвращался в Петербург через Москву. При въезде в Петербург, у заставы, Веневитинов и Воше были арестованы. Пребывание на одной из петербургских гауптвахт, по свидетельству племянника поэта, длилось недолго — один-два дня. Но холодное, сырое поме-

---

[1] О состоянии просвещения в России. — Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 215 и сл.

[2] Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 311.

щение, в котором был заточен поэт, оказало пагубное влияние на его здоровье, подорванное еще в Москве. При аресте Веневитинова подвергли допросу, о котором мы знаем лишь со слов А. П. Пятковского. Основываясь на рассказах ближайших друзей поэта, Пятковский писал, что «чересчур прямой и резкий ответ Веневитинова на некоторые предложенные ему вопросы усложнил было дело, но оно скоро окончилось по самой пустоте своего предлога. Ответ был дан в том смысле, что если он, Веневитинов, и не принадлежал к обществу декабристов, то он мог бы легко принадлежать к нему».[1]

Весь этот инцидент не оказал непосредственного влияния на служебное положение поэта. Будучи зачислен в Азиатский департамент, он увлекается изучением Востока, по его словам, «дружится» со своими занятиями, читает и переводит отрывки из книг по истории и религии восточных стран. Но все это было лишь внешней стороной его жизни, за которой скрывалась другая, более близкая сердцу поэта.

Много внимания, любви и заботы он отдавал «Московскому вестнику». В письмах к Погодину и ближайшим сотрудникам Веневитинов выражал беспокойство по поводу недостатков журнала, давал различные советы, называл произведения западных поэтов, прозаиков, ученых, которые, по его мнению, следовало бы перевести, сам участвовал в переводах, посылал для публикации свои стихи и критические заметки. Необходимо было получить новые материалы у писателей, уже давших свои произведения в журнал, привлечь новых сотрудников. Веневитинов бывал в доме Пушкина, но эти посещения не привели к установлению тесных связей с главой русской литературы. Он не осмеливался просить у Пушкина новых стихов и советовал это сделать Погодину. В то же время у него завязываются приятельские отношения с Дельвигом. Его принимает поэт Козлов, который жалуется на нападки «Северной пчелы». Веневитинов просит своих московских друзей защитить поэта-слепца. Он рассчитывает на участие в «Московском вестнике» И. А. Крылова, А. А. Жандра, друга Грибоедова, и, по-видимому, самого создателя «Горя от ума», для чего советует редакции выслать последнему номер журнала. Веневитинов не только ориентирует «Московский вестник» на передовых писателей своего времени, но стремится отмежеваться от продажной и реакционной литературы. Весьма характерно его отношение к

[1] А. П. Пятковский. Кн. Одоевский и Веневитинов. СПб., 1901, стр. 127.

редактору «Северной пчелы». Из письма поэта мы узнаем, что Ф. В. Булгарин безуспешно пытался заручиться согласием Веневитинова на сотрудничество в его журнале. Но Веневитинову была ясна пошлость и ограниченность Булгарина, самое имя которого сделалось для него бранным словом. Дело было, однако, не в личных качествах «площадного дурака». «Главное, — писал он, — отнять у Булгариных их влияние».[1]

В бюрократическом Петербурге Веневитинов чувствовал себя растерянным и подавленным. Поэт жалуется на то, что его «тоска замучила», что «среди холодного, пустого, бездушного общества» он одинок.[2] У него возникает желание уехать хоть бы в Персию. В письмах настойчиво повторяется: «Хочу отправиться туда при первой миссии»; «Я еду в Персию. Это уже решено».[3]

Однако тяжесть переживаний не ослабляла творческого вдохновения поэта. Наоборот, взволнованность, напряженность мысли усиливали его активность. А между тем сам он, по словам Ф. Хомякова, едва верил, что обладает поэтическим даром. Веневитинова именно в эту пору преследует мысль о творческом увядании. Отчасти с этим были связаны и мечты о поездке в Персию, где он надеялся найти силы «для жизни и вдохновений».[4] Подчас эти ощущения мнимого угасания поэтического дарования приобретали трагический оттенок. «Пишу мало... Пламя вдохновения погасло. Зажжется ли его светильник? Последнее время меня тяготит сомнение в себе. Трудно жить, когда ничего не сделал, чтобы заслужить свое место в жизни. Надо что-то сделать хорошее, высокое, а жить и не делать ничего — нельзя».[5]

Мучительные раздумья все же не препятствовали порою посещению балов и маскарадов. Но друзья поэта сообщали его биографу Пятковскому, что эти развлечения были лишь тщетной попыткой спастись от горестных мыслей, усыпить жгучую боль. Частые расспросы близких по поводу того, что происходит на вечерах у Волконской, и просьбы передать ей поклон говорят о том, что Веневитинов едва ли состоял с нею в переписке. Между тем стихи поэта свидетельствовали, что его чувство к Волконской не ослабело. Трагический оттенок этим стихам придавали непрестанная мысль о смерти, мучительные думы о самоубийстве — следствие не только крушения надежд на ответное чувство, но и тяжести всей

---

[1] Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 328.
[2] Там же, стр. 343.
[3] Там же, стр. 326, 344.
[4] Там же, стр. 344.
[5] Там же, стр. 343.

общественной атмосферы в стране, ощущения одиночества, неудовлетворенности окружающей средой.

Развязка наступила быстро и неожиданно. Непосредственной причиной смерти послужил вечер у Ланских, в доме которых, во флигеле, поэт в последнее время жил. Разгоряченный танцами, едва накинув шинель, холодной зимней ночью Веневитинов пошел к себе домой — и простудился. Болезнь легких протекала тяжело. Врачи не могли восстановить здоровье поэта, надорванное недавним арестом и тяжелым душевным состоянием. Воспоминания современников сохранили странную, несколько наивно-романтическую, но не лишенную трогательности финальную сцену. Еще не подозревая о неизбежной смерти поэта, друзья собрались в одной из комнат его квартиры и вели спор на философские темы. Врач, недавно уверявший, что болезнь не представляет опасности, вдруг объявил, что больной не проживет до следующего дня. Подготовить умирающего поручили А. С. Хомякову, который смертельно побледнел, но сумел сдержать слезы. У Веневитинова был перстень, подаренный ему Волконской. Поэт носил его на часовой цепочке и говорил, что наденет его в день свадьбы или перед смертью. Хомяков знал об этом. Он надел Веневитинову кольцо на палец, когда тот был уже в агонии. Придя в себя, поэт спросил: «Разве я женюсь?» — «Нет», — ответил Хомяков. Веневитинов понял этот краткий ответ: его «обручили» со смертью. Он залился слезами и умер спустя несколько часов. [1]

Друзья поэта горько оплакивали его безвременную кончину. Со слов друзей Веневитинова, переданных его биографу, мы знаем о скорбном упреке Пушкина: «Как вы допустили его умереть?» [2] «Душа разрывается. Я плачу как ребенок», — признавался в одном из писем В. Ф. Одоевский. [3] «Только первую страницу заветной книги он прочел», — говорил о нем в своих стихах поэт-декабрист А. Одоевский. «Сладость он жизни вкусив, горечь оставил другим», — писал Дельвиг. Ему посвятили скорбные стихи И. И. Дмитриев, А. В. Кольцов, Н. М. Языков и другие поэты. Видимо, о нем думал Лермонтов, создавая поэтическую характеристику «простосердечного сына свободы», который не щадил своей жизни и хранил в душе неиспользованный запас «блаженства, муки и страстей» («Эпитафия», 1830). Проникновенные слова сказаны о нем Герце-

---

[1] П. Матвеев. А. С. Хомяков. Биографический очерк. — «Русская старина», 1904, № 5, стр. 462—463.

[2] А. П. Пятковский. Биографический очерк. — Полн. собр. соч. Д. В. Веневитинова. СПб., 1862, стр. 28.

[3] Там же.

ном: «Едва успев промолвить несколько благородных слов, он увял, словно южный цветок, убитый леденящим дыханием Балтики. Веневитинов не был жизнеспособен в новой русской атмосфере. Нужно было иметь иную закалку, чтобы дышать воздухом этой зловещей эпохи, надобно было с детства приспособиться к этому резкому и непрерывному ветру».[1]

Друзья и почитатели бережно хранили память о поэте. День его кончины ежегодно отмечался поминальной трапезой, причем оставляли особый прибор для Веневитинова. Этот мистический ритуал соответствовал романтическим настроениям эпохи.[2] Сорок лет продолжалось соблюдение этого обряда, и еще в 1867 году была отмечена горестная годовщина новой трапезой и стихами Д. П. Ознобишина: «Кружок друзей его стал тесен: Одни вдали, других уж нет».

2

Небольшое творческое наследие Веневитинова во многом проясняет картину общего движения русской поэзии на рубеже двух эпох — периода нарастания дворянской революции и периода реакции, резкого спада общественного возбуждения. Веневитинов и в последекабристскую эпоху остается верен свободолюбивым настроениям, но коренным образом меняется соотношение тем в его творчестве. Стихи с политической окраской, проникнутые духом свободолюбия, — единичные явления среди его произведений, написанных после 1825 года.

В то же время, если в 1823—1825 годах линия философской лирики только намечалась в поэзии Веневитинова, то с 1826 года она становится основной. Обстановка разгрома передового общественного движения явилась одним из решающих факторов эволюции творчества поэта. Разочарование в политической борьбе, кризис декабристской идеологии существенно изменили направление идейных поисков у многих деятелей русской литературы. Этот процесс захватил и Веневитинова, творческие интересы которого сконцентрировались вокруг отвлеченных философских проблем бытия, далеких от общественной жизни и политических событий.

О вольнолюбивых стихах Веневитинова написано довольно

---

[1] О развитии революционных идей в России. — Собрание сочинений, т. 7. М., 1956, стр. 223.

[2] Так, Е. А. Баратынский обращался с просьбой к своим друзьям: «Прибор покойнику оставить Не позабудьте за столом» («Элизийские поля», 1825).

много, но не всегда убедительно. Неверно, конечно, изображать Веневитинова как поэта декабристской ориентации (тенденции к подобному взгляду имели место в прошлом), но было бы ошибочно вовсе не учитывать связь его творчества с декабристским общественным и литературным движением.

Уже одно из самых ранних произведений Веневитинова — поэма «Освобождение скальда» — своей проблематикой перекликается с декабристской поэзией. Автор поэмы использовал в ней весьма популярные в ту пору «оссиановские» мотивы, причем он близко подошел к «высокой», героической интерпретации оссиановских образов, противостоявшей сентиментальной трактовке их в духе поэзии Жуковского.

«Скандинавская повесть» Веневитинова рассказывала о том, что мирный певец может быть и «мощным» воином. Ложны слова скандинавского царевича, будто у скальдов бессильны длани, что им предопределен лишь дар сладкозвучного пения. Скальд Эгил доказал, что меч не «бесчестен» в руке певца: царевич, оскорбивший скальда, пал в упорном поединке. Но Эгил оказался героем не только в кровавом бою. Он защищает Ингисфала, заподозренного в убийстве царевича, и столь безбоязненно идет на казнь, что даже суровый отец погибшего отказывается от мести.

Подобно таким поэтам-декабристам, как Рылеев и Кюхельбекер, Веневитинов внушал своим произведением мысль о том, что истинный поэт должен быть прежде всего гражданином, поборником правды и добра. Некоторые моменты поэмы ослабляли, правда, политическую ее действенность. Так, главный герой «Освобождения скальда» совершает подвиги не ради великой цели — блага соотечественников, а руководствуется в своих действиях абстрактными понятиями чести и справедливости, и в финальных строках поэмы он навсегда оставляет свой боевой меч. И все же поэма Веневитинова в те годы объективно прославляла борьбу за правое дело.

Вера «в реальный союз поэзии с гражданским делом, в соединение поэзии с оружием»[1] — типичная черта идеологии декабристов. Не случайно такой большой резонанс в их поэзии получило сообщение о смерти Байрона, которого они восторженно чтили и как поэта-трибуна и как героя греческого восстания (см. стихотворения Рылеева и Кюхельбекера). В фрагментах «Смерть Байрона» Веневитинов создал близкий декабристам образ поэта, с ору-

---

[1] В. Г. Базанов. Поэты-декабристы. М. — Л., 1950. стр. 114—115.

жием в руках выступившего в защиту свободы. Мужество героя этого стихотворения сочетается с его преданностью гражданскому долгу и суровой готовностью к гибели («Я умереть всегда готов»), что составляло характерную особенность героев Рылеева. Сентенцией в духе поэта-декабриста отвечает на слова Байрона вождь греков: «Да! Смерть мила, когда цвет жизни Приносишь в дань своей отчизне».[1] Заключительный хор греческих патриотов напоминает строки стихотворения «На смерть Чернова»: над гробом павшего героя сыны свободы и победы — греки дают обет мести, подобно тому, как русские вольнолюбцы-патриоты — над могилой юноши-декабриста.[2]

«Смерть Байрона» тесно связана со стихотворением «Песнь грека», также проникнутым вольнолюбивыми настроениями. Восстание греков против деспотической власти турок взволновало молодого поэта так же, как и поэтов декабристского лагеря. «Песнь грека» полна гнева против угнетателей и жаждой мести за испытанные страдания. Примечательно, что герой стихотворения — человек из народа, сын хлебопашца. Его образ едва намечен поэтом, но все же в нем проступают мужество и стойкость. Каждая строфа завершается рефреном — клятвой: «За всё мой меч вам отомстит!» Вполне естественно, что русские читатели могли воспринимать стихотворение Веневитинова не только как восхваление героизма воителей Эллады. В дни преддекабрьского подъема, когда стихотворение было написано (1825), и в годы разгрома декабрьского восстания, когда оно было напечатано (1827), припев, призывавший к мести, звучал торжественным обетом.

У ряда передовых поэтов 1820-х годов гражданско-патриотическая тема разрабатывалась на историческом материале. В поэме «Евпраксия» Веневитинов, подобно Рылееву, А. И. Одоевскому или В. Ф. Раевскому, не смог раскрыть движущие силы исторического процесса, воссоздать образы и картины минувшего: это впервые оказалось под силу лишь Пушкину как автору «Бориса Годунова». Поэты-декабристы стремились создать образы таких стой-

---

[1] Тема счастья смерти за родину проходит через ряд произведений Рылеева: «Кто русский по сердцу, тот бодро и смело И радостно гибнет за правое дело» («Иван Сусанин»). В иных ситуациях эту же мысль повторяют герои других «дум»: «Глинский», «Смерть Ермака», «Волынский». Также и Наливайко в дошедших до нас отрывках поэмы о нем «благословляет свой жребий»: «Погибну я за край родной».

[2] «Клянемся дщерям и сестра́м: Смерть, гибель, кровь за поруганье!» Вопрос о том, кто является автором этого стихотворения — Рылеев или Кюхельбекер, — до сих пор не решен.

ких духом, непреклонных волею героев, которые могли бы служить примером для молодого поколения. Использовав рассказ Н. М. Карамзина о рязанском князе Федоре, Веневитинов поставил перед собой, судя по дошедшим до нас отрывкам поэмы, аналогичную задачу. Образ древнерусского князя, который не хочет подчиниться позорному требованию — отдать Батыю свою жену в наложницы и во имя родины, чести и свободы погибает в неравном бою, в чем-то сродни героям «Дум» Рылеева. Но, в противоположность рылеевским «Думам», любовь играет преобладающую роль в подвиге героя «Евпраксии». К тому же в дошедших до нас отрывках Федор изображен, подобно лирическим героям элегий Жуковского и Батюшкова, пассивным, погруженным в скорбные раздумья. Чертами героизма оказывается наделенным молодое поколение князей — Роман, юность которого не мешала ему быть примером для воинов, а суровые испытания битв научили презирать изнеженность властителей, и Олег — «дитя по сердцу и летам», но патриот, который «летит отчизну защищать», мечтающий «любовь к свободе показать».[1]

Связь с декабризмом наиболее отчетливо сказалась в стихотворении Веневитинова «Новгород» (1826), принадлежащем к числу его самых совершенных созданий. Навеянное в известной степени личными впечатлениями — проездом через древний город по пути из Москвы в Петербург, оно продолжало традиции многих декабристских поэтов, идеализировавших старое общественное устройство Новгорода и готовых видеть в нем прообраз освобожденной России. Характерно, что поэты-декабристы, более убежденные в необходимости борьбы, чем в возможности победы, изображали преимущественно не могучий и цветущий Новгород или Псков, а разгром этих вольных городов. Стихотворение Веневитинова входит в круг произведений, решающих «новгородскую» тему

[1] Ср. у Рылеева:

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
(«Димитрий Донской»)

...тот отчизны верный сын...
...кто с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу.
(«Волынский»)

в том же трагическом плане. Картины минувшего возникают в сознании поэта как воспоминания об эпохе, давно отошедшей в прошлое. Кровли Новгорода, золотой крест на Софийском соборе, столбы, на которых некогда висел вечевой колокол, — все эти священные символы утраченной свободы наполняют сердце поэта волнением, восторгом и мукой. Площадь, где некогда было вече, для него «свята», «здесь воздух чище и вольней». Тема новгородской вольности в 1826 году, конечно, приобрела криминальный смысл, и не случайно даже в 1828 году, после смерти поэта, стихотворение было запрещено цензурой. Редакторы издания 1829 года, чтобы напечатать произведения своего покойного друга, должны были примириться с исчезновением слов поэта о величии Новгорода.[1]

Однако патетика этого стихотворения не определяла основной линии творческого развития Веневитинова в петербургский период.

3

Одно из интереснейших произведений Веневитинова, написанных незадолго до событий 14 декабря, — уже упомянутая философская статья «Анаксагор», излагающая в форме «беседы Платона» взгляды автора на призвание поэта. Для исторического Платона всякое искусство было средством не познания, а лишь подражания действительности, следовательно чем-то ложным, развращающим. Он считал, что художникам и поэтам (за исключением восхваляющих богов) нет места в идеальном городе будущего. Однако теоретически отрицая искусство, он признавал огромную силу его воздействия. Поэтому он полагал, что если защитники поэзии докажут ее пользу, то ее можно будет принять в государство будущего, потому что мы «сами сознаем себя в восторге от нее».[2] Веневитиновский Платон строже эллинского Платона, ибо просит всех поэтов оставить пределы будущего государства, не давая им права защищаться. Самое существенное различие заключается в причине этого остракизма. Дело, оказывается, не в аморальности того или иного вида искусства. Платон Веневитинова выдвигает обвинение, находящееся в резком противоречии со взглядами немецких романтиков на необходимость отчуждения поэзии от гражданской направленности искусства. Задачей поэзии является, по утверждению веневитиновского Платона, обращение

[1] См. Ю. Г. Оксман. Цензурные материалы о Д. В. Веневитинове. — «Литературный музеум», т. 1. Пг., 1921, стр. 344—347.

[2] Платон. Политика или государство. СПб., 1863, стр. 504.

к человечеству, забота о его счастье: «Моя республика должна быть составлена из людей мыслящих, и потому действующих. К такому обществу может ли принадлежать поэт, который наслаждается в собственном своем мире, которого мысль вне себя ничего не ищет и, следовательно, уклоняется от цели всеобщего усовершенствования?» [1]

Понимание поэзии как строгого долга, мысль об общественной ценности искусства, о его активном воздействии на жизнь людей Веневитинов сохранил до конца своей литературной деятельности, а теория «чистого» искусства никогда не вызывала его симпатий. Но само призвание поэта в последекабристский период трактуется им иначе, чем в стихах 1823—1825 годов. Программное для Веневитинова стихотворение «Поэт» (1826) рисовало уже новый образ поэта — не воина свободы, а возвышенного мудреца, перед которым открываются тайны мироздания. Этот образ закрепляется и в других стихотворениях Веневитинова, обрастая рядом новых свойств. Кое в чем он был близок декабристскому образу поэта-пророка, божественного избранника, объединяющего людей в борьбе за социальную справедливость. Веневитиновский поэт — тоже своего рода пророк —

С печатью власти на челе,
С дарами выспренних уроков,
С глаголом неба на земле.

Он не только вникает в тайны своего сердца и в загадки природы, но вещает мудрые истины о жизни, о пламенных словах, которыми нужно зажечь сердца, об искусстве, обладающем удивительной силой объединять человеческие души. Однако идеалистическая философская концепция, под влиянием которой создавались стихи Веневитинова, ослабляла тот общественно-политический смысл, который был вложен в этот образ поэта-пророка писателями-декабристами.

Веневитинов вошел в историю русской литературы прежде всего как поэт-философ. Неразрывную связь между философскими увлечениями Веневитинова и его поэтическим творчеством отметил еще И. В. Киреевский. Он видел в безвременно скончавшемся юноше одновременно поэта, который создан был стать украшением родной литературы, и философа, «проникнутого откровением своего века»; обе стихии даны в его творчестве слитыми воедино: «каждое чувство освещено мыслию, каждая мысль согрета

---

[1] Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 134.

сердцем».[1] Сочувственное цитирование этих слов Пушкиным[2] свидетельствовало о согласии великого поэта с приведенным суждением. Сходной была позиция Белинского. По его мнению, из всех молодых поэтов пушкинской поры «один только Веневитинов мог согласить мысль с чувством, идею с формой».[3] Впоследствии, отмечая в стихах Веневитинова «содержание, которое заключало в себе самодеятельную силу развития», критик высказал убеждение, что Веневитинов «скоро оставил бы поэзию для философских созерцаний».[4] Сам Веневитинов не отделял своих философских интересов от поэтического творчества. Он упрекал современных стихотворцев в легкомыслии и пустоте, в том, что техника в их произведениях заменяет содержание: «Язык поэзии превращается в механизм; он делается орудием бессилия». Между тем «истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения».[5] Эта мысль, не раз в различных вариациях повторяемая Веневитиновым, требует для понимания его поэтического наследия определения и его философских позиций.

С особенным прилежанием и увлечением изучал Веневитинов двух философов, отделенных многими веками, — Платона[6] и Шеллинга, который стал для него «источником наслаждений и восторга».[7]

Говоря о немецком философе, не надо забывать, что Энгельс

---

[1] Обозрение русской словесности за 1829 год. — «Денница». СПб., 1830, стр. XLV—XLVI.

[2] А. С. Пушкин. «Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем». — Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1949, стр. 118—119.

[3] Литературные мечтания. — Полн. собр. соч., т. 1. М., 1953, стр. 78.

[4] Русская литература в 1841 году. — Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, стр. 562.

[5] О состоянии просвещения в России. — Полн. собр. соч., стр. 215.

[6] Отзвуки идей Платона о небесной родине, земной жизни как «юдоли заточения», стремлении человека вспомнить о своем «предсуществовании» отразились в сонете Веневитинова «К тебе, о чистый Дух...»

[7] Высказывавшееся в литературе о Веневитинове утверждение, будто Шеллинг стал его «впоследствии сокрушать», основано на недоразумении. Эти слова Веневитинова относятся не к философу, а к книге его, взятой у одного приятеля и по ошибке данной другому. Поэт извиняется, смущенно шутит и обязуется возвратить книгу владельцу. Именно в этом смысле Шеллинг его «сокрушал» (Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 307).

резко противопоставил его ранний, прогрессивный период деятельности, с которым Веневитинов только и был знаком, позднему, реакционному.[1] Значение Шеллинга для науки определялось тем, что он, основываясь в своих построениях на достижениях современного естествознания, разрабатывал рациональные диалектические идеи натурфилософии — идеи всеобщей связи и единства природы и ее непрестанного развития, хотя и делал из них идеалистические выводы. Произведения Шеллинга, относящиеся к этому периоду его деятельности, вызывали подозрительность и озлобление властей.

В системе Шеллинга Веневитинова наиболее привлекали две идеи. Вслед за философом-идеалистом Веневитинов утверждал, что средством познания мира является сам человек, потому что все существующее во вселенной отражается в человеческой личности; самопознание есть путь познания мироздания. Эта идея, выраженная у Веневитинова в диалоге «Анаксагор», в дошедших до нас отрывках задуманного им романа «Владимир Паренский» и в статье «О состоянии просвещения в России», сделалось в 1820—1830-х годах весьма распространенной и приводила к мысли о самопознании как пути к самоусовершенствованию.[2]

Другая идея, навеянная идеалистической философией, равно как и взглядами некоторых поэтов-романтиков, это преклонение перед искусством, признание наслаждения им высшей из всех земных радостей, а поэта — способным постигать тайны человеческого сердца, избранником, стоящим над толпой рядовых людей, достойным быть вождем человечества.

Раздумья о сущности и значении поэзии, о роли поэта в жизни человечества переходят со страниц статей Веневитинова в строки

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2. М.—Л., 1929, стр. 163.

[2] Собственно философские работы Веневитинова очень немногочисленны. Это — «Письмо к графине NN» (А. И. Трубецкой) и второе письмо, оставшееся незаконченным и, по-видимому, адресованное ей же. Несомненна связь высказанных в этих письмах мыслей со взглядами Шеллинга. Ср., например, утверждение Веневитинова во втором письме, что «всякое знание есть согласие какого-нибудь предмета с представлением нашим об этом предмете» (Полн. собр. соч., стр. 256), со словами Шеллинга: «Всякое знание зиждется на соответствии между объективным и субъективным... истину нужно полагать в соответствии представлений их предметам» (Система трансцендентального идеализма. Л., 1936, стр. 11). Самое определение философии как науки о познании связано с формулой Шеллинга: «Трансцендентальное знание является знанием о знании» (там же, стр. 13).

его стихотворений. Сближая, как и в статьях, поэзию и философию, он считал, что поэт должен быть одновременно и глубоким мыслителем: его строгий ум не блещет в шумном разговоре; ему близок «тихий гений размышлений»; в нем «ум и сердце согласились» и, «полные мысли», носятся на легких крыльях мечты. Этим сочетанием мыслей и чувств, «гордых дум» и страстей, наполняющих грудь, обусловлен самый процесс творчества, лишенный холодной рассудочности. Акт создания рисуется поэтом как внезапно возникающий, интуитивный и воплощающийся в творческом результате, который может быть неясен и самому поэту: «Язык невнятное лепечет И тихо плещущим волнам Слова прерывистые мечет» («К моей богине»). Именно такой характер вдохновения позволяет открыть загадки природы, прочитать тайны вечного творения, «обнять весь мир в единый миг». Этому пониманию творчества соответствует и своеобразное представление о поэте как загадочном существе, которое становится тайной для окружающих. Все в их жизни «чуждо, дико» для него, его душа, богатая собой, «не ищет вчуже утешенья», и он стремится сделать ее «булатной», чтобы не страшиться тяжких ран, наносимых тупостью и пошлостью толпы. Рациональное зерно такого понимания места поэта в обществе заключалось в требовании уважения к искусству и отчуждения от светской черни, что имело несомненное значение в условиях 1820-х годов. К тому же непосредственное чувство Веневитинова, восприятие им искусства не через очки философов-идеалистов и таких писателей-романтиков, как Тик и Новалис, отразились в ряде стихотворений, которые совершенно не укладывались в рамки подобных воззрений.

Было бы неверно рассматривать взгляды Веневитинова на искусство как простую копию шеллингианской эстетики. В ряде вопросов русский поэт занимал самостоятельную позицию, не совпадающую с учением Шеллинга о художественном творчестве. Так, по Шеллингу, значительное произведение искусства вселяет в душу спокойствие и тишину.[1] Взгляд Веневитинова был шире: «звуки тихих струн» не столь часто раздаются в его стихах, и далеко не всегда поэтом движет «тихий гений размышленья». Мысль о вдохновении вызывает у него образы пламени, огня, горения. Веневитинов утверждал, что поэт — это Прометей, похитивший пла-

---

[1] «Внешним впечатлением от произведения искусства должно быть... спокойствие и тихое величие, сопутствующее даже там, где нужно отразить величайшую напряженность страдания или радости» (Система трансцендентального идеализма. Л., 1936, стр. 384).

мень с небес, а поэзия — это жар сердца, луч, который зажигается в глазах, искра, вырывающаяся из груди. Не упоительная гармония; а только «сильный стих не раз встревожит Ум пылкий юноши во сне» («Поэт и друг»). Для выяснения раздумий Веневитинова об искусстве большой интерес представляет стихотворение «К любителю музыки». Веневитинов раскрывает в нем значение музыки, которое заключается в том, что музыкальное искусство заражает сердце слушателя любовью к людям. Тот, кто искренне и глубоко проникает в истинный смысл гармонических звуков, не только обнимает «живей, вольнее родную душу»; его грудь раскрывается для всего человечества, все люди становятся его братьями, и он как друг вселенной простирает к ним объятья. Это признание искусства источником любви к человечеству далеко выходит за рамки учения Шеллинга и его сторонников.

Иной аспект в раскрытии высокого значения искусства дан Веневитиновым в часто цитируемых строках из стихотворения «Я чувствую, во мне горит...» Требование постичь загадки природы приобретает в раздумьях Веневитинова особый характер. Тайный голос говорит поэту: «Открой глаза на всю природу», и поэт стремится понять человеческую жизнь во всей ее полноте и богатстве, воссоздать каждый миг ее, ответить своей песней на все ее призывы:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывный —
Отзывной песней отвечай!

Связь Веневитинова с идеалистическими философскими концепциями вызывает вопрос о роли религиозной тематики в его творческом наследии. Однако романтико-идеалистическое мировоззрение не приводило Веневитинова к устойчивой религиозности, к церковной ортодоксии. В этом отношении любопытны воспоминания Кошелева. «Христианское учение, — писал он, — казалось нам пригодным только для народных масс. Мы особенно высоко ценили Спинозу и его творения считали много выше Евангелия и других священных писаний».[1]

К религиозным обрядам Веневитинов, по-видимому, был совершенно равнодушен. Из письма поэта видно, что он ходил в Казанский собор по соображениям эстетического характера: ему

[1] А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 12.

«очень нравится», когда толпа после церковной службы вырывается наружу через три двери и в течение получаса наводняет всю площадь; он любит также рассматривать иконы в этой церкви, написанные «нашими лучшими академиками». В этих словах весьма трудно найти признаки горячей религиозности. Разумеется, Веневитинов, как и все люди его времени, знал «священное писание», но воспринимал он его опять-таки не в ортодоксальном смысле, а сквозь призму искусства и философии. Книга «Бытия» для него была аллегорией, говорящей о состоянии первобытного человека. Вообще в Библии он видел предания древнейшего историка и просил своего друга Кошелева не устрашаться заключений, «которые в глазах многих доказывают атеизм». [1]

Скептическая мысль возникает в сознании поэта. Его притягивает греховное, с точки зрения религиозных догматов, желание насильно оборвать свою жизнь. Он не верит в загробную кару; существование прекращается здесь, на земле. «Где жизни нет, там муки нет», — говорит он в стихотворении «Кинжал», которое оказалось возможным напечатать лишь в 1913 году. В этой связи большой интерес представляет стихотворение «Завещание», принадлежащее к числу наиболее проникновенных созданий поэта. В сердце героини, к которой адресовано стихотворение, по-видимому, еще живет традиционная религиозность, цельная и наивная. Поэт не разделяет ее верований. Ему не хотелось бы нарушить гармонию ее душевной жизни, но скептическое отношение к «простонародным» взглядам невольно сказывается в его словах. Завершая свой короткий жизненный путь, в «час последнего страданья», поэт считает себя вправе обнять и поцеловать возлюбленную так, как ангелы «Устами б чистыми лобзали, Когда бы мы в восторге их За гробом сумрачным встречали». Самое строение фразы убеждает в том, что поэт не верит в эту встречу с небожителями и что он пользуется словами из языка той, к кому обращено стихотворение. И слово «рай» не из его лексикона: «И то, что раем ты звала, Передо мной теперь открыто». Это она, а не он называет загробный мир раем. То, что нетленная душа будет жить без тела, — это ее, а не его убеждение: «Ты веришь, милый друг, Что за могильным сим пределом Душа моя простится с телом И будет жить, как вольный дух».

Поэт готов просить прощения, но он не может отказаться от своих опасных раздумий: пусть она позабудет его «исступленную» речь, однако «холодные сомнения» остаются в его сознании.

---

[1] Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 302.

Напряженная мысль поэта стремилась разрешить загадки бытия. Его волновал вечный спор о жизни — о ее радостях и горестях, о соотношении светлого и темного в ней. Свободно перелагая французское стихотворение Мильвуа, Веневитинов иносказательно говорит о трех этапах существования — об упоении ранней юности, о более поздней скорби разочарования, о завершающем признании обеих стихий жизни — светлой и сумрачной («Крылья жизни»).

Поэт часто возвращается к этим раздумьям о жизни, которая выступает у него в различных иносказательных образах — то лживой сказки («Жизнь»), то глухой степи («Три розы»), то завлекающей и коварной Сирены («Жертвоприношение»): иных образов ему не подсказывала действительность «страшных лет» декабрьского разгрома.

Он готов отказаться от суетных радостей во имя душевной чистоты, ибо радость — неверный спутник жизни («Моя молитва»). Эта мысль об очищении, самоусовершенствовании, владевшая поэтом, дополняется убеждением, что высшее благо жизни — свершение того, к чему человек призван, исполнение той суровой обязанности, о которой твердит сознание, о которой говорит «трепет сердца». Для того, кто отдает свою жизнь подвигу, нет ничего страшного в мире:

Тому, кто жребий довершил,
Потеря жизни не утрата,
Без страха мир покинет он.

(«Поэт и друг»)

Веневитинов вкладывал в понятие подвига непрестанный труд художника, напряженную мысль философа, борьбу за душевную чистоту. Читатель двадцатых годов, свидетель подвига людей 14 декабря, мог наполнять эти поэтические формулы более суровым, социально значимым содержанием.

4

Веневитинов часто жаловался, что ему тяжело «дышать и жить» в светском окружении. И он пишет в своих стихах о том, что «свет» мстителен, что дружба здесь скупа и лицемерна. В этой «многолюдной пустыне» нет глаз, зажженных чувством; здесь непонятны порывы пламенного сердца. Люди в этой пустыне лишь делают вид, что для них существует искусство: шумом рукоплес-

каний, бессмысленными восклицаниями они пытаются заменить искренний восторг («К любителю музыки»).

Эпитет «холодный» часто встречается в ряде стихотворений Веневитинова, характеризующих светское общество. У светских людей не только «холодный смех», но и «холодный взор». Все их существование — это бесстрастие «холодной жизни» («К моей богине»), и каждый человек из этого круга — «раб холодный» привычек, обычаев, предрассудков («К любителю музыки»). В этой среде даже у самого поэта «чувство стынет» («Послание к Рожалину», 1826).

Юный поэт предвосхищает лермонтовскую характеристику молодого поколения:

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом пламенным наш ум не шевелят...
И царствует в душе какой-то холод тайный...

(«Дума» Лермонтова)

И уже совершенно по-лермонтовски звучит горькая жалоба Веневитинова на одиночество в стихе, непосредственно предваряющем гениального поэта: «Никто не жал руки моей» («Послание к Рожалину», 1826).

Существенную роль в поэзии Веневитинова, как и в творчестве других романтиков, играла тема дружбы. Ряд стихотворений поэта обращен или обобщенно к друзьям, или к отдельным лицам — к Ф. Я. Скарятину, К. И. Герке, Н. М. Рожалину (два послания).

Все эти стихотворения весьма далеки от того освещения темы дружбы, которое характерно для творчества большинства поэтов 1820-х годов XIX века. Все они чужды воспевания мимолетной любви, пиршеств, уединенной жизни, заполненной сладостным бездельем или безмятежной мечтательностью; обобщенный образ героев этих посланий противопоставлен светской среде, пустой и легкомысленной, лживой и коварной. Только одно из них, и то лишь отчасти, напоминает черты стихотворных посланий начала XIX века. Приятель Веневитинова Скарятин, одаренный художник, декабрист, офицер драгунского полка, своим пребыванием среди «удалых» драгунов побуждал поэта использовать обычные черты «гусарских» стихов Д. Давыдова. Однако это не делает стихотворение традиционным восхвалением веселой попойки, а, наоборот, сдержанным укором другу, недавно «счастливому обожателю искусств», предпочитающему ныне шум стана и воинские забавы.

Герои других посланий поэта — приверженцы тех же высоких духовных радостей, которые дороги и самому Веневитинову. И эти

друзья порой не чужды «веселий легкокрылых», и они ценят «шутки, игры, радость»; но все эти радости можно найти не на дне звонкой чаши, а в «сладости песен», в веселых беседах, в служенье музам, в звуках лиры («К друзьям», «К друзьям на Новый год»). В посланиях Веневитинова отчетливо вырисовывается образ друга, участника философских споров, погруженного в чтение книг, поклонника искусства и философии. Именно такие друзья становятся для Веневитинова членами тесного братства юных мудрецов — «любомудров». Истомленный холодом и бессердечием обитателей «многолюдной пустыни», поэт мечтает возвратиться в круг этого вдохновенного братства, где он найдет высшие дары человеческого существования («Послание к Рожалину», 1826). Свою сестру Веневитинов пытается воспитать в духе этого дружеского объединения («Любимый цвет») и готов включить в семью юных мудрецов ветхого годами, но не стареющего душой своего гувернера («К. И. Герке»).

Своеобразные оттенки в связи с общим характером творчества Веневитинова приобретает в его стихах и тема любви. В своих произведениях он сравнительно редко обращается к ней. В небольшом наследии поэта эта тема воплощена лишь в нескольких стихотворениях, объединенных образом одной и той же женщины — З. А. Волконской («Завещание», «К моему перстню», «Кинжал», «Италия», «Элегия», «К моей богине»). Поэт говорит о том, что ответом на его любовь была только дружба; но он предпочитает сказать об этом метафорично: «дружба в горький час прощанья Любви рыдающей дала» старинный перстень. Самый дар превращается в волшебный талисман, который будет охранять поэта от душевных ран и соблазна самоубийства. Но и мысль о насильственном прекращении жизни дана тоже в виде намека: талисман должен отвратить от груди поэта «свинец безумства» («К моему перстню»).

В стихотворениях, посвященных З. А. Волконской, поэт не раз говорит о голосе страстей, о своей «мятежной груди», о томительности неразделенного чувства. Но, не без внушения своей «богини», он старается себя уверить в идеальности и романтической отвлеченности своей любви, несовместимой с чувственностью:

Но я любил тебя как друг,
Как любят звездочку в эфире,
Как любят светлый идеал
Иль ясный сон воображенья.

(*«Кинжал»*)

Весьма примечательно, что произведения, посвященные Волконской, созданы не в пору московских встреч с нею, а лишь в месяцы, проведенные в Петербурге.

Поэт не стремится воссоздать в стихах конкретный женский образ. Реальная Зинаида Волконская превращена в абстрактную «волшебницу», «богиню», в «милого ангела», «божественную душу». Поэт упоминает об очаровании ее песен и рассказов, но с преднамеренным лаконизмом говорит о ее красоте; даже о цвете ее глаз упоминается в виде намека: «На цвет небес ты долго нагляделась И цвет небес в очах нам принесла». Устраняются все бытовые детали. Героиня показана не на фоне московского салона, где поэт видел свою «волшебницу», а пейзажа Италии, которая ему незнакома, но где русская княгиня родилась. Но и этот пейзаж дан обобщенно, в красках, не выходящих за грани литературных традиций: это — «отчизна вдохновенья и красоты», «дивная страна», где яхонт небес, необозримый небосклон, золотое утро, серебряная ночь. Страсть поэта «безнадежна», «безотрадна», «мучительна», она — «ад на земле». Смерть не погасит этой любви, гроб не разлучит его с возлюбленной; если она «памятью преступной» изменит, он тайно «облечется в укор» и «к душе прилипнет вероломной». Однако за этими романтическими формулами ощутимо глубокое страдание, искреннее большое чувство, возросшее в атмосфере романтизма 1820-х годов.

Основным героем стихотворений Веневитинова является сам поэт. Явления окружающей действительности он преломляет сквозь свое восприятие, накладывая на все изображенное отпечаток субъективности, характерный для романтизма как художественного метода. Однако творчество Веневитинова отмечено стремлением и к созданию объективных образов, не совпадающих в основных чертах с обликом лирического героя поэта. Речь идет прежде всего о произведениях, написанных в диалогической форме, которая требовала присутствия по крайней мере двух персонажей. Примечательно, что в ряде стихотворений этого типа Веневитинов попытался создать образ человека из народа.

В «Домовом» зарисованы образы простодушной дочери и рассудительной мамаши, разговор которых выдержан в духе народной речи. «Домовой» — единственное пародийное стихотворение поэта, иронически трактующее традиционную «ужасную» тематику баллады. Веневитинову была чужда наивная фантастика этого жанра, разработанного Жуковским. История с домовым, который просит девушку впустить его, является забавной мистификацией, так как проклятый «бес» оказывается усатым парнем.

В диалогической форме построено стихотворение «Новгород», где четко отделены образы двух героев: интеллигента-вольнолюбца, хорошо осведомленного в истории древней «республики», и темного крестьянина-возницы, придавленного нуждой и гнетом.

Вопросы героя, адресованные к вознице, дополняются его внутренними монологами, характеризующимися напряженной конструкцией предложений: риторическими вопросами («Ты ль предо мной, о древний град?..»), патетическими обращениями к городу древней свободы («Теперь ты сам ответствуй мне, о Новград...»). Герой пользуется сложными предложениями с различного типа придаточными, составляющими в целом развернутый период. Строю предложений, характерному для речи человека высокой культуры, соответствует словарный состав и фразеология: отчизна славы, правдивые уста, полет веков, бессмертные витязи и т. д. Язык этого героя резко отличается от речи ямщика, в репликах которого встречаются выражения типа: «Ну, тройка! духом понесла!», «Прозванья этого здесь нет», «По сказкам наших стариков...». У ямщика преобладают простые предложения: «Нет! Это но́вградские кровли», «Собор отсюда, барин, близко». Вместо сложноподчиненных предложений, типичных для его собеседника, ямщик употребляет сложносочиненные: «Вот улица, да влево две, а там найдешь уж сам собою».

В стихотворении «Поэт и друг» дается иная ситуация. Это беседа двух представителей передовой общественной мысли, но людей с различным психическим складом. Поэт-философ, в образе которого нельзя не узнать самого Веневитинова, беседует со своим другом о жизни, об ее благах, об искусстве, любви, природе — обо всем том, что составляет содержание большинства стихотворений самого автора. Давая простор репликам друга, автор, вероятно, не все отвергает во взглядах его. Призыв друга к надеждам, мечтам, напоминание о молодом сердце поэта, зажженном любовью, раздумье о том, что радость ограничивается лишь земной жизнью, а не потусторонним миром («Что за гробом, то не наше»), — все это близко к мыслям и чувствам самого автора стихотворения. Вместе с тем Веневитинов создал еще один объективный образ — жизнелюбца, упоенного земными благами, оптимиста, верящего в мудрые законы природы, реалиста, который не хочет заменить действительность мечтой, и истинного доброжелателя, стремящегося развеять мрачные мысли поэта, его «коварную мечту» о самоубийстве.

Для поэзии Веневитинова с ее пафосом постижения тайн мироздания характерен жанр иносказаний. Так, образ птицы с двумя

крыльями — темным и светлым — это жизнь, с ее печалями и радостями (см. вольный перевод стихотворения Мильвуа «Крылья жизни»). Рисунок Скарятина — Урания, украшенная пятизвездным венцом, — Веневитинов комментирует стихотворением, раскрывающим значение каждой из этих звезд — поэзии, надежды, любви, дружбы, счастья («К изображению Урании»). Иногда стихотворение завершается авторским истолкованием. Веневитинов, вслед за своим образцом (Грессе), говорит о судьбе молодой веточки, сорванной ветром: она, упавши в ручей, то спокойно носится над струей, то исчезает на дне, пока окончательно не утонет в глубине моря. «Вот наша жизнь», — расшифровывает поэт смысл аллегории, дополняя своим пояснением текст французского поэта («Веточка»). Наибольший поэтический интерес представляют те стихотворения, в которых проницательность читателя должна самостоятельно раскрыть иносказание. Характерный пример — одно из лучших стихотворений поэта «Три розы». Тайный смысл благоуханных даров, брошенных богами в юдоль человеческой жизни, не раскрывается поэтом, который, однако, путем намеков подсказывает читателю идею стихотворения о трех радостях, украшающих скорбный путь человека: об искусстве, природе, быстро вянущей девичьей красоте.

Своеобразие художественного метода Веневитинова проявляется в его стремлении к афористически завершенному выражению мыслей, которые могут обособляться от всего стихотворения и приобрести самостоятельную литературную жизнь. Это раздумья о неизбежном конце человеческого существования: «Поток нас всех от колыбели Влечет до двери гробовой» («Веточка»); о необходимости уединения от светской среды: «Не ищет вчуже утешенья Душа, богатая собой» («Послание к Рожалину», 1826); суровое требование осознать и осуществить свой долг: «Тому, кто жребий довершил, Потеря жизни не утрата» («Поэт и друг»), стихи о различии человеческих судеб:

Тому — процвесть развитой силой
И смертью жизни след стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

(«Поэт и друг»)

Те же стилистические тенденции проявляются в стремлении Веневитинова к поэтической лаконичности, к осуществлению правила — «чтобы словам было тесно, мыслям просторно», по муд-

рому слову Некрасова. Поэт порою требует от своего читателя углубления в текст стихов, в оттенки значения слов. Примеры такого затрудненного чтения стихов многочисленны.

Напряженность мысли поэта проявляется в отборе эпитетов. Большой выразительности достигает он, например, своим определением пустыни, находящимся в кажущемся противоречии с определяемым словом: «свет» является для поэта «многолюдной пустыней» («Послание к Рожалину», 1826). Подлинным глубокомыслием отличается эпитет в стихотворении «К моему перстню»: «От едкой жажды славы ложной». Для поэта стремление к такой славе — путь развращения, разъедающего душу. На мудром соотношении эпитетов построены стихи: «Теплые дни дружбы и дни горячие любви».

Поэтический язык Веневитинова в его ранних произведениях несомненно зависел от словаря и фразеологии поэтов начала XIX века.[1] Отголоски элегического стиля Жуковского и Батюшкова отчетливо обнаруживаются в ранних стихах поэта. Но поэзия Веневитинова выросла прежде всего на образцах пушкинского творчества. Усвоив принципы пушкинской поэтики, Веневитинов порою создает строки и фразеологические обороты в стиле своего учителя, но вне прямой зависимости от него и одновременно с ним. Весьма показательно, что строка из стихотворения «К моему перстню» («Надеждой сердце оживи») может быть с легкой вариацией прочитана в письме Татьяны: «Надежды сердца оживи». Выражение «надежда славы» встречается в стихотворении Веневитинова «К моей богине» и в «Стансах» Пушкина (1826). «Ветреная младость» — это сочетание из стихотворения Веневитинова «Поэт» использует и Пушкин в пятой главе «Евгения Онегина»: «Гадает ветреная младость».

Художественные достоинства стихотворений Веневитинова — результат не только таланта и вдохновения, но и большого творческого труда. Между тем его биограф утверждал, будто Веневитинов «писал сразу», «почти без вариантов».[2] Хотя рукописи поэта дошли до нас далеко не в полном составе, но и те автографы, которые нам известны, свидетельствуют о том, насколько неточно такое представление о процессе поэтической работы Веневитинова.

Когда Веневитинов работал над текстом стихотворения «Я чув-

---

[1] См. Л. Я. Гинзбург. Опыт философской лирики (Веневитинов). — «Поэтика», т. 5, Л., 1929.

[2] А. П. Пятковский. О жизни и сочинениях Д. В. Веневитинова. — Сборник, издаваемый студентами Петербургского университета, вып. 2. СПб., 1860, стр. 222.

ствую, во мне горит...», он сначала написал: «Лови дары сей жизни дивной». Эта строка звучала в духе горацианского эпикурейского призыва наслаждаться преходящими благами жизни; она явно соответствовала известному афоризму римского поэта: «Carpe diem» («Лови день»). Но смысл стихотворения, призывавшего к постижению жизни, осознанию ее во всей глубине и противоречивости, плохо гармонировал с этим стихом. В окончательной редакции Веневитинов придал ему следующий вид: «Теперь гонись за жизнью дивной», что отвечало замыслу произведения.

Особенно выразительно сопоставление двух редакций стихотворения «Жизнь». Оно говорит о вдумчивой работе поэта. В первоначальной редакции Веневитинов пользуется абстрактным и трафаретным сравнением: «Вначале жизнь как рай для нас». Устранение его делает стих более простым и вместе с тем колоритным: «Сначала жизнь пленяет нас». Поэту не сразу давались слова прямого и точного значения. Он написал: «Ее загадка и развязка Уже длинна, стара, скучна». Но «развязка» жизни, которая, в самом деле, так же стара, как неизбежна, далеко не всегда кажется длинной и совсем не характеризуется словом «скучна». Строка стала точней и ярче, когда место «развязки» — смерти заняло иное понятие — «завязки», начала тех «волшебных приключений», которые сулит жизнь сперва и которые усталому воображению могут казаться под конец длинными и скучными. Всматриваясь в свой текст, поэт почувствовал, что этапы отношения к жизни обрисованы им не совсем точно. Если первоначальное упоение, как он уверяет, сменяется тем, что мы «на все глядим уныло», то третьим не может стать ощущение, что «жизнь постыла нам»: слова «уныло» и «постыла» слишком близки по содержанию. Но когда первое из них заменилось на «лениво», то понятия размежевались. Упоение — безразличие — чувство «опостылости», — такой горестной триадой выступает «дивная» жизнь николаевской эпохи в стихотворении Веневитинова.

Для характеристики поиска точных слов интересна работа над стихотворением «Жертвоприношение». Сирена — жизнь, вьющая оковы из блестящих цветов, стремится привлечь «очи» поэта лживым привидением. Это привидение «коварно», но обнаженное коварство не может прельстить — и эпитет отпадает. Еще в большей степени оно не должно казаться «мрачным», отпугивающим того, кому подают «кубок счастья», на дне которого «измена», — и второй эпитет тоже исчезает. «Привидение» становится в новой правке «светлым»: так легче отнять «покой, беспечность, радость» — и этот эпитет остается в окончательном тексте стихотворения.

Поэт добивался не только смысловой точности, но и простоты выражения. В стихотворении «Жизнь» строка «Но перестанет блеск игривый» заменяется более четкой: «Но кончится обман игривый». Поэт почувствовал, что обращение его лирического героя к вознице в «Новгороде»: «Безмолвствуй» — звучит слишком торжественно и странно; в окончательном тексте оказались более естественные для данной ситуации слова: «Молчи, мой друг».

Приведенные факты (а количество их можно увеличить) свидетельствуют о том, что Веневитинов, который посвятил «навек поэзии святой» свои вдохновенья («Жертвоприношение»), чувствовал ответственность художника за каждое свое слово и понимал значение творческого труда.[1]

5

В русскую литературу Веневитинов вошел главным образом как поэт. Однако его литературное наследие не ограничивается только поэзией. О тяготении Веневитинова к прозе говорит начатый им роман «Владимир Паренский», которому сам поэт придавал большое значение.[2]

Ряд его небольших статей носит характер поэтически образных размышлений — об этапах человеческой жизни («Утро, полдень, вечер и ночь»), о соотношении различных видов искусства («Скульптура, живопись и музыка») и т. д. Не раз выступал он и как критик, затрагивая вопросы теоретического характера или анализируя отдельные произведения. Неотделимы от его поэтических созданий немногочисленные философские статьи. Однако, хотя

---

[1] В этом отношении весьма интересны слова Белинского, который противопоставлял стиль Веневитинова словесному изобилию и неясности Бенедиктова: «Помните ли вы юного поэта Веневитинова? Посмотрите, какая у него точность и простота в выражении, как у него всякое слово на месте» (Белинский. Стихотворения Владимира Бенедиктова. — Полн. собр. соч., т. 1. М., 1953, стр. 362).

[2] Дошедшие до нас отрывки из романа и краткое изложение его содержания в первом собрании прозаических произведений поэта не дают достаточных оснований для раскрытия его идейного замысла и художественных особенностей. Герой, предавшийся своим страстям, живущий без ясной и высокой цели, совершает сознательно и невольно преступления; совесть терзает его и мертвит его сердце. Эти черты образа Паренского в известной мере сближают его с героем трагедии Кюхельбекера «Ижорский» (1835—1841).

каждый раздел творчества Веневитинова несомненно интересен, наибольшую ценность в его литературном наследии после поэзии представляет ряд небольших критических статей.

Философские интересы поэта придавали им особую окраску. Элементы диалектического склада мышления, свойственные Веневитинову-критику, отразились в его размышлениях о Гомере, в эпосе которого, по его словам, как в «ясном озере, отражающем небо», «мысли и чувства соединялись в одной очаровательной области».[1] Между тем, по мнению Веневитинова, непосредственное чувство, представляя согласие, не может творить. Чувство должно порождать мысль, «которая развивается в борьбе, и тогда, уже снова обратившись в чувство, является в произведении».[2]

Тяготея к историческому мышлению, Веневитинов выступал против утверждения Мерзлякова, который объяснял появление литературных жанров простой случайностью. Веневитинов, стремясь доказать закономерность развития литературного процесса, обращает внимание на существование одинаковых жанров у многих народов. Вместе с тем своеобразие духовного облика каждого народа отражается и в особенностях его поэзии. Веневитинов в своих статьях выдвигает требование народности искусства, которая, по его словам, выражается «не в черевиках, не в бородах... но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа».[3]

Отстаивая свою собственную позицию в пору борьбы романтизма с классицизмом, Веневитинов выступает против защитника обветшалых литературных теорий Мерзлякова, не соглашаясь с его ироническим замечанием о «затейливом воображении наших романтиков» и их «весьма сомнительных временных мнениях». Объявляя себя сторонником новых литературных принципов, он считает их выражением передовых творческих тенденций: «Я осмелюсь вступиться за честь нашего века». Именно создания поэтов-романтиков, с его точки зрения, определяют «направление мыслей нашего века».[4] Бороться же с духом времени, — утверждает Веневитинов в другой статье, — бессмысленно: дух эпохи «всегда остается непобедимым».[5]

---

[1] Разбор рассуждения г. Мерзлякова... — Полн. собр. соч., стр. 210, 213.

[2] О состоянии просвещения в России. — Д. В. Веневитинов. Избранное. М., 1956, стр. 212.

[3] Ответ г. Полевому. — Полн. собр. соч., стр. 237.

[4] Разбор рассуждения г. Мерзлякова... — Полн. собр. соч., стр. 210.

[5] Разбор статьи о «Евгении Онегине». — Полн. собр. соч., стр. 220.

Большой интерес представляет восприятие Веневитиновым творчества Шекспира. В своих статьях поэту довелось лишь упомянуть о драматурге, оценив его как величайшего гения. Мысли Веневитинова о Шекспире со значительно большей полнотой отразились в его послании к Рожалину (1826). Он отмечает здесь непревзойденный дар психолога, позволивший Шекспиру проникнуть в глубину человеческих сердец: «Ему порок и добродетель Равно несут покорства дань». Именно поэтому он становится «гордым владыкой мира». Вместе с тем, раскрывая в своих творениях «всей жизни ткань», Шекспир становится мудрым учителем, урокам которого юный поэт внемлет с «вниманьем жадным».

В раздумьях Веневитинова о поэтах одно из первых мест занимает Гёте, поклонниками которого были «любомудры».[1] Не случайно в «Московском вестнике» публиковались многочисленные переводы из великого немецкого поэта и статьи, посвященные его творчеству. «Любомудры» воспринимали Гёте как поэта, оправдывающего действительность, примиряющего с ней.

Веневитинов считал Гёте, как и Шекспира, величайшим поэтом мира. Восторженная характеристика немецкого поэта в стихотворном послании «К Пушкину» была программной для «любомудров». Говоря о «блестящем венце» славы поэта, его неостывшем сердце, о мощном полете его вдохновения, Веневитинов считает не только «любомудров», но и Пушкина учеником Гёте: «Наставник наш, наставник твой». Однако в сознании Веневитинова немецкий поэт не вытеснил Байрона, как у других «любомудров». В этом же послании несколько взволнованных стихов посвящено «смелому пророку свободы», недавно оставившему «мир осиротелый». В одной из своих статей Веневитинов противопоставляет Гёте и Байрона Гомеру, видя в греческом певце образец умиротворенности и гармонии, а в своих великих современниках — порывы тревожного духа. Создатель «Одиссеи» — это «ясное озеро», которое «отражает небо», а Гёте и Байрон — это поток, который «рвется к бесконечному».[2] В творчестве Гёте Веневитинова в особенности привлекал «Фауст», три отрывка из которого он перевел. В своей работе над текстом Гёте Веневитинов исходил из иных принципов, чем при переводе второстепенных французских поэтов: он стремился не только к художественной выразительности, но и к максимальной точности. И это объяснялось, конечно, тем, что Гёте был знаменем

[1] Об отношении «любомудров» к Гёте см. В. М. Жирмунский. Гёте в русской литературе. Л., 1937, стр. 163.

[2] Разбор рассуждения г. Мерзлякова... — Полн. собр. соч., стр. 210.

«любомудров». Сверяя стих за стихом подлинник Гёте с переводом Веневитинова, Е. А. Бобров, автор специального исследования, пришел к выводу, что эти переводы «в отношении точности и чистоты языка... не оставляют желать ничего лучшего».[1]

Краткие упоминания, разбросанные в литературном наследии Веневитинова, свидетельствуют о том, что он был хорошо знаком с произведениями Байрона. В его творчестве, как и в созданиях всех великих поэтов, он видел воплощение современной ему эпохи: Байрон «в пламенной душе своей сосредоточил стремление целого века».[2] Что было дорого Веневитинову в творчестве английского поэта? Не образ разочарованного героя, привлекший внимание многих поэтов Запада и России; не эффектный восточный колорит, казавшийся в 1820-х годах большой творческой находкой поэта. Веневитинов ценил в Байроне силу критической мысли, бросающей вызов темным силам зла. Он считал себя учеником Байрона и говорил, что жар к высоким песням пробудил в нем «мощный глас» его наставника («К Скарятину»). «Смелым пророком свободы» назван Байрон в послании «К Пушкину». Такая оценка английского поэта Веневитиновым совпадает с его оценкой поэтами-декабристами. Об образе Байрона в отрывках Веневитинова «Смерть Байрона» и его связи с декабристской поэзией говорилось выше.

Во многом примечательны отзывы Веневитинова о творчестве Пушкина. Веневитинов всегда отмечал как неизменную черту пушкинского творчества «прелесть», «очаровательность» его созданий. Но вершину известного ему периода деятельности поэта он видел

---

[1] Д. В. Веневитинов как переводчик. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий. — «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 15, кн. I. СПб., 1910, стр. 92. Лишь в переводе «Апофеозы художника» Веневитинов допустил значительное отступление от текста оригинала, не отмеченное Е. А. Бобровым. Речь идет о стихах, в которых говорится о том, как муза видит в восхищении князя картиной художника награду за тяжкий жизненный путь живописца: «Ein kluger Fürst, er steht entzückt, Er fühlt sich im Besitz von diesem Schatz beglückt, Er geht und kommt, und kann sich nicht entfernen» («Мудрый князь стоит восхищенный, он чувствует себя осчастливленным, став обладателем этого сокровища, он отходит и приближается и не в состоянии удалиться от него»). Весь этот эпизод Веневитинов сначала максимально сократил, а в окончательном тексте даже не упомянул о высоком титуле «покровителя муз». Очевидно, Веневитинов, выступавший против суждения Мерзлякова о благодетельной роли властей в развитии искусства, не соглашался и с немецким поэтом.

[2] Разбор статьи о «Евгении Онегине». — Полн. собр. соч., стр. 222.

не в «Евгении Онегине», а в его романтических поэмах. С точки зрения Веневитинова, недостатком стихотворного романа является то, что героем избран «шалун и ветреник с сердцем», недостойным художественного произведения казалось ему и описание быта петербургского высшего общества, улиц и ресторанов. Это была точка зрения романтика, которому были чужды новые позиции Пушкина-реалиста и который возражал, в сущности, против зарисовки типических образов и бытовых явлений. Аналогичное отношение проявлялось и в суждениях писателей-декабристов, которые тоже придерживались романтических принципов. Так, Бестужев ценил в «Евгении Онегине» лишь лирические отступления, которые уносят поэта из прозы описываемого общества; Рылеев никак не мог согласиться с Пушкиным, что его стихотворный роман выше «Бахчисарайского фонтана»; Кюхельбекер удивлялся, что Пушкин решился воспевать то, что ему самому казалось низким и ничтожным. Следует, однако, отметить, что вторая глава «Евгения Онегина» была оценена Веневитиновым значительно выше первой. Возможно, что причиной этого послужило исчезновение картин светской жизни, ироничность которых не была им понята. Говоря о второй главе романа, Веневитинов отмечает как творческую находку Пушкина оригинальность характера героя, высказывая предположение о дальнейшем его развитии: в Онегине может пробудиться энтузиазм — яркий, но не длительный; однако мыслим и другой путь — спокойствие и лень. Своим прогнозом о вспышке сильных чувств Веневитинов предугадал дальнейшее течение романа как в его лирической ситуации, так и в планах десятой главы.

Большой проницательностью отличается краткая заметка о сцене «Келья в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова». Веневитинов видит в трагедии свидетельство полной зрелости и независимости пушкинского гения. Как романтик, он с удовлетворением отмечает нарушение поэтом классицистического закона трех единств. Особенно интересны суждения об умении поэта не обнаруживать себя в трагедии и вести действие соответственно духу века и характеру действующих лиц. Почувствовал он и связь речи Пимена с его внутренним обликом. Такой же глубиной и проникновенностью отличается и стихотворное обращение Веневитинова «К Пушкину». Для него Пушкин равен величайшим поэтам мира. В творчестве национального гения Веневитинов видит осуществление своих эстетических требований — сочетание вдохновенного чувства и глубокой мысли, «святого восторга» и «раздумья творческого духа». Ему дорого все многообразие поэтических интонаций Пушкина — и одический гром, и лирическая нежность, когда

вдохновение звучит «тише и слаще». Именно Пушкин должен приветствовать в стихах великого Гёте, ибо для Веневитинова Пушкин не только величайший русский поэт, но и самый выдающийся представитель национальной культуры.

Чернышевский назвал Веневитинова «энергическим юношей, талант и ум которого опередили и эпоху и самые лета его».[1] Но хотя ум и талант Веневитинова были необыкновенны, он все же был юношей, взгляды которого не успели до конца сформироваться в целостную систему. Романтик, нередко утверждавший принцип самопознания и обособленность поэта от окружающего мира, он отвергал эти положения рядом своих созданий, обращенных к действительности, к людям, к борьбе за свободу. Отстаивая в критике основы романтических воззрений, он все же ценил в любимых поэтах глубину их познания мира, умение «раскрыть всей жизни ткань», связь с живыми устремлениями своего времени.

Выразитель вольнолюбивых настроений 1820-х годов, воспитавшийся на классических литературных образцах своей эпохи, Веневитинов стал одним из звеньев в развитии нашей литературы. Его учителем среди русских писателей был преимущественно Пушкин, в творчестве которого Веневитинов тоже, очевидно, оставил след. Так, есть основания видеть в «Трех ключах» Пушкина отзвуки «Трех роз», а в «Талисмане» — стихотворения Веневитинова «К моему перстню».[2] Лермонтов шел своим путем, но его настроения порождались той же эпохой разгрома декабристского движения, которая отразилась в стихах Веневитинова петербургского периода его жизни. Эта близость проявлялась в поэтической перекличке тем, образов, фразеологии. Интерес к творчеству Веневитинова перешел за грань 1830-х годов. Белинский в 1840-е годы считал, что после Грибоедова Полежаев и Веневитинов являлись значительнейшими поэтами «в первое время Пушкина», то есть в 1820-х годах.[3] Для поэта-петрашевца Балосогло Веневи-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Рецензия на «Сочинения» Веневитинова 1855 г. — Полн. собр. соч., т. 2. М., 1949, стр. 776.

[2] Д. Благой. Подлинный Веневитинов. — Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 26—27. — Однако мнение, будто Веневитинов был прототипом Ленского, опровергается хронологией создания «Евгения Онегина»: 2-я глава его была написана до знакомства Пушкина с Веневитиновым (см. В. Стратен. Пушкин и Веневитинов. — «Пушкин и его современники», вып. 38—39. Л., 1930).

[3] В. Г. Белинский. Стихотворения Полежаева. — Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1955, стр. 160.

тинов был не только «философом жизни», но и «вольнодумцем». Добрым словом помянул Веневитинова Некрасов в поэме «Русские женщины», назвав его вдохновенным поэтом, «безвременно взятым могилой». Чрезвычайно интересно то, что Чернышевский был намерен «представить читателям «Современника» о Веневитинове особую статью».[1] К сожалению, намерения критика остались неосуществленными. Не менее существенно, что Добролюбов с большой теплотой цитирует в своем дневнике 1857 г. знаменитые строки Веневитинова: «Теперь гонись за жизнью дивной И каждый миг в ней воскрешай. На каждый звук ее призывной Отзывной песней отвечай!»[2]

На расстоянии более чем столетия нам ясна вся справедливость сочувственных отзывов Пушкина, Белинского, Герцена, Чернышевского. Веневитинов выступает перед нами не только как передовой одаренный поэт, но и как один из зачинателей философской лирики — современник Баратынского и Тютчева. Нет сомнения в том, что «ранняя смерть отняла у нас в Веневитинове поэта, которого содержание было бы глубоко и оригинально».[3]

Веневитинов прожил слишком короткую жизнь, чтобы раскрыть с достаточной полнотой творческие силы, заложенные в нем. Он верил своему предчувствию, что срок его вдохновенного труда слишком скупо отмерен судьбой. «Как знал он жизнь, как мало жил», — так устами своего лирического героя сказал поэт о самом себе («Поэт и друг»). Но и то, что успел сделать поэт, оставило заметный след в русской литературе и не должно быть забыто.

Б. Нейман

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 780.
[2] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1939, стр. 441.
[3] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 780.

СТИХОТВОРЕНИЯ

К ДРУЗЬЯМ

Пусть искатель гордой славы
Жертвует покоем ей!
Пусть летит он в бой кровавый
За толпой богатырей!
Но надменными венцами
Не прельщен певец лесов;
Я счастлив и без венцов
С лирой, с верными друзьями.

Пусть богатства страсть терзает
Алчущих рабов своих!
Пусть их златом осыпает,
Пусть они из стран чужих
С нагруженными судами
Волны ярые дробят:
Я без золота богат
С лирой, с верными друзьями.

Пусть веселий рой шумящий
За собой толпы влечет!
Пусть на их алтарь блестящий
Каждый жертву понесет!
Не стремлюсь за их толпами —
Я без шумных их страстей
Весел участью своей
С лирой, с верными друзьями.

1821

‹ЗНАМЕНИЯ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ЦЕЗАРЯ

(ОТРЫВОК ИЗ ВЕРГИЛИЕВЫХ „ГЕОРГИК“)›

О Феб! тебя ль дерзнем обманчивым назвать?
Не твой ли быстрый взор умеет проникать
До глубины сердец, где возникают мщенья
И злобы бурные, но тайные волненья.
По смерти Цезаря ты с Римом скорбь делил,
Кровавым облаком чело твое покрыл;
Ты отвратил от нас разгневанные очи,
И мир, преступный мир, страшился вечной ночи.
Но всё грозило нам — и рев морских валов,
И вранов томный клик, и лай ужасный псов.
Колькраты зрели мы, как Этны горн кремнистой
Расплавленны скалы вращал рекой огнистой
И пламя клубами на поле изрыгал.
Германец трепетный на небеса взирал;
Со треском облака сражались с облаками,
И Альпы двигались под вечными снегами.
Священный лес стенал; во мгле густой ночей
Скитался бледный сонм мелькающих теней.
Медь пóтом залилась (чудесный знак печали!),
На мраморах богов мы слезы примечали.
Земля отверзлася, Тибр устремился вспять,
И звери, к ужасу, могли слова вещать;
Разлитый Эридан кипящими волнами
Увлек дремучий лес и пастырей с стадами.
Во внутренности жертв священный взор жрецов
Читал лишь бедствия и грозный гнев богов;
В кровавые струи потоки обращались;

Волки, ревучие средь стогн, во мгле скитались;
Мы зрели в ясный день и молнию, и гром,
И страшную звезду с пылающим хвостом.
И так вторицею орлы дрались с орлами.
В полях Филипповых под теми ж знаменами
Родные меж собой сражались вновь полки,
И в битве падал брат от братниной руки;
Двукраты рок велел, чтоб римские дружины
Питали кровию фракийские долины.
Быть может, некогда в обширных сих полях,
Где наших воинов лежит бездушный прах,
Спокойный селянин тяжелой бороною
Ударит в шлем пустой и трепетной рукою
Поднимет ржавый щит, затупленный булат, —
И кости под его стопами загремят.

1823

К ДРУЗЬЯМ НА НОВЫЙ ГОД

Друзья! настал и *новый год!*
Забудьте старые печали,
И скорби дни, и дни забот,
И всё, чем радость убивали;
Но не забудьте ясных дней,
Забав, веселий легкокрылых,
Златых часов, для сердца милых,
И старых, искренних друзей.

Живите новым в новый год,
Покиньте старые мечтанья
И всё, что счастья не дает,
А лишь одни родит желанья!
По-прежнему в год новый сей
Любите муз и песен сладость,
Любите шутки, игры, радость
И старых, искренних друзей.

Друзья! встречайте новый год
В кругу родных, среди свободы.
Пусть он для вас, друзья, течет,
Как детства счастливые годы.
Но средь петропольских затей
Не забывайте звуков лирных,
Занятий сладостных и мирных
И старых, искренних друзей.

1823

ВЕТОЧКА

‹ИЗ ГРЕССЕ›

В бесценный час уединенья,
Когда пустынною тропой
С живым восторгом упоенья
Ты бродишь с милою мечтой
В тени дубравы молчаливой, —
Видал ли ты, как ветр игривый
Младую веточку сорвет?
Родной кустарник оставляя,
Она виется, упадая
На зеркало ручейных вод,
И, новый житель влаги чистой,
С потоком плыть принуждена.
То над струею серебристой
Спокойно носится она,
То вдруг пред взором исчезает
И кроется на дне ручья;
Плывет — всё новое встречает,
Всё незнакомые края:
Усеян нежными цветами
Здесь улыбающийся брег,
А там пустыни, вечный снег
Иль горы с грозными скалами.
Так далей веточка плывет
И путь неверный свой свершает,
Пока она не утопает
В пучине беспредельных вод.

Вот наша жизнь! — так к верной цели
Необоримою волной
Поток нас всех от колыбели
Влечет до двери гробовой.

1823

ОСВОБОЖДЕНИЕ СКАЛЬДА

(Скандинавская повесть)

Эльмор

Сложи меч тяжелый. Бессильной ли длани
Владеть сим булатом, о мирный певец!
Нам слава в боях, нам опасные брани;
Тебе — сладкозвучного пенья венец.

Эгил

Прости мне, о сын скандинавских царей!
В деснице певца сей булат не бесчестен.
Ты помни, что Рекнер был арфой известен
И храбрым пример среди бранных полей.

Эльмор

Прости, юный скальд, ты певец вдохновенный,
Но если ты хочешь, Эгил, нам вещать
О славе, лишь в битвах тобой обретенной,
То долго и долго ты будешь молчать.

Эгил

Эльмор! иль забыл, что, гордясь багряницей,
Царь скальда обидел, и с ближней денницей
Прискорбная мать его, в горьких слезах,
Рыдала над хладною сына гробницей...

Так, с твердостью духа, с угрозой в устах,
Эгил отвечает, — и, быстрой стопою,
Безмолвствуя, оба, с киченьем в сердцах,
Сокрылись в дубраве под лиственной тьмою.
Час целый в безмолвии ночи густой
Гремел меч о меч среди рощи глухой.

Обрызганный кровью и весь изнуренный,
Эгил! из дубравы ты вышел один.
О храбрый Эльмор! Тебя тщетно Армин,
В чертогах семьею своей окруженный,
На пир ждет вечерний под кровлей родной.
Тебе уж из чаши не пить круговой.
Без жизни, без славы, твой труп искаженный
Лежит средь дубравы на дерне сухом.
Ты в прах преклонился надменным челом.
Окрест всё молчит, как немая могила,
И смерть скандинавца за скальда отмстила.

Но утром, едва лишь меж сизых паров
Холодная в небе зарделась Аврора,
В дремучей дубраве, при лаянье псов,
Узнали кровавое тело Эльмора.
Узнавши Эльмора черты искаженны,
Незапным ударом Армин пораженный
Не плачет, но грудь раздирает рукой.
Меж тем всё восстало, во граде волненье,
Все ищут убийцы, все требуют мщенья.
«Я знаю, — воскликнул Армин, — Ингисфал
Всегдашнюю злобу к Эльмору питал!
Спешите, спешите постигнуть злодея,
Стремитесь, о други, стремитесь быстрее,
Чем молньи зубчатыя блеск в небесах.
Готовьте орудья ко смерти убийцы.
Меж тем пусть врата неприступной темницы
По нем загремят на чугунных крюках».
И все устремились. Эгил на брегах
У моря скитался печальной стопою.
Как туча, из коей огнистой стрелою
Перун быстротечный блеснул в небесах,
На крылиях черных с останками бури
Плывет чуть подвижна в небесной лазури, —
Так мрачен Эгил и задумчив блуждал.
Как вдруг перед ним, окруженный толпою,
К чертогам невинный идет Ингисфал.

«Эльмор торжествует, и месть над убийцей!» —
Так в ярости целый народ повторял.
Но скальд, устремившись в толпу, восклицал:

«Народ! он невинен; моею десницей
Погиб среди боя царевич младой.
Но я не убийца, о царь скандинавян!
Твой сын дерзновенный сразился со мной,
Он пал и геройскою смертию славен».

Трепéща от гнева, Армин повелел
В темницу глубокую ввергнуть Эгила.
Невинный свободен, смерть — скальда удел.
Но скальда ни плен не страшит, ни могила,
И тихо, безмолвствуя, мощный певец
Идет среди воплей свирепого мщенья,
Идет, — как бы ждал его славный венец
Наградой его сладкозвучного пенья.

«О, горе тебе! — восклицал весь народ, —
О, горе тебе! горе, скальд величавый.
Здесь барды не будут вещать твоей славы.
Как тень, твоя память без шума пройдет,
И с жизнию имя исчезнет злодея».
И, тяжко на вéреях медных кружась,
Темницы чугунная дверь заперлась,
И скрып ее слился со свистом Борея.

Итак, он один, без утехи: но нет, —
С ним арфа, в несчастьи подруга драгая.
Эгил, среди мрака темницы бряцая,
Последнею песнью Эльмора поет.
«Счастливец! ты пал среди родины милой,
Твой прах будет тлеть под землею родной,
Во гроб не сошла твоя память с тобой,
И часто над хладной твоею могилой
Придет прослезиться отец твой унылый!
И друг не забудет тебя посещать.
А я погибаю в заре моей жизни,
Вдали от родных и от милой отчизны.
Сестра молодая и нежная мать
Не придут слезами мой гроб орошать.
Прощай, моя арфа, прошли наши пенья.
И скальда младого счастливые дни —
Как быстрые волны промчались они.
И скоро, исполнен ужасного мщенья,

Неистовый варвар мой век пресечет,
И злой скандинавец свирепой рукою
Созвучные струны твои оборвет.
Греми же, греми! разлучаясь с тобою,
Да внемлю последней я песне твоей! —
Я жил и в течение жизни своей
Тобою был счастлив, тобою был славен».

Но барды, свершая обряд скандинавян,
Меж тем начинали суровый напев
И громко гремели средь дикого хора:
«Да гибнет, да гибнет убийца Эльмора!»
В их пламенных взорах неистовый гнев,
И все, в круговой съединившись руками,
Эльмора нестройными пели хвалами
И, труп обступивши, ходили кругом.
Уже средь обширного поля близ леса
Огромный и дикий обломок утеса
К убийству певца утвержден алтарем.
Булатна секира лежала на нем,
И возле, ждав жертвы, стояли убийцы.
И вдруг, заскрипевши, глубокой темницы
Отверзлися двери, стремится народ.
Увы! всё готово ко смерти Эгила,
Несчастному скальду отверста могила,
Но скальд без боязни ко смерти идет.
Ни вопли народа, кипящего мщеньем,
Ни грозная сталь, ни алтарь, ни костер
Певца не колеблют, лишь он с отвращеньем
Внимает, как бардов неистовый хор
Гремит недостойным Эльмора хваленьем.
«О царь! — восклицал вдохновенный Эгил, —
Позволь, чтоб, прощаяся с миром и пеньем,
Пред смертью я песни свои повторил
И тихо прославил на арфе согласной
Эльмора, которого в битве несчастной
Сразил я, но так, как героя сразил».
Он рек; но при имени сына Эльмора
От ярости сердце царя потряслось.
Воззрев на Эгила с свирепостью взора,
Уже произнес он... Как вдруг раздалось
Унылое, нежное арфы звучанье.

Армин при гармонии струн онемел,
Шумящей толпе он умолкнуть велел,
И целый народ стал в немом ожиданьи.
Певец наклонился на дикий утес,
Взял верную арфу, подругу в печали,
И персты его по струнам заиграли,
И ветр его песню в долине разнес.

«Где храбрый юноша, который
Врагов отчизны отражал
И край отцов, родные горы
Могучей мышцей защищал?
Эльмор, никем не побежденный,
Ты пал, тебя уж боле нет.
Ты пал — как сильный волк падет,
Бессильным пастырем сраженный.

Где дни, когда к войне кровавой,
Герой, дружины ты водил,
И возвращался к Эльве с славой,
И с Эльвой счастие делил?
Ах, скоро трепетной девице
Слезами матерь возвестит,
Что верный друг ее лежит
В сырой земле, в немой гробнице.

Но сильных чтят благие боги,
И он на крыльях облаков
Пронесся в горние чертоги,
Геройских жительство духов.
А я вдоль тайнственного брега,
Ночным туманом окружен,
Всегда скитаться осужден
Под хладными волнами Лега.[1]
О скальд, какой враждебный бог
Среди отчаянного боя
Тебе невидимо помог
Сразить отважного героя
И управлял рукой твоей?
Ты победил судьбой жестокой.

[1] Остров Лего был, по мнению каледонцев, местом пребывания всех умерших, не воспетых бардами.

Увы! от родины далеко
Могила будет твой трофей!

Уже я вижу пред собою,
Я вижу алчущую смерть,
Готову над моей главою
Ужасную косу простерть,
Уже железною рукою
Она меня во гроб влечет.
Прощай, прощай, красивый свет,
Навеки расстаюсь с тобою,

А ты, игривый ветерок,
Лети к возлюбленной отчизне,
Скажи родным, что лютый рок
Велел певцу расстаться с жизнью
Далеко от страны родной!
Но что пред смертью, погибая,
Он пел, о них воспоминая,
И к ним перелетал душой.

Уже настал мой час последний.
Приди, убийца, я готов.
Приди, рази, пусть труп мой бледный
Падет пред взорами врагов.
Пусть мак с травою ароматной
Растут могилы вкруг моей.
А ты, сын севера, над ней
Шуми прохладою приятной».

Умолкнул, но долго и сами собой
Прелестной гармонией струны звучали,
И медленно в поле исчез глас печали.
Армин, вне себя, с наклоненной главой,
Безмолвен сидел средь толпы изумленной, —
Но вдруг, как от долгого сна пробужденный:
«О скальд! что за песнь? что за сладостный глас? —
Всклицал он. — Какая волшебная сила
Мне нежные чувства незапно внушила?
Он пел — и во мне гнев ужасный погас.
Он пел — и жестокое сердце потряс.

Он пел — и его сладкозвучное пенье,
Казалось, мою утоляло печаль.
О скальд... О Эльмор мой... нет. Мщение,
мщенье!
Убийца! возьми смертоносную сталь...
Низвергни алтарь... пусть родные Эгила
Счастливее будут, чем горький отец.
Иди. Ты свободен, волшебный певец».
И с радостным воплем толпа повторила:
«Свободен певец!» Благодарный Эгил
Десницу Армина слезами омыл
И пред благодетелем пал умиленный.

Эгил возвратился на берег родной,
Куда с нетерпеньем, под кровлей смиренной,
Ждала его мать с молодою сестрой.
Унылый, терзаемый памятью злою,
Он проклял свой меч и сокрыл под скалою.
Когда же, задумчив, вечерней порой,
Певец любовался волнением моря,
Унылая тень молодого Эльмора
Являлась ему на туманных брегах.
Но лишь на востоке краснела Аврора,
Сей призрак, как сон, исчезал в облаках.

1823 или 1824 (?)

ЕВПРАКСИЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Шуми, Осетр! Твой брег украшен
Делами славной старины;
Ты роешь камни мшистых башен
И древней твердыя стены,
Обросшей давнею травою.
Но кто над светлою рекою
Разбросил груды кирпичей,
Остатки древних укреплений,
Развалины минувших дней?
Иль для грядущих поколений
Как памятник стоят оне
Воинских, громких приключений?
Так, — брань пылала в сей стране;
Но бранных нет уже: могила
Могучих с слабыми сравнила.
На поле битв — глубокий сон.
Прошло победы ликованье,
Умолкнул побежденных стон;
Одно лишь темное преданье
Вещает о делах веков
И веет вкруг немых гробов.

Вдали, там, где в тени густой,
Во мгле таинственной дубравы
Осетр поток скрывает свой,
Ты зришь ли холм сей величавый,
Который на краю долин,
Как одинокий исполин,
Возносится главой высокой?
Сей холм был долго знаменит.
Преданье древнее гласит,
Что в мраке старины глубокой
Он был Перуну посвящен,
Что всякий раз, как злак рождался
И дол соседний улыбался,
В одежде новой облечен,
И в лесе трепетали ветки,
Сюда стекались наши предки,
Теснилися со всех сторон.
Есть даже слух, что здесь славяне
По возвращеньи с лютых браней
На алтарях своих богов
Ударом суеверной стали
Несчастных пленных лили кровь
Иль пламени их предавали
И в хладнокровной тишине
На их терзания взирали.
И если верить старине,
Едва ж с костров волною черной
Взносился дым к лазури горной, —
Вдруг гром в бесшумных небесах
При блике молний раздавался,
Осетр ревел в своих брегах,
И лес со треском колебался.

Взгляни, как новое светило,
Грозя пылающим хвостом,
Поля рязански озарило
Зловещим пурпурным лучом.
Небесный свод от метеора
Багровым заревом горит.
Толпа средь княжеского двора

Растет, теснится и шумит;
Младые старцев окружают
И жадно ловят их слова;
Несется разная молва,
Из них иные предвещают
Войну кровавую иль глад;
Другие даже говорят,
Что скоро, к ужасу вселенной,
Раздастся звук трубы священной
И с пламенным мечом в руках
Промчится ангел истребленья.
На лицах суеверный страх,
И с хладным трепетом смятенья
Власы поднялись на челах.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Средь терема, в покое темном,
Под сводом мрачным и огромным,
Где тускло меж столбов мелькал
Светильник бледный, одинокий
И слабым светом озарял
И лики стен, и свод высокий
С изображеньями святых, —
Князь Федор, окружен толпою
Бояр и братьев молодых.
Но нет веселия меж них:
В борьбе с тревогою немою,
Глубокой думою томясь,
На длань склонился юный князь.
И на челе его прекрасном
Блуждали мысли, как весной
Блуждают тучи в небе ясном.
За часом длился час, другой;
Князья, бояре все молчали —
Лишь чаши звонкие стучали
И в них шипел кипящий мед.
Но мед, сердец славянских радость,
Душа пиров и враг забот,
Для князя потерял всю сладость,
И Федор без отрады пьет.

Ты улетел, восторг счастливый,
И вы, прелестные мечты,
Весенней жизни красоты.
Ах, вы увяли, как средь нивы
На миг блеснувшие цветы!
Зачем, зачем тоске унылой
Младое сердце он отдал?
Давно ли он с супругой милой
Одну лишь радость в жизни знал?
Бывало, братья удалые
Сбирались шумною толпой:
Меж них младая Евпраксия
Была веселости душой,
И час вечернего досуга
В беседе дружеского круга,
Как чистый быстрый миг, летел.

Но между тем как над рекой
Батый готовит войско в бой,
Уже под градскими стенами
Дружины храбрые славян
Стояли стройными рядами.
Священный крест — знак христиан —
Был водружен перед полками.
Уже служитель алтарей
Отпел утешную молитву
И рать благословил на битву.
Двенадцать опытных вождей,
Давно покрытых сединами,
Но сильных в старости своей,
Стоят с готовыми мечами.
За ними юный ряд князей,
Опора веры и свободы.
Здесь зрелся молодой Роман,
Надежда лестная славян,
Достойный сана воеводы.
В блестящем цвете юных лет
Он в княжеский вступал совет
И часто мудростью своею
Рязанских старцев удивлял.

Давно испытанный бронею,
Он в многих битвах уж бывал
И половцев с дружиной верной
Не раз на поле поражал.
Но, вождь для воинов примерный,
Князей он негу презирал.
Ему забавы — бранны бури,
И твердый щит — его ночлег.
Вблизи Романа видны Юрий,
Мстислав, Борис и ты, Олег!
Зачем сей юноша красивый,
Дитя по сердцу и летам,
Оставил кров, где он, счастливый,
Ходил беспечно по цветам
Весны безбурной и игривой?
Но он с булатом в юной длани
Летит отчизну защищать
И в первый раз на поле брани
Любовь к свободе показать.

Но грозные татар полки,
Неистовой отваги полны,
Уже вдоль быстрыя реки
Как шумные несутся волны.
С угрозой дикой на устах
Они готовы в бой кровавый.
Мечи с серебряной оправой
Сверкают в крепких их руках.
Богато убраны их кони —
Не медь и не стальные брони
От копий груди их хранят,
Но тонкие драгие ткани —
Добыча азиатской брани —
На персях хищников блестят.
Батый, их вождь, с булатом в длани
Пред ними на младом коне.
Колчан с пернатыми стрелами
Повешен на его спине,
И шаль богатыми узлами

Играет над его главой.
Взлелеянный среди разбоя,
Но пышной роскоши рукой,
Он друг войны и друг покоя
В дни праздности, в шуму пиров.
Он любит неги наслажденья
И в час веселый упоенья
Охотно празднует любовь.
Но страшен он в жару сраженья,
Когда с улыбкой на устах,
С кинжалом гибельным в зубах,
Как вихрь он на врагов стремится
И в пене конь под ним дымится.
Везде лишь вопли пораженных,
И звон щитов, и блеск мечей...
Ни младости безгрешных дней,
Ни старости седин почтенных
Булат жестокий не щадит.
И вдруг раздался стук копыт.
Отряды конницы славянской
Во весь опор стремятся в бой,
Но первый скачет князь рязанской
Роман, за ним Олег младой
И Евпатий, боярин старый
С седою длинной бородой.
Ударам вслед гремят удары.
Всех пылче юноша Олег.
То с левой стороны, то с правой
Блестит его булат кровавый.
Столь неожиданный набег
Привел моголов в изумленье.
Ужасны суздальцев набеги.
Они летят, татары смяты
И, хладным ужасом объяты,
Бегут, рассеясь по полям.
Напрасно храбрый сын Батыя,
Нагай, противится врагам
И всадников ряды густые
Один стремится удержать.
Толпой бегущих увлеченный,
Он сам невольно мчится вслед...
Так челн средь бури разъяренной

Мгновенно борется с грозой,
Мгновенно ветры презирает,
Но вдруг, умчавшись с быстротой,
Волнам сердитым уступает...

1824

‹ПЕСНЬ КОЛЬМЫ›

‹ИЗ МАКФЕРСОНА›

Ужасна ночь, а я одна
Здесь на вершине одинокой.
Округ меня стихий война.
В ущелиях горы высокой
Я слышу ветров свист глухой.
Здесь по скалам с горы крутой
Стремится вниз поток ревучий,
Ужасно над моей главой
Гремит Перун, несутся тучи.
Куда бежать? где милый мой?
Увы, под бурею ночною
Я без убежища, одна!
Блесни на высоте, луна,
Восстань, явися над горою!
Быть может, благодатный свет
Меня к Сальгару приведет.
Он, верно, ловлей изнуренный,
Своими псами окруженный,
В дубраве иль в степи глухой.
Он сбросил с плеч свой лук могучий,
С опущенною тетивой
И презирая громы, тучи,
Ему знакомый бури вой,
Лежит на мураве сухой.
Иль ждать мне на горе пустынной,
Доколе не наступит день
И не рассеет ночи длинной?

Ужасней гром; ужасней тень;
Сильнее ветров завыванье;
Сильнее волн седых плесканье!
И гласа не слыхать!
О верный друг! Сальгар мой милый,
Где ты? Ах, долго ль мне унылой
Среди пустыни сей страдать?
Вот дуб, поток, о брег дробимый,
Где ты клялся до ночи быть!
И для Сальгара кров родимый
И брат любезный мной забыт.
Семейства наши знают мщенье,
Они враги между собой,
Мы не враги, Сальгар, с тобой!
Умолкни, ветр, хоть на мгновенье!
Остановись, поток седой!
Быть может, что любовник мой
Услышит голос, им любимый!
Сальгар! здесь Кольма ждет;
Здесь дуб, поток, о брег дробимый;
Здесь всё: лишь милого здесь нет.

1824

ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ

(Посвящено С<офье> В<ладимировне> В<еневитиновой>)

На небе все цветы прекрасны.
Все мило светят над землей,
Все дышат горней красотой.
Люблю я цвет лазури ясной:
Он часто томностью пленял
Мои задумчивые вежды,
И в сердце робкое вливал
Отрадный луч благой надежды.
Люблю, люблю я цвет луны,
Когда она в полях эфира
С дарами сладостного мира
Плывет как ангел тишины.
Люблю цвет радуги прозрачной —
Но из цветов любимый мой
Есть цвет денницы молодой:
В сем цвете, как в одежде брачной,
Сияет утром небосклон.
Он цвет невинности счастливой,
Он чист, как девы взор стыдливой,
И ясен, как младенца сон.

Когда и страх и рой веселий —
Всё было чуждо для тебя
В пределах тесной колыбели,
Посланник неба, возлюбя
Младенца милую беспечность,
Тебя лелеял в тишине,

Ты почивала — но во сне,
Душой разгадывая вечность,
Встречала ясную мечту
Улыбкой милою, прелестной.
Что сорвало улыбку ту,
Что зрела ты, — мне неизвестно;
Но твой хранитель, гость небесный
Взмахнул таинственным крылом —
И тень ночная пробежала,
На небосклоне заиграла
Денница пурпурным огнем,
И луч румяного рассвета
Твои ланиты озарил.
С тех пор он вдвое стал мне мил,
Сей луч румяного рассвета.
Храни его — недаром он
На девственных щеках возжен,
Не отблеск красоты напрасной,
Нет! он печать минуты ясной,
Залог он тайный, неземной.
На небе все цветы прекрасны,
Все дышат горней красотой;
Но меж цветов есть цвет святой —
Он цвет денницы молодой.

13 августа 1825

<К С<КАРЯТИНУ>

При посылке ему водевиля>

Не плод высоких вдохновений
Певец и друг тебе приносит в дар;
Не пиэрид небесный жар,
Не пламенный восторг, не гений
Моей душою обладал:
Нестройной песнию моя звучала лира,
И я в безумьи променял
Улыбку муз на смех сатира.
Но ты простишь мне грех безвинный мой;
Ты сам, прекрасного искатель,
Искусств счастливый обожатель,
Нередко для проказ забыв восторг живой,
Кидая кисть — орудье дарованья,
Пред музами грешил наедине
И смелым углем на стене
Чертил фантазии игривые созданья.
Воображенье без оков,
Оно как бабочка игриво:
То любит над блестящей нивой
Порхать в кругу земных цветов,
То к радуге, к цветам небесным мчится.
Не думай, чтоб во мне погас
К высоким песням жар! Нет, он в душе таится,
Его пробудит вновь поэта мощный глас,
И, смелый ученик Байрóна,
Я устремлюсь на крылиях мечты
К волшебной стороне, где лебедь Альбиона
Срывал забытые цветы.

Пусть это сон! меня он утешает,
И я не буду унывать,
Пока судьба мне позволяет
Восторг с друзьями разделять.
О друг! мы разными стезями
Пройдем определенный путь:
Ты избрал поприще, покрытое трудами,
Я захотел заранее отдохнуть;
Под мирной сению оливы
Я избрал свой приют; но жребий мой счастливый
Не должен славою мелькнуть:
У скромной тишины на лоне
Прокрадется безвестно жизнь моя,
Как тихая вода пустынного ручья.
Ты бодрый дух обрек Беллоне
И, доблесть сильных возлюбя,
Обрек свой меч кумиру громкой славы —
Иди! — Но стана шум, воинские забавы,
Всё будет чуждо для тебя,
Как сна нежданные виденья,
Как мира нового явленья.
Быть может, на брегу Днепра,
Когда в тени подвижного шатра
Твои товарищи, драгуны удалые,
Кипя отвагой боевой,
Сберутся вкруг тебя шумящею толпой,
И громко застучат бокалы круговые, —
Жалея мыслию о прежней тишине,
Ты вспомнишь о друзьях, ты вспомнишь обо мне;
Чуждаясь новых сих веселий,
О списке вспомнишь ты моем
Иль, взор нечаянно остановив на нем,
Промолвишь про себя: мы некогда умели
Шалить с пристойностью, проказничать с умом.

1825

<СОНЕТ>

К тебе, о чистый Дух, источник вдохновенья,
На крылиях любви несется мысль моя;
Она затеряна в юдоли заточенья,
И всё зовет ее в небесные края.

Но ты облек себя в завесу тайны вечной:
Напрасно силится мой дух к тебе парить.
Тебя читаю я во глубине сердечной,
И мне осталося надеяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
В преддверьи вечности греми его хвалой!
И если б рухнул мир, затмился свет эфира

И хаос задавил природу пустотой, —
Греми! Пусть сетуют среди развалин мира
Любовь с надеждою и верою святой!

1825

‹СОНЕ́Т›

Спокойно дни мои цвели в долине жизни;
Меня лелеяли веселие с мечтой.
Мне мир фантазии был ясный край отчизны,
Он привлекал меня знакомой красотой.

Но рано пламень чувств, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня:
Я жизни сладостной теряю луч счастливый,
Лишь вспоминание от прежнего храня.

О муза! я познал твое очарованье!
Я видел молний блеск, свирепость ярых волн;
Я слышал треск громов и бурей завыванье:

Но что сравнить с певцом, когда он страсти полн?
Прости! питомец твой тобою погибает
И, погибающий, тебя благословляет.

1825

‹ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО ПРОЛОГА „СМЕРТЬ БАЙРОНА"›

1

Байрон

К тебе стремился я, страна очарований!
Ты в блеске снилась мне, и ясный образ твой,
В волшебные часы мечтаний,
На крыльях радужных летал передо мной.
Ты обещала мне отдать восторг целебный,
Насытить жадный дух добычею веков,
И стройный хор твоих певцов,
Гремя гармонией волшебной,
Мне издали манил с полуденных брегов.
Здесь думал я поднять таинственный покров
С чела таинственной природы,
Узнать вблизи сокрытые черты
И в океане красоты
Забыть обман любви, забыть обман свободы.

2

Вождь греков

Сын Севера! Взгляни на волны:
Их вражии покрыли корабли,
Но час пройдет — и наши челны
Им смерть навстречу понесли!
Они еще сокрыты за скалою;

Но скоро вылетят на произвол валов.
Сын Севера! готовься к бою.

Байрон

Я умереть всегда готов.

Вождь

Да! Смерть мила, когда цвет жизни
Приносишь в дань своей отчизне.
Я сам не раз ее встречал
Средь нашей доблестной дружины,
И зыбкости морской пучины
Надежду, жизнь и всё вверял.
Я помню славный берег Хио —
Он в памяти и у врагов.
Средь верной пристани ночуя,
Спокойные магометане
Не думали о шуме браней.
Покой лелеял их беспечность.
Но мы, мы, греки, не боимся
Тревожить сон своих врагов:
Летим на десяти ладьях;
Взвилися молньи роковые,
И вмиг зажглись валы морские.
Громады кораблей взлетели —
И всё затихло в бездне вод.
Что ж озарил луч ясный утра? —
Лишь опустелый океан,
Где изредка обломок судна
К зеленым несся берегам
Иль труп холодный, и с чалмою,
Качался тихо над волною.

8

Хор

Валы Архипелага
Кипят под злой ватагой;
Друзья! на кораблях
Вдали чалмы мелькают,

Ведетъ Гремиславъ

Свенъ Севера бурями на волнѣ
Ихъ вороги покрыли кораблями
~~Еще~~ [на] часъ ~~и наши~~ [преходитъ] гонитъ.
Иль смерть их вырвут силой
Они еще сохранятся за словом
Но скоро вылетитъ изъ пропасти валовъ
Свей Свевры! помолись ты Богу

6

Я умереть всегда готовъ

7.

Былъ сумраченъ онъ когда зубцы видѣлъ
Изгнанникъ въ думѣ своей отвергалъ
И много разъ въ вечерний часъ
~~Но приходилъ вдохновенья~~
Средь нашей новгородской дружины
И звуками морской пучины
Надежду видитъ лишь въ вещунахъ
~~Въ лѣсу бурныя~~ ~~молодой~~
И полно славянинъ беречь все
Онъ въ памяти и у враговъ
~~Въ~~ [среди вѣрныхъ] ~~славянской~~ прекрасныхъ полей
Славянскій Молоданина
Не думалъ о шумѣ браней
Покой извѣданъ имъ душевный
Но нѣтъ, мой Гремиславъ, не бойся
Трепещутъ они своихъ враговъ
Летаютъ на Десницу злодѣевъ
Великая ~~славная~~ [помощь]
~~И вдругъ~~
И вновь дружинѣ вольной морскія
Громады корабли вспѣнились
И вся дружина въ думѣ вновь
Что въ сердцахъ ихъ вновь о думѣ
Ихъ отцовъ славный день
Въ ихъ пирахъ ~~пѣсни~~ [вдохновенные] ~~и буйства~~ [пѣсни]
~~Изъ славныхъ вѣковъ~~
Въ Новгородѣ моемъ прежде
Иль ~~пожара~~ трудно ~~вдохновенія~~ и въ голосѣ
Изгнанникъ тихо шелъ вездѣ

И месяцы сверкают
На белых парусах.

Плывут рабы султана,
Но заповедь Корана
Им не залог побед.
Пусть их несет отвага!
Сыны Архипелага
Им смерть пошлют вослед.

4

Хор

Орел! Какой Перун враждебный
Полет твой смелый прекратил?
Чей голос силою волшебной
Тебя созвал во тьму могил?
О Эвр! вей вестию печальной!
Реви уныло, бурный вал!
Пусть Альбиона берег дальный,
Трепеща, слышит, что он пал.

Стекайтесь, племена Эллады,
Сыны свободы и побед!
Пусть вместо лавров и награды
Над гробом грянет наш обет:
Сражаться с пламенной душою
За счастье Греции, за месть,
И в жертву падшему герою
Луну поблекшую принесть!

1825

ПЕСНЬ ГРЕКА

Под небом Аттики богатой
Цвела счастливая семья.
Как мой отец, простой оратай,
За плугом пел свободу я.
Но турков злые ополченья
На наши хлынули владенья...
Погибла мать, отец убит,
Со мной спаслась сестра младая,
Я с нею скрылся, повторяя:
«За всё мой меч вам отомстит!»

Не лил я слез в жестоком горе,
Но грудь стеснило и свело;
Наш легкий челн помчал нас в море,
Пылало бедное село,
И дым столбом чернел над валом.
Сестра рыдала — покрывалом
Печальный взор полузакрыт;
Но, слыша тихое моленье,
Я припевал ей в утешенье:
«За всё мой меч им отомстит!»

Плывем — и при луне сребристой
Мы видим крепость над скалой.
Вверху, как тень, на башне мшистой
Шагал турецкий часовой;
Чалма склонилася к пищали —
Внезапно волны засверкали,

И вот — в руках моих лежит
Без жизни дева молодая.
Я обнял тело, повторяя:
«За всё мой меч вам отомстит!»

Восток румянился зарею,
Пристала к берегу ладья,
И над шумящею волною
Сестре могилу вырыл я.
Не мрамор с надписью унылой
Скрывает тело девы милой, —
Нет, под скалою труп зарыт;
Но на скале сей неизменной
Я начертал обет священный:
«За всё вам меч мой отомстит!»

С тех пор меня магометане
Узнали в стычке боевой,
С тех пор, как часто в шуме браней
Обет я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Всё, всё припомню в час ужасный;
И всякий раз, как меч блестит
И падает глава с чалмою,
Я говорю с улыбкой злою:
«За всё мой меч вам отомстит!»

1825

К. И. ГЕРКЕ

(При послании трагедии Вернера)

В вечерний час уединенья,
Когда, свободный от трудов,
Ты сердцем жаждешь вдохновенья,
Гармоньи сладостной стихов,

Читай, мечтай — пусть пред тобою
Завеса времени падет,
И ясной длинной чередою
Промчится ряд минувших лет!

Взгляни! уже могучий гений
Расторгнул хладный мрак могил;
Уже, собрав героев тени,
Тебя их сонмом окружил —

Узнай печать небесной силы
На побледневших их челах.
Ее не сгладил прах могилы,
И тот же пламень в их очах...

Но ты во храме. Вкруг гробницы,
Где милое дитя лежит,
Поют печальные девицы
И к небу стройный плач летит:

«Зачем она, как майский цвет,
На миг блеснувший красотою,

Оставила так рано свет
И радость унесла с собою!»

Ты слушаешь — и слезы пали
На лист с пылающих ланит,
И чувство тихое печали
Невольно сердце шевелит.

Блажен, блажен, кто в полдень жизни
И на закате ясных лет,
Как в недрах радостной отчизны,
Еще в фантазии живет.

Кому небесное — родное,
Кто сочетает с сединой
Воображенье молодое
И разум с пламенной душой.

В волшебной чаше наслажденья
Он дна пустого не найдет
И вскликнет, в чувствах упоенья:
«Прекрасному пределов нет!»

1825

ПОСЛАНИЕ К Р<ОЖАЛИ>НУ

Я молод, друг мой, в цвете лет,
Но я изведал жизни море,
И для меня уж тайны нет
Ни в пылкой радости, ни в горе.
Я долго тешился мечтой,
Звездам небесным слепо верил
И океан безбрежный мерил
Своею утлою ладьей.
С надменной радостью, бывало,
Глядел я, как мой смелый челн
Печатал след свой в бездне волн.
Меня пучина не пугала:
«Чего страшиться? — думал я, —
Бывало ль зеркало так ясно,
Как зыбь морей?» Так думал я
И гордо плыл, забыв края.
И что ж скрывалось под волною?
О камень грянул я ладьею,
И вдребезги моя ладья!
Обманут небом и мечтою,
Я проклял жребий и мечты...
Но издали манил мне ты,
Как брег призывный улыбался,
Тебя с восторгом я обнял,
Поверил снова наслажденьям
И с хладной жизнью сочетал
Души горячей сновиденья.

1825

ПЕСНЯ КЛАРЫ

⟨ИЗ ТРАГЕДИИ ГЁТЕ „ЭГМОНТ“⟩

Стучат барабаны,
Свисток заиграл;
С дружиною бранной
Мой друг поскакал!
Он скачет, качает
Большое копье...
С ним сердце мое!..
Ах, что я не воин!
Что нет у меня
Копья и коня!
За ним бы помчалась
В далеки края
И с ним бы сражалась
Без трепета я!
Враги пошатнулись —
За ними вослед...
Пощады им нет!..
О смелый мужчина!
Кто равен тебе
В счастливой судьбе!

Середина 1826

К ПУШКИНУ

Известно мне: доступен гений
Для гласа искренних сердец.
К тебе, возвышенный певец,
Взываю с жаром песнопений.
Рассей на миг восторг святой,
Раздумье творческого духа,
И снисходительного слуха
Младую музу удостой.
Когда пророк свободы смелый,
Тоской измученный поэт,
Покинул мир осиротелый,
Оставя славы жаркий свет
И тень всемирныя печали,
Хвалебным громом прозвучали
Твои стихи ему вослед.
Ты дань принес увядшей силе
И славе на его могиле
Другое имя завещал.
Ты тише, слаще воспевал
У муз похищенного галла.
Волнуясь песнею твоей,
В груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатил
Каменам долга вдохновенья:
К хвалам оплаканных могил
Прибавь веселые хваленья.
Их ждет еще один певец:

Он наш — жилец того же света,
Давно блестит его венец;
Но славы громкого привета
Звучней, отрадней глас поэта.
Наставник наш, наставник твой,
Он кроется в стране мечтаний,
В своей Германии родной.
Досель хладеющие длани
По струнам бегают порой,
И перерывчатые звуки,
Как после горестной разлуки
Старинной дружбы милый глас,
К знакомым думам клонят нас.
Досель в нем сердце не остыло,
И верь, он с радостью живой
В приюте старости унылой
Еще услышит голос твой,
И, может быть, тобой плененный,
Последним жаром вдохновенный,
Ответно лебедь запоет
И, к небу с песнию прощанья
Стремя торжественный полет,
В восторге дивного мечтанья
Тебя, о Пушкин, назовет.

Сентябрь или октябрь 1826

НОВГОРОД

(Посвящено к<няжне> А. И. Т<рубецкой>)

«Валяй, ямщик, да говори,
Далеко ль Но́вград?» — «Недалеко,
Версты четыре или три.
Вон видишь что-то там высоко,
Как черный лес издалека...»
— «Ну, вижу; это облака».
— «Нет! Это но́вградские кровли».
Ты ль предо мной, о древний град
Свободы, славы и торговли!
Как живо сердцу говорят
Холмы разбросанных обломков!
Не смолкли в них твои дела,
И слава предков перешла
В уста правдивые потомков.
«Ну, тройка! духом донесла!»
— «Потише. Где собор Софийской?»
— «Собор отсюда, барин, близко.
Вот улица, да влево две,
А там найдешь уж сам собою,
И крест на золотой главе
Уж будет прямо пред тобою».
Везде былого свежий след!
Века прошли... но их полет
Промчался здесь, не разрушая.
«Ямщик! Где площадь вечевая?»
— «Прозванья этого здесь нет...»
— «Как нет?» — «А, площадь? Недалеко:

За этой улицей широкой.
Вот площадь. Видишь шесть столбов?
По сказкам наших стариков,
На сих столбах висел когда-то
Огромный колокол, но он
Давно отсюда увезен».
— «Молчи, мой друг; здесь место свято:
Здесь воздух чище и вольней!
Потише!.. Нет, ступай скорей:
Чего ищу я здесь, безумный?
Где Волхов?» — «Вот перед тобой
Течет под этою горой...»
Всё так же он, волною шумной
Играя, весело бежит!..
Он о минувшем не грустит.
Так всё здесь близко, как и прежде...
Теперь ты сам ответствуй мне,
О Но́вград! В вековой одежде
Ты предо мной, как в седине,
Бессмертных витязей ровесник.
Твой прах гласит, как бдящий вестник,
О непробудной старине.
Ответствуй, город величавый:
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич князей,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Сзывал послушных сыновей?
Когда твой меч, гроза соседа,
Карал и рыцарей, и шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой?
Скажи, где эти времена?
Они далёко, ах, далёко!

Между октябрем и декабрем 1826

К МОЕЙ БОГИНЕ

Не думы гордые вздымают
Страстей исполненную грудь,
Не волны невские мешают
Душе усталой отдохнуть, —
Когда я вдоль реки широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой
И взор блуждает по брегам,
Язык невнятное лепечет
И тихо плещущим волнам
Слова прерывистые мечет.
Тогда от мыслей далека
И гордая надежда славы,
И тихоструйная река,
И невский берег величавый;
Тогда не робкая тоска
Бессильным сердцем обладает
И тайный ропот мне внушает...
Тебе понятен ропот сей,
О божество души моей!
Холодной жизнию бесстрастья
Ты знаешь, мне ль дышать и жить?
Ты знаешь, мне ль боготворить
Душой, не созданной для счастья,
Толпы привычные мечты
И дани раболепной службы
Носить кумиру суеты?
Нет! нет! и теплые дни дружбы
И дни горячие любви
К другому сердце приучили:

Другой огонь они в крови,
Другие чувства поселили.
Что счастье мне? Зачем оно?
Не ты ль твердила, что судьбою
Оно лишь робким здесь дано,
Что счастья с пламенной душою
Нельзя в сем мире сочетать,
Что для него мне не дышать...

О, будь благословенна мною!
Оно священно для меня,
Сие пророчество несчастья,
И, как завет его храня,
С каким восторгом сладострастья
Я жду губительного дня
И торжества судьбы коварной!
И, если б ум неблагодарный
На небо возроптал в бедах,
Твое б явленье, ангел милый,
Как дар небес, остановило
Проклятье на моих устах.
Мою бы грудь исполнил снова
Благоговения святого
Целебный взгляд твоих очей,
И снова бы в душе моей
Воскресло силы наслажденье,
И счастья гордое презренье,
И сладостная тишина.
Вот, вот что грудь мою вздымает
И тайный ропот мне внушает!
Вот чем душа моя полна,
Когда я вдоль Невы широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой.

Конец 1826

ПОЭТ

Тебе знаком ли сын богов,
Любимец муз и вдохновенья?
Узнал ли б меж земных сынов
Ты речь его, его движенья?
Не вспыльчив он, и строгий ум
Не блещет в шумном разговоре,
Но ясный луч высоких дум
Невольно светит в ясном взоре.
Пусть вкруг него, в чаду утех,
Бушует ветреная младость,
Безумный крик, нескромный смех
И необузданная радость:
Всё чуждо, дико для него,
На всё спокойно он взирает,
Лишь редко что-то с уст его
Улыбку беглую срывает.
Его богиня — простота,
И тихий гений размышленья
Ему поставил от рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, упованья —
Всё тайна в нем, всё в нем молчит:
В душе заботливо хранит
Он неразгаданные чувства...
Когда ж внезапно что-нибудь
Взволнует огненную грудь —
Душа, без страха, без искусства,

Готова вылиться в речах
И блещет в пламенных очах...
И снова тих он, и стыдливый
К земле он опускает взор,
Как будто слышит он укор
За невозвратные порывы.
О, если встретишь ты его
С раздумьем на челе суровом —
Пройди без шума близ него,
Не нарушай холодным словом
Его священных, тихих снов;
Взгляни с слезой благоговенья
И молви: это сын богов,
Любимец муз и вдохновенья.

Конец 1826

ЖИЗНЬ

Сначала жизнь пленяет нас;
В ней всё тепло, всё сердце греет
И, как заманчивый рассказ,
Наш ум причудливый лелеет.
Кой-что страшит издалека, —
Но в этом страхе наслажденье:
Он веселит воображенье,
Как о волшебном приключенье
Ночная повесть старика.
Но кончится обман игривый!
Мы привыкаем к чудесам —
Потом на всё глядим лениво,
Потом и жизнь постыла нам:
Ее загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка
Усталому пред часом сна.

Конец 1826

ДОМОВОЙ

«Что ты, Параша, так бледна?»
— «Родная! домовой проклятый
Меня звал нынче у окна.
Весь в черном, как медведь лохматый,
С усами, да какой большой!
Век не видать тебе такого».
— «Перекрестися, ангел мой!
Тебе ли видеть домового?»

«Ты не спала, Параша, ночь?»
— «Родная! страшно; не отходит
Проклятый бес от двери прочь;
Стучит задвижкой, дышит, бродит,
В сенях мне шепчет: отопри!»
— «Ну, что же ты?» — «Да я ни слова».
— «Э, полно, ангел мой, не ври:
Тебе ли слышать домового?»

«Параша, ты не весела;
Опять всю ночь ты пространствала?»
— «Нет, ничего: я ночь спала».
— «Как ночь спала! ты тосковала,
Ходила, отпирала дверь;
Ты, верно, испугалась снова?»
— «Нет, нет, родимая, поверь!
Я не видала домового».

Декабрь 1826

МОЯ МОЛИТВА

Души невидимый хранитель,
Услышь моление мое!
Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее,
Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, как тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лень с убитою душой,
Ни зависть с глазом ядовитым,
Ни ложный друг с коварством скрытым.
Всегда надежною броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.
Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям;
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.
Уста мои сомкни молчаньем,
Все чувства тайной осени,
Да взор холодный их не встретит,
Да луч тщеславья не просветит
На незамеченные дни.
Но в душу влей покоя сладость,
Посей надежды семена
И отжени от сердца радость:
Она — неверная жена.

1826

ПОСЛАНИЕ К Р<ОЖАЛИ>НУ

Оставь, о друг мой, ропот твой,
Смири преступные волненья;
Не ищет вчуже утешенья
Душа, богатая собой.
Не верь, чтоб люди разгоняли
Сердец возвышенных печали.
Скупая дружба их дарит
Пустые ласки, а не счастье;
Гордись, что ими ты забыт, —
Их равнодушное бесстрастье
Тебе да будет похвалой.
Заре не улыбался камень;
Так и сердец небесный пламень
Толпе бездушной и пустой
Всегда был тайной непонятной.
Встречай ее с душой булатной
И не страшись от слабых рук
Ни сильных ран, ни тяжких мук.
О, если б мог ты быстрым взором
Мой новый жребий пробежать,
Ты перестал бы искушать
Судьбу неправедным укором.
Когда б ты видел этот мир,
Где взор и вкус разочарован,
Где чувство стынет, ум окован
И где тщеславие — кумир;
Когда б в пустыне многолюдной
Ты не нашел души одной, —

Поверь, ты б навсегда, друг мой,
Забыл свой ропот безрассудный.
Как часто в пламени речей,
Носяся мыслью средь друзей,
Мечте обманчивой, послушной
Давал я руку простодушно —
Никто не жал руки моей.
Здесь лаской жаркого привета
Душа младая не согрета.
Не нахожу я здесь в очах
Огня, возженного в них чувством,
И слово, сжатое искусством,
Невольно мрет в моих устах.
О, если бы могли моленья
Достигнуть до небес скупых,
Не новой чаши наслажденья,
Я б прежних дней просил у них.
Отдайте мне друзей моих,
Отдайте пламень их объятий,
Их тихий, но горячий взор,
Язык безмолвных рукожатий
И вдохновенный разговор.
Отдайте сладостные звуки:
Они мне счастия поруки, —
Так тихо веяли они
Огнем любви в душе невежды
И светлой радугой надежды
Мои расписывали дни.

Но нет! не всё мне изменило:
Еще один мне верен друг,
Один он для души унылой
Друзей здесь заменяет круг.
Его беседы и уроки
Ловлю вниманьем жадным я;
Они и ясны, и глубоки,
Как будто волны бытия;
В его фантазии богатой
Я полной жизнию ожил
И ранний опыт не купил
Восторгов раннею утратой.
Он сам не жертвует страстям,

Он сам не верит их мечтам;
Но, как создания свидетель,
Он развернул всей жизни ткань.
Ему порок и добродетель
Равно несут покорно дань,
Как гордому владыке мира:
Мой друг, узнал ли ты Шекспира?

1826

<УТЕШЕНИЕ>

Блажен, кому судьба вложила
В уста высокий дар речей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;
Как Промефей, похитил он
Источник жизни, дивный пламень
И вкруг себя, как Пигмальон,
Одушевляет хладный камень.
Немногие небесный дар
В удел счастливый получают,
И редко, редко сердца жар
Уста послушно выражают.
Но если в душу вложена
Хоть искра страсти благородной, —
Поверь, не даром в ней она,
Не теплится она бесплодно...
Не с тем судьба ее зажгла,
Чтоб смерти хладная зола
Ее навеки потушила:
Нет! — что в душевной глубине,
Того не унесет могила:
Оно останется по мне.

Души пророчества правдивы.
Я знал сердечные порывы,
Я был их жертвой, я страдал
И на страданья не роптал;
Мне было в жизни утешенье,

Мне тайный голос обещал,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Он говорил: «Когда-нибудь
Созреет плод сей муки тайной
И слово сильное случайно
В нежданном пламени речей
Из груди вырвется твоей;
Уронишь ты его недаром:
Оно чужую грудь зажжет,
В нее как искра упадет
И в ней пробудится пожаром».

1826

ИТАЛИЯ

Италия, отчизна вдохновенья!
Придет мой час, когда удастся мне
Любить тебя с восторгом наслажденья,
Как я люблю твой образ в светлом сне.
Без горя я с мечтами распрощаюсь,
И наяву, в кругу твоих чудес,
Под яхонтом сверкающих небес,
Младой душой по воле разыграюсь.
Там радостно я буду петь зарю
И поздравлять царя светил с восходом,
Там гордо я душою воспарю
Под пламенным необозримым сводом.
Как весело в нем утро золотое
И сладостна серебряная ночь!
О мир сует! тогда от мыслей прочь!
В объятьях нег и в творческом покое
Я буду жить в минувшем средь певцов,
Я вызову их сонмы из гробов!
Тогда, о Тасс! твой мирный сон нарушу,
И твой восторг, полуденный твой жар
Прольет и жизнь, и песней сладких дар
В холодный ум и в северную душу.

1826

КИНЖАЛ

Оставь меня, забудь меня!
Тебя одну любил я в мире,
Но я любил тебя как друг,
Как любят звездочку в эфире,
Как любят светлый идеал
Иль ясный сон воображенья.
Я много в жизни распознал,
В одной любви не знал мученья,
И я хочу сойти во гроб,
Как очарованный невежда.

Оставь меня, забудь меня!
Взгляни — вот где моя надежда;
Взгляни — но что вздрогнула ты?
Нет, не дрожи: смерть не ужасна;
Ах, не шепчи ты мне про ад:
Верь, ад на свете, друг
прекрасный!
Где жизни нет, там муки нет.
Дай поцелуй в залог прощанья...
Зачем дрожат твои лобзанья?
Зачем в слезах горит твой взор?

Оставь меня, люби другого!
Забудь меня, я скоро сам
Забуду скорбь житья земного.

1826

ТРИ РОЗЫ

В глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили нам боги,
Эдема лучшие цветы.
Одна под небом Кашемира
Цветет близ светлого ручья;
Она любовница зефира
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянет,
И если кто ее сорвет,
Лишь только утра луч проглянет,
Свежее роза расцветет.

Еще прелестнее другая:
Она, румяною зарей
На раннем небе расцветая,
Пленяет яркой красотой.
Свежей от этой розы веет
И веселей ее встречать:
На миг один она алеет,
Но с каждым днем цветет опять.

Еще свежей от третьей веет,
Хотя она не в небесах;
Ее для жарких уст лелеет
Любовь на девственных щеках.

Но эта роза скоро вянет:
Она пуглива и нежна,
И тщетно утра луч проглянет —
Не расцветет опять она.

1826

ТРИ УЧАСТИ

Три участи в мире завидны, друзья.
Счастливец, кто века судьбой управляет,
В душе неразгаданной думы тая.
Он сеет для жатвы, но жатв не сбирает:
Народов признанья ему не хвала,
Народов проклятья ему не упреки.
Векам завещает он замысл глубокий;
По смерти бессмертного зреют дела.

Завидней поэта удел на земли.
С младенческих лет он сдружился с природой,
И сердце камены от хлада спасли,
И ум непокорный воспитан свободой,
И луч вдохновенья зажегся в очах.
Весь мир облекает он в стройные звуки;
Стеснится ли сердце волнением муки —
Он выплачет горе в горючих стихах.

Но верьте, о други! счастливей стократ
Беспечный питомец забавы и лени.
Глубокие думы души не мутят,
Не знает он слез и огня вдохновений,
И день для него, как другой, пролетел,
И будущий снова он встретит беспечно,
И сердце увянет без муки сердечной —
О рок! что ты не дал мне этот удел?

1826 или январь 1827

ЭЛЕГИЯ

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упилась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!
На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.
Душа твоя так ясно разгорелась
И новый огнь в груди моей зажгла.
Но этот огнь томительный, мятежный,
Он не горит любовью тихой, нежной, —
Нет! он и жжет, и мучит, и мертвит,
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудится страданьем.
Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?

1826 или январь 1827

ЗАВЕЩАНИЕ

Вот час последнего страданья!
Внимайте: воля мертвеца
Страшна, как голос прорицанья.
Внимайте: чтоб сего кольца
С руки холодной не снимали;
Пусть с ним умрут мои печали
И будут с ним схоронены.
Друзьям — привет и утешенье:
Восторгов лучшие мгновенья
Мной были им посвящены.
Внимай и ты, моя богиня:
Теперь души твоей святыня
Мне и доступней, и ясней;
Во мне умолкнул глас страстей,
Любви волшебство позабыто,
Исчезла радужная мгла,
И то, что раем ты звала,
Передо мной теперь открыто.
Приблизься! вот могилы дверь!
Мне всё позволено теперь:
Я не боюсь суждений света.
Теперь могу тебя обнять,
Теперь могу тебя лобзать,
Как с первой радостью привета
В раю мы ангелов своих
Устами б чистыми лобзали,
Когда бы мы в восторге их
За гробом сумрачным встречали.

Но эту речь ты позабудь:
В ней тайный голос исступленья;
Зачем холодные сомненья
Я вылью в пламенную грудь?
К тебе одно, одно моленье!
Не забывай!.. прочь уверенья —
Клянись!.. Ты веришь, милый друг,
Что за могильным сим пределом
Душа моя простится с телом
И будет жить, как вольный дух,
Без образа, без тьмы и света,
Одним нетлением одета.
Сей дух, как вечно бдящий взор,
Твой будет спутник неотступный,
И если памятью преступной
Ты изменишь, беда с тех пор!
Я тайно облекусь в укор;
К душе прилипну вероломной,
В ней пищу мщения найду,
И будет сердцу грустно, томно, —
А я, как червь, не отпаду.

1826 или 1827

К МОЕМУ ПЕРСТНЮ

Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечный
И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла...
Нет! дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.
О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран,
И света, и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
В часы холодного сомненья
Надеждой сердце оживи,
И если в скорбях заточенья,
Вдали от ангела любви,
Оно замыслит преступленье, —
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И от груди моей мятежной
Свинец безумства отврати.
Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем, что здесь люблю,

Тебя в прощаньи не забуду:
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.
И просьба будет не бесплодна:
Он подтвердит обет мне свой
Словами клятвы роковой.
Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя отроет вновь;
И снова робкая любовь
Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верный.

1826 или 1827

К ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шум, твои рукоплесканья,
Язык притворного огня,
Бессмысленные восклицанья
Противны, ненавистны мне.
Поверь, привычки раб холодный,
Не так, не так восторг свободный
Горит в сердечной глубине.
Когда б ты знал, что́ эти звуки,
Когда бы тайный их язык
Ты чувством пламенным проник, —
Поверь, уста твои и руки
Сковались бы, как в час святой,
Благоговейной тишиной.
Тогда душа твоя, немея,
Вполне бы радость поняла,
Тогда б она живей, вольнее
Родную душу обняла.
Тогда б мятежные волненья
И бури тяжкие страстей —
Всё бы утихло, смолкло в ней
Перед святыней наслажденья.
Тогда б ты не желал блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты б в углу, уединенный,
Таил вселюбящую грудь.

Тебе бы люди были братья,
Ты б тайно слезы проливал
И к ним горячие объятья,
Как друг вселенной, простирал.

1826 или 1827

‹ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ›

О жизнь, коварная сирена,
Как сильно ты к себе влечешь!
Ты из цветов блестящих вьешь
Оковы гибельного плена.
Ты кубок счастья подаешь
И песни радости поешь;
Но в кубке счастья — лишь измена,
И в песнях радости — лишь ложь.

Не мучь напрасным искушеньем
Груди истерзанной моей
И не лови моих очей
Каким-то светлым привиденьем.
Меня не тешит ложный сон.
Тебе мои скупые длани
Не принесут покорной дани,
Нет, я тебе не обречен.

Твоей пленительной изменой
Ты можешь в сердце поселить
Минутный огнь, раздор мгновенный,
Ланиты бледностью облить
И осенить печалью младость,
Отнять покой, беспечность, радость,
Но не отымешь ты, поверь,
Любви, надежды, вдохновений!
Нет! их спасет мой добрый гений,
И не мои они теперь.

О юность, [illegible] [illegible]!
Как мало ты еще [illegible]!
Ты уж цветок благоухающей весны!
Улыбки младенческой [illegible].
Ты [illegible] [illegible]
И [illegible] радости [illegible]
Но в чудных [illegible] [illegible]
И в [illegible] радости своей игре.
Не [illegible] [illegible] искушений
Груди истерзанной моей
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
2) [illegible]
1) [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible]
Не [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] не [illegible].
Твой [illegible] [illegible]
Ты [illegible] в сердце [illegible]

Я посвящаю их отныне
Навек поэзии святой
И с страшной клятвой и с мольбой
Кладу на жертвенник богине.

1826 или 1827

К ИЗОБРАЖЕНИЮ УРАНИИ

Пять звезд увенчали чело вдохновенной:
    Поэзии дивной звезда,
Звезда благодатная милой надежды,
    Звезда беззакатной любви,
Звезда лучезарная искренней дружбы,
    Что пятая будет звезда?
Да будет она, благотворные боги,
    Душевного счастья звездой.

1826 или 1827

КРЫЛЬЯ ЖИЗНИ

⟨ИЗ МИЛЬВУА⟩

На легких крылышках
Летают ласточки;
Но легче крылышки
У жизни ветреной.
Не знает в юности
Она усталости
И радость резвую
Берет доверчиво
К себе на крылия.
Летит, любуется
Прекрасной ношею. . .
Но вскоре тягостна
Ей гостья милая;
Устали крылышки,
И радость резвую
Она стряхает с них.
Печаль ей кажется
Не столь тяжелою,
И, прихотливая,
Печаль туманную
Берет на крылия
И в даль пускается
С подругой новою.
Но крылья легкие
Всё болей, более
Под ношей клонятся.
И вскоре падает

С них гостья новая,
И жизнь усталая
Одна, без бремени,
Летит покойнее,
Лишь только в крылиях,
Едва заметные,
От ношей брошенных
Следы осталися —
И отпечатались
Лишь только в перышках
Два цвета бледные:
Немного светлого
От резвой радости,
Немного темного
От гостьи сумрачной.

1826 или 1827

* * *

Я чувствую, во мне горит
Святое пламя вдохновенья,
Но к темной цели дух парит...
Кто мне укажет путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипит, как океан безбрежный...
Найду ли я утес надежный,
Где твердой обопрусь ногой?
Иль, вечного сомненья полный,
Я буду горестно глядеть
На переменчивые волны,
Не зная, что любить, что петь?

Открой глаза на всю природу, —
Мне тайный голос отвечал, —
Но дай им выбор и свободу,
Твой час еще не наступал:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывный —
Отзывной песнью отвечай!
Когда ж минуты удивленья,
Как сон туманный, пролетят
И тайны вечного творенья
Ясней прочтет спокойный взгляд, —
Смирится гордое желанье
Весь мир обнять в единый миг,

И звуки тихих струн твоих
Сольются в стройные созданья.

Не лжив сей голос прорицанья,
И струны верные мои
С тех пор душе не изменяли.
Пою то радость, то печали,
То пыл страстей, то жар любви,
И беглым мыслям простодушно
Вверяюсь в пламени стихов.
Так соловей в тени дубров,
Восторгу краткому послушный,
Когда на долы ляжет тень,
Уныло вечер воспевает
И утром весело встречает
В румяном небе светлый день.

1826 или 1827

ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ ХУДОЖНИКА
‹ИЗ ГЁТЕ›

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Перед восходом солнечным

Художник за своим станком. Он только что поставил на него портрет толстой, дурной собою кокетки.

Художник

(дотронулся кистью и останавливается)

Что за лицо! совсем без выраженья!
Долой! нет более терпенья.

(Снимает портрет.)

Нет! я не отравлю сих сладостных мгновений,
Пока вы нежитесь в объятьях сна,
Предметы милые трудов и попечений,
Малютки, добрая жена!

(Подходит к окну.)

Как щедро льешь ты жизнь, прекрасная денница!
Как юно бьется грудь перед тобой!
Какою сладкою слезой
Туманится моя зеница!

(Ставит на станок картину, представляющую во весь рост Венеру Уранию.)

Небесная! для сердца образ твой —
Как первая улыбка счастья.
Я чувствами, душой могу обнять тебя,
Как радостный жених, с восторгом сладострастья.
Я твой создатель; ты моя:
Богиня! ты — я сам, ты более, чем я;
Я твой, владычица вселенной!
И я лишусь тебя! я за металл презренный
Отдам тебя глупцу, чтоб на его стене
Служила ты болтливости надменной
И не напомнила, быть может, обо мне!..

(Он смотрит в комнату, где спят его дети.)

О дети!.. Будь для них богиней пропитанья!
Я понесу тебя к соседу-богачу
И за тебя, предмет очарованья,
На хлеб малюткам получу...
Но он не будет обладать тобою,
Природы радость и душа!
Ты будешь здесь, ты будешь век со мною,
Ты вся во мне: тобой дыша,
Я счастлив, я живу твоею красотою.

Ребенок кричит в комнате.

Художник

О боже!

Жена художника
(просыпается)

Рассвело. Ты встал уже, друг мой!
Сходи ж скорее за водой
Да разведи огонь, чтоб воду вскипятить:
Пора ребенку суп варить.

Художник
(останавливается еще на минуту перед своей картиной)

Небесная!

Старший сын его
(вскочил с постели и босой подбегает к нему)

И я тебе, пожалуй, помогу.

Художник

Кто? — ты!

Сын

Да, я.

Художник

Беги ж за щепками!

Сын

Бегу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Художник

Кто там стучится у дверей?

Сын

Вчерашний господин с женою.

Художник

(ставит опять на станок отвратительный портрет)

Так за портрет возьмуся поскорей.

Жена

Пиши, и деньги за тобою.

Господин и госпожа входят.

Господин

Вот кстати мы!

Госпожа

А я как дурно ночь спала!

Жена

А как свежи! нельзя не подивиться.

Господин

Что это за картина близ угла?

Художник

Смотрите, как бы вам не запылиться.

(К госпоже)

Прошу, сударыня, садиться.

Господин

(смотрит на портрет)

Характер-то, характер-то не тот,
Портрет хорош, конечно так,
Но всё нельзя сказать никак,
Что это полотно живет.

Художник

(про себя)

Чего он ищет в этой роже?

Господин

(берет картину из угла)

А! вот ваш собственный портрет.

Художник

Он был похож: ему уж десять лет.

Господин

Нет, можно и теперь узнать.

Госпожа

(будто бы взглянув на него)

Похоже.

Господин

Тогда вы были помоложе.

Жена

(подходит с корзиной на руке и говорит тихонько мужу)

Иду на рынок я: дай рубль.

Художник

Да нет его.

Жена

Без денег, милый друг, не купишь ничего.

Художник

Пошла!

Господин

Но ваша кисть теперь смелей.

Художник

Пишу, как пишется: чтó лучше, чтó похуже.

Господин

(подходит к станку)

Вот браво! ноздри-то поуже,
Да взгляд, пожалуйста, живей!

Художник

(про себя)

О боже мой! что за мученье!

Муза

(невидимо для других подходит к нему)

Уже, мой сын, теряешь ты терпенье?
Но участь смертных всех равна.
Ты говоришь: она дурна!
Зато платить она должна.
Пусть этот сумасброд болтает —
Тебя живой восторг, художник, награждает.
Твой дар некупленный, источник красоты —
Он счастие твое, им утешайся ты.
Поверь: лишь тот знаком с душевным наслажденьем,
Кто приобрел его трудами и терпеньем,
И небо без земли наскучило б богам.
Зачем же ты взываешь к небесам?
Тебе любовь верна, твой сон всегда приятен,
И честью ты богат, хотя ты и не знатен.

1826 или 1827

АПОФЕОЗА ХУДОЖНИКА
(ИЗ ГЁТЕ)

Театр представляет великолепную картинную галерею. Картины всех школ висят в широких золотых рамах. Много любопытных посетителей. Они ходят взад и вперед. На одной стороне сидит ученик и списывает картину.

Ученик

(встает, кладет на стул палитру и кисть, а сам становится позади стула)

По целым дням я здесь сижу!
Я весь горю, я весь дрожу.
Пишу, мараю, так что сам
Не верю собственным глазам.
Все правила припоминал,
Всё вымерил, всё рассчитал,
И жадно взор гонялся мой
За каждой краской и чертой.
То вдруг кидаю кисть свою;
Как полубешеный встаю
В поту, усталый от труда.
Гляжу туда, гляжу сюда,
С картины не спускаю глаз,
Стою за стулом битый час —
И что же? для беды моей,
Никак я копии своей
Не превращу в оригинал.
Там жизнь холсту художник дал

Свободой дышит кисть его, —
Здесь всё и сухо, и мертво.
Везде там живость, страсть видна,
Здесь принужденность лишь одна;
Что там горит прозрачней дня —
То вяло, грязно у меня.
Я вижу, даром я тружусь
И с жаром вновь за кисть берусь!
Но что ужаснее всего,
Что верх мученья моего:
Ошибки ясны мне как свет,
А их поправить силы нет.

Мастер

(подходит)

Мой друг, за это похвалю:
Твое старанье я люблю.
Недаром я твержу всегда,
Что нет успеха без труда.
Трудись! запомни мой урок —
Ты сам увидишь в этом прок;
Я это знаю по себе:
Что нынче кажется тебе
Непостижимо, высоко,
То нечувствительно, легко
Рождаться будет под рукой;
И наконец, любезный мой,
Искусство, весь науки плод,
Тебе в пять пальцев перейдет.

Ученик

Увы! как много здесь дурного,
А об ошибках вы ни слова.

Мастер

Кому же всё дается вдруг?
Я вижу с радостью, мой друг,
Что с каждым днем твой дар растет.
Ты сам собой пойдешь вперед.
Кой-что со временем поправим,
Но это мы теперь оставим.

(Уходит.)

Ученик

(смотря на картину)

Нет, нет покоя для меня,
Пока не всё постигнул я!

Любитель

(подходит к нему)

Мне жалко видеть, сударь мой,
Что вы так трудитесь напрасно,
Идете темною тропой
И позабыли путь прямой:
Натура — вот источник ясный,
Откуда черпать вы должны.
В ней тайны все обнажены:
И жизнь телес и жизнь духо́в.
Натура — школа мастеров.
Примите ж искренний совет:
Зачем топтать избитый след,
Чтоб быть копистом наконец?
Натура — вот вам образец!
Одна натура, сударь мой,
Направит вас на путь прямой.

Ученик

Всё это часто слышал я,
Всё испытала кисть моя.
Я за природою гонялся,
Случайно успевал кой в чем,
Но большей частью возвращался
С укором, мукой и стыдом.
Нет! это труд несовершимый!
Природы книга не по нас:
Ее листы необозримы,
И мелок шрифт для наших глаз.

Любитель

(отворачивается)

Теперь я вижу, в чем секрет:
В нем гения нимало нет.

Ученик

(опять садится)

Совсем не то! Хочу опять
Картину всю перемарать.

Другой мастер подходит к нему, смотрит на работу и отворачивается, не сказав ни слова.

Нет! вы не с тем пришли, чтоб молча заглянуть.
Я вас прошу, скажите что-нибудь.
Вы можете одни понять мои мученья.
Хотя мой труд не стоит слов,
Но трудолюбие достойно снисхожденья;
И верить вам во всем готов.

Мастер

Я, признаюсь, гляжу на все твои старанья
И с чувством радости, и с чувством состраданья.
Я вижу: ты, любезный мой,
Природой создан для искусства;
Тебе открыты тайны чувства;
Ты ловишь взором и душой
В прекрасном мире впечатленья;
Ты бы хотел обнять в нем красоту
И кистью приковать к холсту
Его минутные явленья;
Ты прилежанием талант возвысил свой
И быстро ловкою рукой
За мыслью следовать умеешь;
Во многом ты успел и более успеешь —
Но...

Ученик

Не скрывайте ничего.

Мастер

Ты упражнял и глаз, и руку,
Но ты не упражнял рассудка своего.
Чтоб быть художником, обдумывай науку!
Без мыслей гений не творит,
И самый редкий ум с одним природным чувством
К высокому едва ли воспарит.

Искусство навсегда останется искусством;
Здесь ощупью нельзя идти вперед,
И только знание к успеху приведет.

Ученик

Я знаю, к красотам природы и картин
Не трудно приучить и глаз, и руку,
Не то с наукою; ученый лишь один
Нам может передать науку.
Кто может знанием полезен быть другим,
Не должен бы один им наслаждаться.
Зачем же вам от всех скрываться
И с многими не поделиться им?

Мастер

Нет! в наши времена все любят путь широкий,
Не трудную стезю, не строгие уроки.
Я завсегда одно и то ж пою,
Но всякий ли полюбит песнь мою?

Ученик

Скажите только мне, ошибся ли я в том,
Что перед прочими я выбрал образцом
Сего художника?

(Указывая на картину, которую списывает)

Что весь живу я в нем?
Что я люблю его, люблю, как бы живого,
Над ним всегда тружусь и не хочу другого.

Мастер

Его чудесный дар и молодость твоя —
Вот что твой выбор извиняет.
Всегда охотно вижу я,
Как смелый юноша свободно рассуждает,
Без меры хвалит, порицает.
Твой идеал, твой образец —
Великий ум, разнообразный гений.
Учися красотам его произведений,
Трудись над ними, — наконец,
Познай ошибки и умей
Любить в творениях искусство, не людей.

Ученик

Его картинами давно уж я пленился.
Поверьте, не проходит дня,
Чтоб я над ними не трудился.
И с каждым днем они всё новы для меня.

Мастер

Ты рассмотри с рассудком, беспристрастно,
И чем он был, и чем хотел он быть;
Люби его, но сам учись его судить.
Тогда твой труд не будет труд напрасный:
Обняв науку красоты,
Не всё пред ним забудешь ты.
Для добродетели телесной груди мало;
Ужиться ей нельзя в душе одной:
С искусством точно то ж, и никогда, друг мой,
Одна душа его не поглощала.

Ученик

Так я был слеп до этих пор.

Мастер

Теперь оставим разговор.

Смотритель галереи
(подходит к ним)

Какой счастливый день для нас!
Картину к нам внесут тотчас —
Давно на свете я живу,
Но ни во сне, ни наяву
Другой подобной не видал.

Мастер

А чья?

Ученик

Его же?
(Указывает на картину, с которой списывал.)

Смотритель

Угадал.

Ученик

Я угадал! мне это
Шепнула тайная любовь.
Какой восторг волнует кровь!
Каким огнем душа согрета!
Куда бежать мне к ней? куда?

Смотритель

Ее сейчас внесут сюда.
Нельзя взглянуть, не подивясь...
Зато недешево купил ее наш князь.

Продавец
(входит)

Ну, господа! теперь я смею
Поздравить вашу галерею.
Теперь узнает целый свет,
Как князь искусства ободряет:
Он вам картину покупает,
Какой нигде, ручаюсь, нет.
Ее несут уж в галерею.
Мне прямо жаль расстаться с нею.
Я не обманываю вас —
Цена, конечно, дорогая,
Но редкость, господа, такая
Дороже стоит во сто раз.

Тут вносят изображение Венеры Урании и ставят на станок.

Теперь взгляните: вот она!
Без рамки, вся запылена.
Я продаю, как получил,
И даже лаком не покрыл.
Но здесь не нужны украшенья.
Взгляните: вот произведенье!

Все собираются перед картиной.

Первый мастер

Какое мастерство во всем!

Второй мастер

Вот зрелый ум! какой объем!

Ученик

Какою силою чудесной
Бунтует страсть в груди моей!

Любитель

Как натурально! как небесно!

Продавец

Я, словом, всем пленился в ней,
И самой мыслью, и работой.

Смотритель

Вот к ней и рама с позолотой!
Скорей — князь скоро будет сам —
Вбивайте гвозди по углам!

Картину вставляют в раму и вешают.

Князь

(входит в зал и рассматривает картину)

Картина точно превосходна,
И не торгуюсь я в цене.

Казначей кладет кошелек с червонцами на стол и вздыхает.

Продавец

Нельзя ли взвесить?

Казначей

(считая деньги)

Как угодно,
Но лишний труд, поверьте мне.

Князь стоит перед картиною. Прочие в некотором отдалении. Потолок открывается. Муза, держа художника за руку, является на облаке.

Художник

Куда летим? в какой далекий край?

Муза

Взгляни, мой друг, и сам себя узнай!
Упейся счастьем в полной мере.

Художник

Мне душно здесь, в тяжелой атмосфере.

Муза

Твое созданье пред тобой!
Оно все прочие затмило красотой
И здесь, как Сириус меж ясными звездами,
Блестит бессмертными лучами.
Взгляни, мой друг! Сей плод свободы и трудов —
Он твой! он плод твоих счастливейших часов.
Твоя душа в себе его носила
В минуты тихих, чистых дум:
Его зачал твой зрелый ум,
А трудолюбие спокойно довершило.
Взгляни, ученый перед ним
Стоит и скромно наблюдает.
Здесь покровитель муз твой дар благословляет,
Он восхищен творением твоим.
А этот юноша! взгляни, как он пылает!
Какая страсть в душе его младой!
Прочти в очах его желанье
Вполне испить твое влиянье
И жажду утолить тобой!
Так человек с возвышенной душой
Преходит в поздние века и поколенья.
Ему нельзя свое предназначенье
В пределах жизни совершить:
Он доживает за могилой
И, мертвый, дышит прежней силой.
Свершив конечный свой удел,
Он в жизни слов своих и дел
Путь начинает бесконечный!
Так будешь жить и ты в бессмертьи, в славе вечной!

Художник

Я чувствую всё, что мне дал Зевес:
И радость жизни быстротечной,
И радость вечную обители небес.
Но он простит мне ропот мой печальный.
Спроси любовника: счастлив ли он,
Когда он с милою подругой разлучен,
Когда она в стране тоскует дальной?

Скажи, что он лишился не всего,
Что тот же свет их озаряет,
Что то же солнце согревает, —
И эта мысль утешит ли его?
Пусть славят все мои творенья!
Но в жизни славу знал ли я?
Скажи, небесная моя,
Чтó мне теперь за утешенье,
Что златом платят за меня?
О, если б иногда имел я сам
Так много золота, как там,
Вокруг картин моих блестит для украшенья!
Когда я в бедности с семейством хлеб делил,
Я счастлив, я доволен был
И не имел другого наслажденья.
Увы! судьба мне не дала
Ни друга, чтоб делить с ним чувства,
Ни покровителя искусства.
До дна я выпил чашу зла.
Лишь изредка хвалы невежды
Гремели мне в глуши монастырей,
Так я трудился без судей
И мир покинул без надежды.

(Указывая на ученика)

О, если ты для юноши сего
Во мзду заслуг готовишь славу рая,
Молю тебя, подруга неземная,
Здесь на земле не забывай его.
Пока уста дрожат еще лобзаньем,
Пока душа волнуется желаньем,
Да вкусит он вполне твою любовь!
Венок ему на небе уготовь,
Но здесь подай сосуд очарованья,
Без яда слез, без примеси страданья!

1826 или 1827

ОТРЫВКИ ИЗ „ФАУСТА“
‹ГЁТЕ›

1

Фауст и Вагнер
(За́ городом)

Фауст

Блажен, кто не отверг надежды
Раздрать покров душевной тьмы!
Во всем, что нужно, мы невежды,
А что не нужно — знаем мы.
Но нет! печальными речами
Не отравляй даров небес.
Смотри, как кровли меж древес
Горят вечерними лучами...
Светило к западу течет,
И новый день мы схоронили —
К другим страна́м оно придет
И там жизнь новую прольет.
Что́ нет у нас могущих крылий?
За ним, за ним помчался б я;
Зарею б вечною блистали
Передо мной земли края,
Холмы в пожаре бы пылали,
Дремали долы в мирном сне,
И волны золотом играли,
Переливаяся в огне.

Тогда, утесы и вершины,
Вы мне бы не были предел:
Богоподобный, я б летел
Через эфирные равнины,
И скоро б зрел смущенный взгляд,
Как моря жаркие пучины
В заливах зеркалом лежат...
Но солнце к западу скатилось —
И вновь желанье пробудилось,
И я стремлю ему вослед,
Меж нощию и днем, меж небом и морями,
Неутомимый свой полет
И упиваюся бессмертными лучами.

Мой друг! прекрасны эти сны,
А солнце скрылось за горою...
Увы! летаем мы мечтою,
Но крылья телу не даны.
И у кого душа в груди не бьется
И, жадная, не рвется от земли,
Когда над ним, невидимый, вдали
Веселый жаворонок вьется
И тонет в зыбях голубых,
По ветру песни рассыпая!
Когда парит орел над высью скал крутых,
Широкие ветрила расстилая,
И через степь, чрез бездны вод
Станица журавлей на родину плывет
К весне полуденного края!..

Вагнер

Признаться, и во мне подчас
Затейливо шалит воображенье:
Но непонятно мне твое стремленье.
На поле, на леса насмотришься как раз;
Мне не завидны крылья птицы,
И то ль веселье для души —
Перелетать листы, страницы
Зимой, в полуночной тиши!
Тогда и ночь как будто бы светлее,
По жилам жизнь бежит теплее —

Недаром иногда пороешься в пыли,
И, право, отрывать случалось
Такой столбец, что сам ты на земли,
А будто небо открывалось.

Фауст

Мой друг! из сильных двух страстей
Одна лишь властвует тобою:
О, не знакомься ты с другою!
Но две души живут в груди моей,
Всегда враждуя меж собою.
Одна, обнявши прах земной,
Сковалась с ним любовию земною,
Другая прочь от персти хладной
Летит в эфир, к обители родной.
Когда меж небом и землею
Витаешь ты, веселый рой духо́в,
Из недра туч, из радужных паров
Спустись ко мне! за жизнью молодою
Неси меня к другой стране!
О, дайте плащ волшебный мне!
Когда б меня к другому миру
Он дивной силою помчал,
Я бы его не променял
На блеск венца, на царскую порфиру.

Вагнер

Не призывай изведанных врагов:
Их сонм в изгибах облаков
Везде разлился по вселенной
И смертному в вражде неутоленной
Беду несет со всех сторон.
Подует с севера — и острыми зубами,
Как иглами, тебя пронзает он;
С востока налетит — и под его крылами
Иссохнет жизнь в груди твоей.
То с юга, с пламенных степей,
Он зной и огнь скопляет над тобою,
То с запада мгновенно освежит
И вдруг губительной волною
Поля, луга опустошит.

Он внемлет нам, но, обольститель жадный,
Покорствуя, он манит нас к бедам,
И, словно ангел, так отрадно
Он ложь нашептывает нам.

2

Песнь Маргариты

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Где нет его,
Там всё мертво!
Мне день не мил
И мир постыл.

О бедная дéвица!
Что сбылось с тобой?
О бедная дéвица!
Где рассудок твой?

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

В окно ли гляжу я —
Его я ищу.
Из дома ль иду я —
За ним я иду.

Высок он и ловок;
Величествен взгляд;
Какая улыбка!
Как очи горят!

И речь, как звон
Волшебных струй!

И жар руки!
И что за поцелуй!

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Всё тянет меня.
Всё тянет к нему.
И душно, и грустно.
Ах, что́ не могу

Обнять его, держать его,
Лобзать его, лобзать
И, умирая, с уст его
Еще лобзанья рвать!

3

Монолог Фаустов в пещере

Всевышний дух! ты всё, ты всё мне дал
О чем тебя я умолял.
Недаром зрелся мне
Твой лик, сияющий в огне.
Ты дал природу мне, как царство, во владенье;
Ты дал душе моей
Дар чувствовать ее и силу наслажденья.
Другой едва скользит по ней
Холодным взглядом удивленья;
Но я могу в ее таинственную грудь,
Как в сердце друга, заглянуть.
Ты протянул передо мною
Созданий цепь — я узнаю
В вода́х, в лесах, под твердью голубою
Одну благую мать, одну ее семью.
Когда бушует ветр в дубраве темной,
И лес качается, и рухнет дуб огромный,
И ветви ближние ломаются, трещат,
И стук, и грохот заунывный
В долине будит гул отзывный, —

Ты путь в пещеру кажешь мне,
И там, среди уединенья,
Я вижу новый мир, и новые явленья,
И созерцаю в тишине
Души чудесные и тайные виденья.
Когда же ветры замолчат
И тихо на полях эфира
Всплывет луна, как светлый вестник мира,
Тогда подъемлется передо мной
Веков туманная завеса,
И с грозных скал, из дремлющего леса
Встают блестящею толпой
Минувшего серебряные тени
И светят в сумраке суровых размышлений.
Но, ах! теперь я испытал,
Что нет для смертных совершенства!
Напрасно я, в мечтах душевного блаженства,
Себя с бессмертными равнял!
Ты к страшному врагу меня здесь приковал:
Как тень моя, сопутник неотлучный.
Холодной злобою, насмешкою докучной
Он отравил дары небес.
Дыханье слов его сильней твоих чудес!
Он в прах меня унизил предо мною,
Разрушил вмиг мир, созданный тобою,
В груди моей зажег он пламень роковой,
Вдохнул любовь к несчастному созданью,
И я стремлюсь несытою душой
В желаньи к счастию, а в счастии к желанью

1826—1827

НА НОВЫЙ 1827 ГОД

Так снова год, как тень, мелькнул,
Сокрылся в сумрачную вечность
И быстрым бегом упрекнул
Мою ленивую беспечность.
О, если б он меня спросил:
«Где плод горячих обещаний?
Чем ты меня остановил?» —
Я не нашел бы оправданий
В мечтах рассеянных моих!
Мне нечем заглушить упрека!
Но слушай ты, беглец жестокой!
Клянусь тебе в прощальный миг:
Ты не умчался без возврату;
Я за тобою полечу
И наступающему брату
Весь тяжкий долг свой доплачу.

1 января 1827

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Я слышал, камены тебя воспитали,
Дитя, засыпал ты под басенки их.
Бессмертные дар свой тебе передали —
И мы засыпаем на баснях твоих.

Январь 1827

ПОЭТ И ДРУГ

(Элегия)

Друг

Ты в жизни только расцветаешь,
И ясен мир перед тобой, —
Зачем же ты в душе младой
Мечту коварную питаешь?
Кто близок к двери гробовой,
Того уста не пламенеют,
Не так душа его пылка,
В приветах взоры не светлеют,
И так ли жмет его рука?

Поэт

Мой друг! слова твои напрасны
Не лгут мне чувства — их язык
Я понимать давно привык,
И их пророчества мне ясны.
Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!
Тебе всё чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Друг

Не так природы строг завет.
Не презирай ее дарами:
Она на радость юных лет
Дает надежды нам с мечтами.

Ты гордо слышал их привет;
Она желание святое
Сама зажгла в твоей крови
И в грудь для сладостной любви
Вложила сердце молодое.

Поэт

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил!
Тому, кто жребий довершил,
Потеря жизни не утрата —
Без страха мир покинет он!
Судьба в дарах своих богата,
И не один у ней закон:
Тому — процвесть развитой силой
И смертью жизни след стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Друг

Мой друг! зачем обман питать?
Нет! дважды жизнь нас не лелеет.
Я то люблю, что сердце греет,
Что я своим могу назвать,
Что наслажденье в полной чаше
Нам предлагает каждый день.
А что за гробом, то не наше:
Пусть величают нашу тень,
Наш голый остов отрывают,
По воле ветреной мечты
Дают ему лицо, черты
И призрак славой называют!

Поэт

Нет, друг мой! славы не брани.
Душа сроднилася с мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мне сладко верить, что со мною
Не всё, не всё погибнет вдруг
И что́ уста мои вещали —
Веселья мимолетный звук,
Напев задумчивой печали, —
Еще напомнит обо мне,
И смелый стих не раз встревожит
Ум пылкий юноши во сне,
И старец со слезой, быть может,
Труды нелживые прочтет —
Он в них души печать найдет
И молвит слово состраданья:
«Как я люблю его созданья!
Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились
И мысли полные носились
На легких крылиях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!»

Сбылись пророчества поэта,
И друг в слезах с началом лета
Его могилу посетил.
Как знал он жизнь! как мало жил!

1827

* * *

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выспренних уроков,
С глаголом неба на земле.

Март (?) 1827

СТИХИ ИЗ ВОДЕВИЛЯ
„FÊTE IMPROMPTU"

Scène 1

M-r Adolphe
(seul se promenant le long de la chambre et murmurant des vers)

Oui, oui, je fus épris de toi, charmante Laure.
Et, comme en un ciel pur un brillant météore,
Tu guidas mon esprit au gré de ton désir
Des forêts du Brésil aux champs[1] de Kaschemyr.

Ce que c'est que de tomber sur une rime heureuse; elle vous fait de suite naître une pensée. (Il répète les mêmes vers.)

1825

Перевод:

СТИХИ ИЗ ВОДЕВИЛЯ
«НЕОЖИДАННЫЙ ПРАЗДНИК»

Явление 1

Адольф
(один, прохаживаясь взад и вперед по комнате и бормоча стихи)

Да, да, Лаура милая, я был тобой пленен.
Как яркий метеор скользит за небосклон,
Так ты вела мой дух по всем дорогам мира —
От чащ Бразилии к долинам Кашемира...

Вот что значит напасть на удачную рифму; она в вас затем порождает мысль. (Повторяет те же стихи.)

---

[1] Aux plaines.

СТИХОТВОРЕНИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

А. А. Дельвиг

НА СМЕРТЬ В<ЕНЕВИТИНО>ВА

Дева

Юноша милый! на миг ты в наши игры вмешался!
Розе подобный красой, как Филомела ты пел,
Сколько любовь потеряла в тебе поцелуев и песен,
Сколько желаний и ласк новых, прекрасных, как ты!

Роза

Дева, не плачь! я на прахе его в красоте расцветаю.
Сладость он жизни вкусив, горечь оставил другим;
Ах! и любовь бы изменою душу певца отравила!
Счастлив, кто прожил, как он, век соловьиный и мой!

Март 1827

В. И. Туманский

В ПАМЯТЬ ВЕНЕВИТИНОВА

Блеснул на миг один, как луч прелестный мая,
Пропел он миг, как майский соловей,
И, ни любви, ни славе не внимая,
Он воспарил в страну мечты своей.
Не плачь о нем, заветный друг поэта!
Вне жизни, он из мира не исчез;

Он будет луч божественного света,
Он будет звук гармонии небес.

Благословим без малодушных слез
Его полет в страну эфира,
Где вечна мысль, где воздух слит из роз
И вечной жизнью дышит лира!
Друзья! он там как бы в семье родной,
Там ангелы его целуют,
Его поят небесною струей
И милым братом именуют.

1827

И. И. Дмитриев

ЭПИТАФИЯ

Природа вновь цветет и роза негой дышит!
Где ж юный наш певец? Увы! — под сей доской.
А старость дряхлая дрожащею рукой
Ему надгробье пишет!

1827

А. С. Хомяков

НА НОВЫЙ 1828-й ГОД

Пробил полночи час туманный,
Сын времени свершил свой ход,
И вот в приют мой, гость незваный,
Спустился тихо новый год.
Слетая в мир, он ждал привета
И света плеском встречен был.
Но что же? стройный глас поэта
Его доселе не освятил?
И он с улыбкою лукавой
«Чего ты просишь? — мне сказал. —
Я подружу тебя со славой,
Дам кучу злата!» Я молчал.

«Я утолю твои печали, —
Шепнул он с ласковым лицом, —
И сердца грустные скрижали
Забвенья смою я ручьем.
Ты вспомнишь прежние утраты,
Как помнят сон с восходом дня,
И вновь, надеждами богатый,
Полюбишь жизнь!» — «Оставь меня.
Ты слышишь: там рукоплесканья,
Веселье, шумные пиры;
Поди там сыпать обещанья,
Там расточай свои дары.
Давно ль, когда твой брат коварный
Мне те же речи говорил,
Я жертвой песни благодарной
Его приход благословил?
И что ж? — Питомец вдохновенья,
Мой друг, мой брат был взят землей,
И чистый гений песнопенья
Любимый храм покинул свой.
Но многих горесть утолится,
Ты многим счастье можешь дать;
Но что в груди певца таится,
Того не в силах ты отнять.
Не как другие дни проводит
Душа, любимица мечты:
В ней, как в воде, резец проходит;
Как в камне, вечны в ней черты».

1828

А. И. Одоевский

УМИРАЮЩИЙ ХУДОЖНИК

(На смерть Д. В. Веневитинова)

Все впечатленья в звук и цвет
И слово стройное теснились;
И музы юношей гордились
И говорили: «Он поэт!..»

Но нет, — едва лучи денницы
Моей коснулися зеницы —
И свет во взорах потемнел;
Плод жизни свеян недоспелый!
Нет! Снов небесных кистью смелой
Одушевить я не успел;
Глас песни, мною недопетой,
Не дозвучит в земных струнах,
И я — в нетление одетый —
Ее дослышу в небесах.
Но на земле, где в чистый пламень
Огня души я не излил,
Я умер весь... И грубый камень,
Обычный кров немых могил,
На череп мой остывший ляжет
И соплеменнику не скажет,
Что рано выпала из рук
Едва настроенная лира,
И не успел я в стройный звук
Излить красу и стройность мира.

1828

П. Г. Ободовский

НА КОНЧИНУ ВЕНЕВИТИНОВА

Утри слезу, мой друг, я с небом примирен:
Земной ярем ниспал с моих рамен,
К лучам нетленныя денницы
На крыльях светлых голубицы,
В полете цепи сокруша,
Парит бессмертная душа.
Прости! — вещал певец, в болезненном шептаньи,
Из сердца вырвалось о матери стенанье.
На трепетных устах дрожащий замер глас,
И в голубых очах последний луч погас...
Не плачь о нем, о друг, навек осиротелый,
Завиден юноши прекрасного удел.
От бренныя земли, как лебедь снего-белый,

Стремился в жизни он в таинственный предел.
И, песнью звучною кончину предвещая,
На сетующий мир воззрел с улыбкой он,
И — жертва чистая — в лучах родного края
Как лебедь улетел твой кроткий Агатон.

1829

М. Н. Лихонин

РАЗГОВОР НА ГРОБЕ ПОЭТА

Посетитель

Веди меня, честной отец,
На гроб священный, где певец
Уснул так рано вечным сном.

Пустынник

Но говорите вы о ком?

Посетитель

Где В<еневитино>ва гроб?

Пустынник

Ну, как не знать? да, вот сугроб...
Идти не беспокойно ль вам?
Не привыкать уж, грешным, нам...
Ходить по снегу не впервой,
Вон за решеткою простой
Весь снегом занесенный камень.

Посетитель

И не горит священный пламень
На гробе том, где ты сокрыт,
Любимец девственных харит!

Пустынник

Ведь схоронен он здесь недавно,
Нам матушка его исправно
Гостинцы возит, дай бог ей!
Нас помнит милостью своей,

Какая ж добрая, ей-богу...
Ну что прочистить бы дорогу,
Пройти нельзя — ленивцы всё,
Житье в монастыре, житье!

Посетитель

Поэт! Твое прекрасно ложе,
Но в темной храмине своей
Ты не окован; мавзолей
Не бременит священный прах,
Эфирным телом облеченный;
Он уж давно на небесах...

1829

З. А. Волконская

‹НА СМЕРТЬ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА›

L'artiste a posé son ciseau.
A son talent il rend hommage.
„Je suis content. Oui, mon travail est beau,
Le style, et la forme, et l'ouvrage,
Tout en est pur, tout en est sage,
Tout le rend digne des dieux!“
Il dit, saisit le vase et vole au sanctuaire
Du dieu qui répend la lumière;
Il le consacre... Et le fils de Latonne
Sourit à ce don précieux.
La foule accourt, elle admire, s'etonne;
Chacun vient y verser des présens ou des voeux.
L'enfance, y place ses jeux,
Et le plaisir l'effleure de son aile;
La rêverie à l'oeil couvert et long
Y pose son voile fidèle,
Et le génie y jette une ètincelle
Du feu qui sort de son front.
Il est rempli... La mort s'avance,
Elle approche... Tout fuit, hors du temple
on s'élance

Et la mort agite sa faulx,
Elle frappe au hasard, elle brise, elle écrase...
Tout est détruit... Et les dons et le vase
Reposent parmi les tombeaux.

Конец 1820-х годов (?)

Перевод:

Сложил художник свой резец.
«Доволен я! — гордясь своим произведеньем,
В восторге говорит творец. —
Всё чисто в нем, совершено с уменьем:
И стиль, и форма... всё! Достойным приношеньем
Возможно мне почтить богов! ..»
Схватив фиал, он к храму поспешает,
Свое созданье посвящает,
И бог, почтенный им, склоняется с приветом
Над жертвой дорогой, плодом его трудов.
Идет во храм толпа, любуется предметом
Искусства и в него кладет свои дары:
Утехи чистые младенческой поры
И звонкий смех забав и наслаждений.
Мечта в него вперяет долгий взгляд
Из-под тумана сновидений;
Лучи того огня, которым светит гений,
На нем искрятся и горят...
Но всё исполнено, и грозными шагами
Смерть близится, стучащая костями.
И перед ней со страхом всё бежит.
Пустеет храм... Безжалостной косою
Всё разрушается — и, жертвою святою
Наполненный, фиал могилою сокрыт.

А. В. Кольцов

ВЗДОХ НА МОГИЛЕ ВЕНЕВИТИНОВА

Какие думы в глубине
Его души таились, зрели?
Когда б они сказалися вполне,
Кого б мы в нем, друзья, узрели?
Но он, наш северный поэт,
Как юный лебедь величавый,
Средь волн, тоскуя, песню славы
Едва начал — и стих средь юных лет!

30 октября 1830

М. Ю. Лермонтов

ЭПИТАФИЯ

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

1830

М. Д. Деларю

МОГИЛА ПОЭТА

(Посвящается памяти В<еневитинов>а)

Путник, узнай: здесь лежит аонид вдохновенный питомец!
Грудь молодую певца огонь вдохновения сжег.
Путник! Бессмертные дорого ценят небес достоянье!
Тяжко страдал Промефей, хищник святого огня!

<1831>

Трилунный
(Д. Ю. Струйский)

Поэт! и я цветок надгробный
На ранний гроб твой принесу;
Твоей души святой, незлобной
Я понял тихую красу;
От любопытных наблюдений,
Как луч небесный, ускользнул
Твой кроткий, твой бесстрастный гений
. . . .
Как в улье неповитый рой,
Твои мечты в тебе звучали,
И взор небесно-голубой
Сиял, как ангел без печали.
Так Волга, добрая река,[1]
Тиха, светла и глубока.
А я... я признаком бессилья
Твое спокойствие почел.
Но ты в гнезде скрывал, орел,
Неоперившиеся крылья:
Твой миг настал — ты к небесам —
И я орла увидел там!..

<1831>

А. П—й

В ПАМЯТЬ ВЕНЕВИТИНОВУ

Чудесный жребий песнопенья
Младую жизнь его венчал,
И дольней жизни огорченья
Небесным светом прояснял.

---

[1] Думаю, сие прилагательное прилично Волге — живительному источнику русской промышленности. Если бы жизнь Веневитинова не пресеклась в ранней весне своей, но, подобно Волге, протекло его литературное поприще и потом уже слилось с Океаном Вечности — сколько бы прекрасных плодов принесла она русской литературе. *Соч<инитель>*.

Любил он чары вдохновенья,
Его лелеял чудный сон,
И светлые его виденья
Невинны были — как и он.
Объят невольною тоскою
Под сенью кипарисных древ,
Как часто там ночной порою
Он слушал соловья напев.
Там он мечтал, как вдохновенный,
И слышен был невнятный стон...
Его мечты не стоит он,
Сей свет, развратом упоенный.
Ах, рано времени рука
В нем прояснила ум игривый;
С тех пор невольная тоска
Терзала дух самолюбивый,
И он угас в своей весне!..
Его сманил незримый гений
Толпой приветливых видений
К своей надзвездной вышине.
На землю брошенный судьбою,
Он музе жизнь свою дарил
И непритворною мечтою
Венец бессмертия купил...
У рощи, где его гробница,
Я видел утренней порой
Поет пернатая певица,
И плачет друг его младой.

<1836>

А. П. Баласогло

‹ОТРЫВОК›

Где Веневитинов? — угрюмец,
Философ жизни в двадцать лет,
Он, сирый в мире вольнодумец,
Осиротивший мир и свет!

8 февраля 1840

Н. М. Языков

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА
⟨ОТРЫВОК⟩

Скачков

Кубенской был решительно поэт,
Каких еще не много мы видали:
Умен, учен и двадцати трех лет,
Он понял жизнь, на мир глядел глубоко.
Великое и доброе постиг,
Трудолюбив, прочел он груды книг,
Знал языки; стоял бы он высоко
В словесности. Ах, братцы, жаль его!
Нежданная, ужасная утрата!
Мы все его любили так, как брата,
Как гения, поэта своего!
И вдруг он умер. Помню очень ясно,
Как вместе мы встречали Новый год,
Все вместе у Кубенского. Прекрасный
Тогда был пир! И новый настает,
А лучший друг к своим уж не придет!..

Хворов

Прилично было бы в его поминовенье
Всем по стакану. Выпьем же, друзья!

Пьют.

Скачков

Кубенской был нам честь и прославленье,
Роскошный цвет привольного житья,
Он сочетал в себе познанье света
С ученостью, свободу юных дней
И верный взгляд на жизнь и на людей
С веселостью и пылкостью поэта;
Был чист душой, да встретит радость там...
Хвала ему и мир его костям!

Встают и чокаются.

Власьев

Чтобы у нас об нем воспоминанье
Хранилось свято, сладостное нам!

Дрянской

И каждый год такое ж возлиянье
Свершать по нем.

Хворов

И чаще я готов.

Дрянской

Как молод был и был всегда здоров,
И вдруг он умер!

Хворов

Бренное созданье!
Каков бы ни был человек, наш брат!

Дрянской

И то сказать, он сам же виноват:
Он странен был, зачем он не жил с нами,
У нас, в Москве? Погнался за чинами,
Переменил род жизни и климáт,
Стал день и ночь работать через силу
И заболел, взял отпуск, и скорей
В тамбовскую деревню — там в могилу
При помощи уездных лекарей.

Хворов

Не помню, кто... нет, помню, точно, Тленской
Мне сказывал, что он письмо читал
И шесть стихов, которые Кубенской
Перед своею смертью написал
Какой-то тетке...

Власьев

Я прошедшим летом
Не раз ему говаривал: зачем
Москву и нас бросаешь ты совсем?
Останься здесь, займись своим предметом;
Перед тобой великий мир души;
Работай в нем на воле, будь поэтом
Возвышенным и драму напиши!

Он пренебрег тогда моим советом;
Он был упрям.

Дрянской

Он Гегеля не знал
И не любил Кузеня...

Скачков

А читал.

Хворов

И вообще был чрезвычайно странен,
Хотел служить...

1840

А. Е. Студитский

МОГИЛА ВЕНЕВИТИНОВА

Твой гроб меж чуждыми гробами
Едва знаком одним друзьям,
Поклонники к твоим костям
Не собираются толпами;
Никто не шел твоей стезей
В пустынях суетного света;
На зов души, на голос свой
Ты не нашел себе ответа.
С последним ропотом струны
Пред говорливою молвою
Сокрылась песнь твоя с тобою
Под кров могильной тишины.
Но не падет престол поэта;
На нем воссядет новый царь,
И простоит до смерти света
Тобой воздвигнутый алтарь.

1842

Д. П. Ознобишин

В ПАМЯТЬ О ДМИТРИИ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ВЕНЕВИТИНОВЕ

Нас всех собрала здесь утрата;
Десятки лет с тех пор прошли;
Но память милого собрата,
Певца мы память сберегли.
Кружок друзей его столь тесен:
Одни вдали, других уж нет!
Но вечен мир высоких песен
И с ними вечно жив поэт!
Сегодня церковь совершила
О нем молитвенный обряд...
Не всё ж с собой взяла могила!
Душа бессмертна... Вслух звучат
Для нас воздушной арфы струны,
Знакомый слышится нам глас,
И, мнится, сам он, свеж и юный,
Как бы присутствует средь нас!..
Смирим же скорбь и провиденье
За жизнь его благословим;
За то, что мы, хоть на мгновенье,
Могли порадоваться им!

15 марта 1867

Н. А. Некрасов

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ „РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ“

Я скоро в Москву прискакала
К сестре Зинаиде. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,
Исполненных грации нежной,

Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла».
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов — житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной...

1872

ПРИМЕЧАНИЯ

Несмотря на небольшой объем поэтического наследия Веневитинова, научное издание его сопряжено с рядом текстологических трудностей. Веневитинов-поэт, в сущности, стал известен читателям лишь после смерти, когда в 1829 г. его друзья и родственники издали большую часть написанных им стихотворений отдельной книгой, составившей первый том сочинений покойного писателя (второй том, объединивший прозу, вышел в свет в 1831 г.).

В издание 1829 г. вошло несколько стихотворений, которые Веневитинов успел опубликовать в журналах и альманахах, но основную часть книги составили произведения, впервые публиковавшиеся по рукописям.

Нам известны имена лиц, на долю которых выпала обязанность привести в порядок литературное наследие Веневитинова. Это — брат поэта Алексей Владимирович, М. П. Погодин, Н. М. Рожалин, В. П. Титов, В. Ф. Одоевский и др.[1] Надо думать, что усилиями этих лиц издание 1829 г. было подготовлено тщательно. Однако некоторые обстоятельства вынуждают отнестись к нему с известной осторожностью. Около половины стихотворений Веневитинова дошло до нас в автографах и авторизованных копиях. Между тем тексты этих рукописей далеко не всегда совпадают с изданием 1829 г. Ввиду отсутствия необходимых материалов вопрос о причинах несовпадения автографов и списков с печатным текстом остается нерешенным. Чьи это были поправки: поэта, многие автографы которого, разумеется, не дошли до нас, или, быть может, его друзей, владевших стихотворной техникой, — в настоящее время сказать невозможно. Разнообразными могли быть и мо-

---

[1] В. Л. Комарович на основании письма А. В. Веневитинова к Н. А. Муханову делает заключение о распределении работы по подготовке издания: «Подбор текста лежит на брате поэта; пересылаемый им из Москвы в Петербург материал фактически редактируется и сдается в цензуру Титовым, а для борьбы с цензурными затруднениями мобилизуется, в Петербурге же, дружеская протекция влиятельного Н. А. Муханова» (см. Д. В. Веневитинов. Стихотворения. Л., 1940, стр. 148). Следует при этом особо выделить функции Н. М. Рожалина, которым была подготовлена для издания 1829 г. значительная часть списков веневитиновских стихотворений.

тивы, по которым эти исправления производились. Значительную роль играли, без сомнения, соображения о цензурных препятствиях, в силу которых, например, были исключены строки из стихотворения «Новгород» и «К любителю музыки».

Поскольку авторитетность издания 1829 г. не может быть доказана из-за отсутствия необходимых документов, в основу настоящего сборника положен следующий принцип. Стихотворения, напечатанные самим Веневитиновым в журналах и альманахах, воспроизводятся по прижизненным публикациям. По автографам и авторизованным копиям печатаются стихотворения, не публиковавшиеся при жизни поэта. По изданию 1829 г. даются тексты, которые впервые напечатаны в нем, и рукописи которых до нас не дошли.

В издании 1829 г. многие стихотворения Веневитинова напечатаны под заглавиями, отсутствующими в автографах. В большинстве случаев эти заглавия, видимо, принадлежали самому поэту. Однако ввиду того, что полной уверенности в этом нет, приводим эти заглавия в угловых скобках. Издание 1829 г., до конца не разрешившее текстологической проблемы, все же явилось основополагающим для последующих изданий Веневитинова. Посмертное собрание сочинений было в точности воспроизведено изданием А. Ф. Смирдина (СПб., 1855), но подверглось пересмотру в издании А. П. Пятковского (СПб., 1862). Ссылаясь на неизвестные материалы, которые будто бы были им получены от родственников поэта, Пятковский внес ряд дополнений в биографию Веневитинова, против которых выступил племянник поэта, М. А. Веневитинов.[1] Особенно ценны поправки М. А. Веневитинова в текстах стихотворений поэта; на основании сохранившихся рукописей и, возможно, семейных преданий он во многих местах выправил и пополнил текст, в частности испорченный или сокращенный цензурой. Принадлежавший ему экземпляр издания 1862 г. сохранился до наших дней и находится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Некоторые поправки М. А. Веневитинова учтены в настоящем издании. В дальнейшем — на протяжении полустолетия — стихотворения Веневитинова издавались неоднократно, но научного значения они не имели.

Несколько изданий произведений Веневитинова вышло в советское время:

Д. В. Веневитинов. Полное собрание сочинений. Под редакцией и с примечаниями Б. В. Смиренского. Вступительная статья Д. Д. Благого. М.—Л., 1934.

Д. Веневитинов. С. Шевырев. А. Хомяков. Стихотворения. Статьи, редакция и примечания М. Аронсона и И. Сергиевского. Малая серия «Библиотеки поэта». Л., 1937.

Д. В. Веневитинов. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания В. Л. Комаровича. Большая серия «Библиотеки поэта». Л., 1940.[2]

---

[1] М. Веневитинов. К биографии Д. В. Веневитинова. — «Исторический вестник», 1881, № 8.

[2] В этом издании были использованы поправки М. А. Веневитинова на полях издания 1862 г.

Д. В. Веневитинов. Избранное. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Б. В. Смиренского. М., 1956.

Издание 1934 г. — самое обширное собрание произведений Веневитинова — объединило его стихи, прозу и эпистолярное наследие, значительная часть которого была опубликована впервые. Это издание было подготовлено в результате изучения большого количества рукописей и содержало обширный свод критических высказываний и воспоминаний о поэте, а также весьма обстоятельную библиографию. Однако в книгу были ошибочно включены стихотворения, Веневитинову не принадлежавшие, а в некоторых текстах произвольно соединены варианты разных списков.[1]

В издании 1940 г., свободном от этих ошибок, впервые был опубликован водевиль Веневитинова на французском языке, а при публикации стихотворений использованы замечания М. А. Веневитинова на полях собрания сочинений 1862 г. и его записи, хранящиеся в архиве Института русской литературы.

В последнем собрании сочинений поэта, уточнившем текст ряда стихотворений, были опубликованы неизвестные стихи Веневитинова (в частности, новонайденные фрагменты из поэмы «Евпраксия»). И все же вопрос о полном, точном и научно комментированном собрании стихотворений Веневитинова не может считаться до конца разрешенным.

Настоящее издание охватывает все поэтическое наследие Веневитинова. Не включены в него лишь черновые наброски незаконченного произведения, которые были недавно обнаружены нами в бумагах архива Веневитинова. Строки, написанные очень небрежно, не поддаются прочтению целиком. Неясно название и содержание отрывка, но несомненно, что он относится к числу ранних опытов поэта. Вот начало этого отрывка:

В чалме, с свинцовкой за спиной,
Шагал султан в степи глухой,
Нахмурив лоб, поджавши руки,
И на лисиц свистал от скуки.
В беспечной памяти, как тень,
Мелькал его вчерашний день...

Далее поэт передает мысли своего героя, который «начал думать сам с собой»:

Бывало, башни здесь стояли,
Бывало, люди не живали,
Как мы, в ущельях да горах...
Вино всегда лилось ручьями,
А нынче бродишь с пистолями,

---

[1] См. рецензии И. Сергиевского («Литературный критик», 1934, № 5), М. Аронсона («Звезда», 1934, № 8) и К. Богаевской («Новый мир», 1934, № 9).

В ночи не спишь, добычи ждешь,
А без нее домой придешь,
Так без насущного обеда...

Эта скромная находка свидетельствует о возможности открытия и других, более значительных, но пока неизвестных произведений поэта.

Ввиду сложности вопроса об установлении окончательного текста многих стихотворений Веневитинова в примечаниях к настоящему изданию, по сравнению с другими книгами «Библиотеки поэта», значительно расширен круг рукописных и печатных вариантов.

Все произведения Веневитинова располагаются в настоящем сборнике в единой хронологической последовательности (поэмы и переводы не выделяются). Следует, однако, отметить, что вопрос о датировке многих произведений весьма затруднителен, поскольку редакторы посмертного собрания стихотворений датировали лишь те произведения, которые были написаны до переезда Веневитинова в Петербург. И это понятно, так как петербургская пора творчества Веневитинова была менее известна его московским друзьям, указавшим для стихотворений петербургского периода общую дату: 1826—1827. Принимая в основном датировку издания 1829 г., мы в отдельных случаях уточняем ее. Даты первых публикаций приводятся в угловых скобках.

Ссылка на первую публикацию без дальнейших указаний на источник текста означает, что стихотворение печатается по этой публикации.

В заключение выражаю свою признательность К. П. Богаевской, советами которой я пользовался при работе над рукописными материалами.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

БЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел.
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел.
ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
Изд. 1829 г. — Сочинения Д. В. Веневитинова. Часть первая. Стихотворения. С краткой биографией. М., 1829.
Изд. 1862 г. — Полное собрание сочинений Д. В. Веневитинова. Под ред. А. П. Пятковского. СПб., 1862.
Изд. 1934 г. — Д. В. Веневитинов. Полное собрание сочинений. Под ред. и с примечаниями Б. В. Смиренского. Вступительная статья Д. Д. Благого. М.—Л., 1934.
Изд. 1940 г. — Д. В. Веневитинов. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания В. Л. Комаровича. Л., 1940.

Изд. 1956 г. — Д. В. Веневитинов. Избранное. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Б. В. Смиренского. М., 1956.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦММК — Центральный музей музыкальной культуры (Москва).

СТИХОТВОРЕНИЯ

К друзьям. Впервые — изд. 1829 г., стр. 1.

<Знамения перед смертью Цезаря>. Вольный перевод отрывка из поэмы «Георгики» (стихи 463—501) римского поэта Публия Вергилия Марона (70—19 до н. э.). Впервые — изд. 1829 г., стр. 3. В списке БЛ еще два стиха в конце:

Поборник родины Квирин и вы, о боги,
Блюдящие и Тибр, и царские чертоги...

Эти строки — начало незаконченного предложения; его конец у Вергилия: «Этому юноше, по крайней мере, не воспрещайте отвращать несчастье века» (юноша — Октавиан Август, впоследствии римский император, на которого возложены надежды, что он прекратит беспрестанные войны). Варианты списка:

ст. 2—3: С небесной высоты ты можешь проникать
До глубины сердец, где возрастают мщенья

Феб — (греч. миф.) — бог солнца. *Котькраты* — сколько раз. *Сонм* — множество, толпа. *Эридан* — мифологическое и поэтическое название реки По. *Стогна* — площадь, улица. *Вторицею* — вторично, вновь. *В полях Филипповых* и т. д. Здесь упоминаются две битвы, имевшие место во время междоусобных войн в древнем Риме. В 48 г. до н. э. в Фарсальской долине (сев. Греция) сражение между войсками Помпея и Цезаря закончилось победой последнего. В 42 г. до н. э. почти в том же районе, в битве при Филиппах (древний город во Фракии), республиканские войска Брута и Кассия потерпели поражение от войск второго триумвирата, возглавлявшихся Марком Антонием и Октавианом Августом. *Булат* — стальной клинок, меч. *Квирин* — имя бога войны у древних римлян, отождествленного впоследствии с Марсом; прозвище императора Августа.

К друзьям на Новый год. Впервые — изд. 1829 г., стр. 6. Датировка (1823), данная этим изданием, подтверждается карандашной пометкой М. А. Веневитинова на бывшем у него экземпляре изд. 1862 г. (см. о нем стр. 168). Обстоятельства написания неясны, так как ближайшие друзья поэта — А. И. Кошелев, В. Ф. Одоевский, А. С. Норов, которых поэт остерегает от «пет-

ропольских затей» — соблазнов светской жизни Петербурга, — переехали туда лишь в 1826 г. Возможно предположение, что замысел переезда возник у друзей Веневитинова в более ранние годы.

Веточка. Вольный перевод стихотворения французского поэта-элегика Жана Батиста Грессе (1709—1777) «En promenant vos reveries...» Впервые — изд. 1829 г., стр. 8. Последние четыре строки, раскрывающие смысл аллегории, отсутствуют у Грессе и дописаны Веневитиновым. Ранее это стихотворение было переведено В. Л. Пушкиным и Д. В. Давыдовым.

Освобождение скальда. Впервые — «Русская старина», 1914, № 4, стр. 120. В заметке, сопровождающей публикацию, Н. О. Лернер сообщил, что печатает поэму Веневитинова «с его подлинной рукописи, сохранившейся в бумагах его биографа и издателя его сочинений А. П. Пятковского, который пользовался материалами, переданными ему родственниками поэта» (стр. 126). На титульном листе автографа написано: «Освобождение скальда. Скандинавская повесть»; на 3-й странице: «Освобождение Эгила. Скандинавская повесть». Автор заметки без достаточной аргументации относит поэму к 1819—1820 гг., от которых до нас не дошло ни одно произведение Веневитинова. Вероятнее предположение, что поэма связана с «оссиановской» темой в поэзии Веневитинова, с его свободным переводом из Макферсона («Песнь Кольмы»), и относится к 1823—1824 гг. *Скальд* — древнескандинавский певец и поэт. *Длань* — рука. *Десница* — правая рука. *Багряница* — царская пурпуровая мантия, подбитая горностаем. *Денница* — утренняя заря, рассвет. *Аврора* (римск. миф.) — богиня утренней зари. *Перун* — здесь: молния. *Бард* — поэт и певец у древних кельтов. *Вереи* — крюки или дверные петли; столбы, на которые навешиваются створки ворот. *Борей* (греч. миф.) — северный ветер. *Булатна секира* — стальной топор. *Горний* — небесный. *Каледонцы* — жители Каледонии, т. е. Шотландии.

Евпраксия. Впервые первый и третий отрывки 1-ой песни и первый отрывок 2-ой песни — изд. 1829 г., стр. 10, под заглавием «Первый отрывок из неконченной поэмы» и «Второй отрывок из неконченной поэмы». Автограф этих «отрывков» — в БЛ. Более полный текст — изд. 1956 г., где ранее неизвестные стихи опубликованы по другому автографу БЛ. Эти стихи (от «И веет вкруг немых гробов» и до «Взгляни, как новое светило») включены между двумя частями «Первого отрывка»; они же продолжают и ранее опубликованный «Второй отрывок», но без редакторских пояснений о приемах объединения текста. В первом из этих автографов, начиная с 6-го стиха 2-ой песни, лист (второй) отрезан; на обороте этого листа, в оставшейся верхней части, написано лишь два стиха, которые в изд. 1956 г. оказались вмонтированными в текст как стихи 42—43:

Потупив очи голубые,
Сидела с ним рука с рукой.

В настоящем издании они приводятся лишь в примечании, так как их место в поэме неясно. Отрезав часть 2-ой песни, Веневитинов на следующем листе (третьем) снова начал ее, изменив первые два стиха для придачи им исторического колорита («дворец» заменен «теремом», «комната» «палатой»). В настоящем издании в текст включены стихи нового начала, а ранее написанные отнесены в варианты. В автографе 2-ой песни находятся стихи 25—28:

В нем сердце к радости остыло,
И пир ему теперь не мил.
Давно ль он с Евпраксией милой
Восторги юности делил?

Так как аналогичные стихи встречаются несколькими строками ниже, то поэт их вычеркнул, поставив однако восстановительные точки под первым из них, который и напечатан в изд. 1829 г. перед строкой точек, обозначающих авторский пропуск. Вследствие того, что эта строка вне всего четверостишия теряет свое значение, в настоящем издании она тоже устранена из основного текста. Сверх того в изд. 1956 г. есть неоговоренные перестановки. Иногда они обусловлены естественной последовательностью эпизодов поэмы и графическими признаками текста (отделением переносимых стихов от предшествующих квадратными скобками, написанными сбоку). Но одна перестановка вызывает возражение. В автографе отрывок, начинающийся: «Едва ж с костров волною черной» и кончающийся: «И лес со треском колебался», следует после другого отрывка, начинающегося: «Есть даже слух, что здесь славяне» и кончающегося: «И если верить старине» (см. второй отрывок первой песни). Между тем в изд. 1956 г. первый отрывок переставлен (помещен после ст. «В одежде новой облечен»), несмотря на то, что в тексте нет никаких пометок Веневитинова и что перестановка нарушает последовательность мыслей поэта, который говорит о том, что ликование божеств является следствием принесения им в жертву пленных. К тому же перестановка отрывает слово «сторон» от рифмующихся с ним «облечен» и «посвящен». Есть в этом отрывке и другие небольшие перестановки, которые не являются обоснованными и поэтому устранены в настоящем издании.

Другие первоначальные варианты.

Песнь первая.

ст. 33: Что всякий раз, как май рождался
после ст. 38: С дарами бедными в руках
ст. 66: Что будут брани или глад

Песнь вторая

ст. 1—2:	В дворце, средь комнаты огромной, С большими сводами, но темной
ст. 17:	Так вечер длится с тишиной
ст. 24:	И Федор без восторга пьет
ст. 32—33:	Бывало, он с супругой милой Веселье жизни разделял
ст. 56:	Защитник веры и свободы
ст. 76:	Оставил кров, где ты, счастливый
ст. 79:	Но он с пылающей душой
ст. 85:	Уже на берегу реки
ст. 148:	Волнам потока уступает

Содержание поэмы основано на рассказе Н. М. Карамзина о зарайском князе Федоре: «Князь Юрий, защищавший Рязань, послал к Батыю своего сына Федора с дарами. Узнав о красоте жены Федора Евпраксии, Батый потребовал отдать ее ему в наложницы, но юный князь отказал «злочестивому язычнику», и Батый приказал умертвить его. Узнав о гибели мужа и не дожидаясь позора, Евпраксия сбросилась с городской стены вместе с младенцем Иоанном» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 3. СПб., 1816, стр. 270). *Перун* — бог грома и молнии у древних славян. *Глад* — голод. *Длань* — рука, ладонь. *Батый* (ум. 1255) — монгольский хан, основатель Золотой Орды, в 1236 г. вторгшийся в русские земли; в 1237 г. взял Рязань. *Булат* — стальной клинок, меч. *Перси* — грудь. *Моголы* — здесь: то же, что монголы.

<Песнь Кольмы>. Вольный перевод отрывка из поэмы Оссиана «Кольма Донна». Впервые — изд. 1829 г., стр. 14. Печ. по автографу БЛ с исправлением описки в ст. 41 («Мы, мы враги, Сальгар, с тобою») по изд. 1829 г. Это исправление соответствует содержанию стихотворения и подкрепляется его литературным источником (см. ниже). Первоначальный вариант ст. 20 автографа: «Сложил свой рог и лук мог<учий>». Варианты изд. 1829 г.:

ст. 3:	Вокруг меня стихий война
ст. 20:	Сложивши с плеч свой лук могучий
ст. 24:	Лежит на мураве сырой.
ст. 25:	Иль ждет он на горе пустынной
ст. 37:	И для тебя мой кров родимый

Поэмы Оссиана, основанные на шотландских народных песнях и преданиях, были написаны их издателем — английским поэтом и филологом Д. Макферсоном (1760) и приписаны мифическому барду III в. Оссиану. Их перевод на французский язык пользовался большой популярностью; он был известен и Веневитинову. В 1772 г. поэмы были переведены с французского на русский язык Е. Костровым; в 1818 г. появилось второе издание их. Приводится

отрывок из текста по этому изданию, соответствующий строкам 32—48 стихотворения Веневитинова: «Для чего, верный мой Сальгар, несмотря на свое обещание, ты долго медлишь? Для тебя оставила я своего брата, для тебя убегла от своего отца! Давно уже мое и твое племя враждуют между собою, но ты, любезный мой Сальгар! *мы с тобою не враги друг другу...*» (Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Гальские стихотворения. Переведены с французского Е. Костровым. Ч. 1. СПб., 1818, стр. 240—241. Курсивом выделены слова, обнаруживающие ошибку в автографе Веневитинова). Та же поэма была в 1814 г. переведена А. С. Пушкиным («Кольма»), но с пропуском эпизода, лежащего в основе стихотворения Веневитинова. *Перун* — здесь: гром.

Любимый цвет. Впервые — альм. «Северная лира на 1827 год», стр. 425. Автограф — в ГИМ. Вариант ст. 30 автографа: «Улыбкой нежною, прелестной». Вариант последнего стиха изд. 1829 г.: «То цвет денницы молодой». Написано ко дню рождения сестры поэта Софьи. *Горняя* — небесная. *Вежды* — веки. *Денница* — утренняя заря. *Ланиты* — щеки.

<К С<карятину> при посылке ему водевиля>. Впервые — изд. 1829 г., стр. 16. Автограф без заглавия — в БЛ. В автографе над ст. 38 карандашные пометки: «Нашел себе приют» (зачеркн.), «Сыскал себе приют» (сбоку). Первоначальные варианты автографа:

ст. 21: То мчится к радуге, завидя [свод] цвет небесный
ст. 23: К высоким мыслям жар. Нет, он в душе таится
ст. 29: Пусть это сон! Меня надежда утеш<ает>
ст. 45—48: Ты хочешь дни считать делами громкой славы,
Иди! Но в стане жизнь, воинские забавы —
Всё будет ново для тебя,
Как сна нежданные картины
ст. 52—53: В часы свободы и мученья,
Когда при шпорах и усах
ст. 54—62: Сберутся вкруг тебя с стаканами в руках,
Стремясь душою к тишине,
Ты вспомнишь, может быть, невольно обо мне
И, чуждый шумных сих веселий,
Взглянув нечаянно на этот список мой,
Промолвишь про себя: Мы некогда умели
Пристойность сочетать с забавой и игрой.

Вариант ст. 55 в изд. 1929 г.: «И громко зазвучат бокалы круговые». *Скарятин* Федор Яковлевич (1806—1835) — друг Веневитинова, художник, декабрист; служил в Нарвском драгунском полку. Впоследствии, в 1832 г., основал в Москве натурный класс, из которого в 1834 г. образовалось Московское училище живописи и ваяния. Веневитинов встречался с ним не только в Москве, но

и в Петербурге. В одном из писем Веневитинов сообщал, что Скарятин собирался «сделать рисунок, очень точный» его комнаты (см. изд. 1934 г., стр. 330). К рисунку Скарятина, изображающему Уранию, Веневитинов написал стихотворение «К изображению Урании» (см. стр. 113). *Водевиль* — французский водевиль Веневитинова «Fête impromptu» («Нежданный праздник»); напечатан в изд. 1940 г. *Пиэриды* (греч. миф.) — музы. *Беллона* (римск. миф.) — богиня войны. *Альбион* — Англия.

<Сонет> («К тебе, о чистый Дух, источник вдохновенья...»). Впервые — изд. 1829 г., стр. 16. Автограф — в БЛ. В автографе стихотворение помещено над списком эпиграммы Пушкина на М. Т. Каченовского «Охотник до журнальной драки...» (1824). На обороте — прошение А. Н. Веневитиновой (матери поэта) в опеку, написанное в сентябре 1824 г. Но это не дает все же оснований датировать стихотворение 1824 г. В изд. 1829 г. дата: 1825. В автографе БЛ ошибочно: «Она затеряна в сей доле заточенья». Первоначальные варианты автографа:

ст. 7: Я лишь игралище минуты быстротечной
ст. 9: Греми, не умолкай, греми ужасным громом
ст. 12—14: Природа с трепетом во мрак повергласъ вновь.
Греми! Пусть с верою надежда и любовь
Зовут его и средь развалин мира

Юдоль — жизнь с ее заботами и печалями.

<Сонет> («Спокойно дни мои цвели в долине жизни...»). Впервые — изд. 1829 г., стр. 20. Автограф — в БЛ. Первоначальные варианты:

ст. 1: Прелестно дни мои цвели в долине жизни
ст. 5: Но скоро пламень чувств, душевные порывы

В автографе в конце приписка: «NB. «Спокойно» есть ложное выражение для певца, столь исполненного страсти, что его пламенные порывы не могут сравниться ни с свирепостью разъяренных волн, ни с треском грома, ни с завываниями бури». Приписка сделана неизвестным почерком и является чьим-то возражением (из круга друзей поэта) на стихотворение. В изд. 1829 г. стихотворение не датировано, но помещено среди группы произведений 1825 г.

<Четыре отрывка из неоконченного пролога «Смерть Байрона»>. Впервые — изд. 1829 г., стр. 22, с примечанием: «План сего пролога неизвестен». Рукопись БЛ в большей своей части является списком Н. М. Рожалина; рукою Веневитинова на отдельном листочке написан лишь диалог вождя греков и Байрона. Этот отрывок печатается по автографу. Вариант изд. 1829 г.: ст. 9: «Да! Смерть сладка, когда цвет жизни». Первоначальные варианты автографа:

ст. 15: Я помню берег Тенедоса
ст. 17: В спокойной пристани ночуя

Байрон принимал участие в борьбе Греции за независимость; умер 23 апреля 1824 г. в Миссолонги от лихорадки. Его смерть была воспета многими знаменитыми поэтами всего мира, в России — Пушкиным, Рылеевым, Кюхельбекером и другими. *Полуденный* — южный. *Хио* — остров Хиос в Эгейском море у берегов Малой Азии. *Архипелаг* — старое название Эгейского моря. *И месяцы сверкают на белых парусах.* Полумесяц — символ магометанства. *Коран* — религиозная книга мусульман. *Перун* — см. стр. 175. *Эвр* — (греч. миф.) — юго-восточный ветер. *Альбион* — Англия. *И в жертву падшему герою Луну поблекшую принесть* — т. е. разбить Турцию.

Песнь грека. Впервые — альм. «Северные цветы на 1827 год», стр. 292.

Явная типографская погрешность в ст. 20 исправлена по изд. 1829 г. Вариант ст. 5 этого издания: «Но турок злые ополченья». *Оратай* — пахарь, земледелец.

К. И. Герке. Впервые — изд. 1829 г., стр. 33. Датируется на том же основании, что и сонет «Спокойно дни мои цвели...» (см. стр. 176). *Герке* Кристиан Иванович — гувернер Веневитинова, оставшийся в дружеских отношениях со своим воспитанником и в дальнейшем. *Вернер* Захария (1768—1823) — немецкий писатель-романтик, автор исторической драмы «Мартин Лютер, или Освещение силы» (1807). 5-я и 6-я строфы стихотворения относятся к первой сцене 5-го акта этой пьесы: стихи 17—20 сжато пересказывают обширную ремарку немецкого поэта, изображающую отпевание в церкви августинского монастыря девятилетней девочки; стихи 21—24 в общих чертах передают содержание песни, которую поют девушки возле гроба умершей. *Ланиты* — щеки.

Послание к Р<ожали>ну («Я молод, друг мой, в цвете лет...»). Впервые — изд. 1829 г., стр. 49. Рукопись БЛ является списком Н. М. Рожалина; хотя она, судя по пометам в конце страниц, была представлена в цензурный комитет, в тексте имеются ошибки. *Рожалин* Николай Михайлович (1805—1834) — друг Веневитинова, знаток экономических проблем, античной поэзии и современной философии, впоследствии автор ряда работ по древнеиндийской литературе, о творчестве Гёте и др.

Песня Клары. Перевод песни из 1-го действия трагедии Гёте «Эгмонт». Впервые — альм. «Денница», 1830, стр. 64. Веневитинов перевел три сцены из «Эгмонта». По свидетельству М. П. Погодина, работа над переводом относится к середине 1826 г. (изд. 1934 г., стр. 372, 376).

К Пушкину. Впервые — изд. 1829 г., стр. 64. Стихотворение написано в сентябре или октябре 1826 г., когда Пушкин, вернувшись из ссылки, сблизился с кружком «любомудров» и дал согласие участвовать в их журнале «Московский вестник», где впоследствии (1828, № 5) и была напечатана его «Сцена из Фауста». *Пророк свободы смелый* — Байрон, воспетый Пушкиным в стихотворении «К морю» (1824). *Другое имя завещал.* Имеется в виду Пушкин. *У муз похищенного галла.* Об Андре Шенье (1762—1794), французском поэте, именем которого Пушкин назвал одно из своих стихотворений 1825 г. *Камены* (римск. миф.) — музы, богини-покровительницы искусств и наук. *Наставник наш, наставник твой* — Гёте, высоко ценившийся не только «любомудрами», но и Пушкиным, интерес которого к творчеству немецкого поэта отразился в его «Сцене из Фауста» (1825).

Новгород. Впервые — изд. 1829 г., стр. 43, с подзаголовком: К. А. И. Т. (княжне А. И. Трубецкой) и пропуском стихов 34—37. Печ. по автографу БЛ. Некоторые авторские исправления в автографе явно продиктованы желанием сделать стихотворение приемлемым для цензуры. Эти стихи (9, 52, 55) печ. в первоначальном виде. Веневитинов заменил их следующими вариантами:

ст. 9: Отчизна славы и торговли
ст. 52: Когда твой голос, бич врагов
ст. 55: Как глас отца, сзывал сынов

Первоначальные варианты автографа:

ст. 8: Тебя ли вижу, древний град
ст. 11: Холмы из брошенных обломков
ст. 17: Тут поверни, так очень близко
ст. 27: «Как нет?» — «Где площадь? Недалеко
ст. 29: Мы там чрез несколько домов
Над ст. 29: Теперь мы прямо едем к ней
ст. 31: Здесь, говорят, висел когда-то
ст. 34: Безмолвствуй; сто<й>, здесь место свято
ст. 36: Потише! .. Нет! скорей, скорей
ст. 43: Так всё здесь живо, как и прежде
ст. 46: Ты облечен, как в седине
ст. 48—49: И вид твой в прахе горделивый
Мне говорит о старине

Вариант ст. 20 цензурного дела (кроме указанных выше замен, произведенных самим Веневитиновым в ст. 9, 52 и 55): «И крест на голубой главе» (см. «Литературный музеум», т. 1. Пг., 1921, стр. 21—23).
Варианты изд. 1829 г.:

ст. 9: Довольства, славы и торговли
ст. 11: Холмы рассеянных обломков
ст. 19: А там найдешь хоть сам собою

ст. 20: И крест на голубой главе
ст. 38: Где Волхов? — Он перед тобой
ст. 57: Карал Ливонию и Шведа

Непосредственным поводом к написанию стихотворения послужило посещение Веневитиновым Новгорода проездом из Москвы в Петербург. Веневитинов через Погодина переслал стихотворение А. И. Трубецкой. 30 декабря 1826 г. Погодин записал в дневник о выполнении этого поручения (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2. СПб., 1889, стр. 57 и 410). Желая напечатать стихотворение, поэт тревожился за его судьбу. 7 января 1827 г. он спрашивал М. П. Погодина: «Отнес ли ты мой «Новгород» <в цензуру> и как он был принят?» (изд. 1934 г., стр. 327). В том же январе он, по-видимому, отвечает на вопрос матери, возможно обеспокоенной слухами о характере стихотворения: «Мое стихотворение о Новгороде написано для печати. Я пришлю его на днях в том виде, в каком оно должно появиться в свет» (там же, стр. 336). В этом «виде», т. е. с изменениями ст. 9, 52 и 55, оно было представлено друзьями в цензуру. Однако 7 февраля 1828 г., уже после смерти Веневитинова, «Новгород» был запрещен. Это постановление основывалось на § 68 «Устава о цензуре» 1826 г., согласно которому «всякое сочинение или перевод, в котором прямо или косвенно порицается монархический образ правления, подвергается запрещению» (Ю. Оксман. Цензурные материалы о Д. В. Веневитинове. — «Литературный музеум», т. 1. Пг., 1921, стр. 344—345). Впрочем, несколько позже стихотворение удалось опубликовать в изд. 1829 г. — правда, с дополнительными искажениями. В 1853 г. «Новгород» вновь был подвергнут запрету в проектировавшемся собрании сочинений Веневитинова (изд. А. Ф. Смирдина), но через два года был разрешен к печати для этого издания. В изд. 1862 г. устранены искажения в ст. 9, 52 и 55. Экземпляр этого издания, принадлежавший М. А. Веневитинову, испещрен поправками владельца; племянник поэта, в частности, вставил вычеркнутые цензурой строки (34—37). Вместе с тем он восстановил ст. 52 и 55 в том виде, какой поэт им придал из цензурных соображений (поправки М. А. Веневитинова в основном совпадают со списком «Новгорода» в цензурном деле). Первоначальные варианты этих строк были введены в основной текст произведения в изд. 1934 г. В изд. 1940 г. стихотворение напечатано по рукописи цензурного дела. В изд. 1956 г. в основу текста положен автограф БЛ, но не устранены вызванные цензурными соображениями поправки Веневитинова в ст. 9, 52, 55, о которых говорится во вступительной статье к этому изданию (стр. 17). *Трубецкая* Александра Ивановна — ученица М. П. Погодина, которой одно время был увлечен Веневитинов. *Карал и рыцарей, и шведа.* Речь идет о разгроме войск ливонских рыцарей и шведских феодалов новгородцами под водительством Александра Невского в XIII в.

К моей богине. Впервые — изд. 1829 г., стр. 81. В БЛ — список, а не автограф, как считалось до сих пор. В нем есть при-

писка на французском языке (опубликована впервые в «Голосе минувшего», 1914, № 5; стр. 312):
«Cette pièce est très imparfaite, je le sens moi-même; mais c'est une de ces productions auxquelles on ne touche pas deux fois. Elle est dédié à ma divinité, et cette dedicace n'est pas simplement poétique. La raison a son dieu, qu'elle cherche, qu'elle trouve et qu'elle admire; pourquoi le coeur n'aurait il pas sa réligion?» («Эта пьеса очень несовершенна, я сам это чувствую, но это одно из тех произведений, к которому нельзя прикоснуться дважды. Оно посвящено моему божеству, и это не только поэтическое посвящение. У разума свой бог, которого он ищет, которого он находит и которому он поклоняется; почему же у сердца не может быть своей религии?») При обсуждении стихотворения в цензурном комитете (31 января 1828 г.) было обращено внимание на строки: «И дани раболепной службы Носить кумиру суеты», но «поелику выражение в оном «раболепная служба» не могло относиться к службе государственной», стихотворение было разрешено к печати («Литературный музеум», т. 1. Пг., 1921, стр. 344—345). Стихотворение, как видно из его текста, написано в Петербурге — по-видимому, вскоре после переезда из Москвы.

Поэт. Впервые — «Московский вестник», 1827, № 5, стр. 3. Варианты изд. 1829 г.:

ст. 10: Бунтует ветреная младость
ст. 11: Безумный крик, холодный смех
ст. 14: На всё безмолвно он взирает
ст. 22: Его боязни, ожиданья

Это и следующее стихотворения упомянуты в письме Ф. С. Хомякова к А. С. Хомякову от 3 декабря 1826 г. как новые, неизвестные последнему произведения Веневитинова. Он пишет, что «Поэта», а может быть, и «Жизнь» А. С. Хомяков прочитает в «Московском вестнике» (изд. 1934 г., стр. 398).

Жизнь. Впервые — «Московский вестник», 1827, № 3, стр. 168. Автограф БЛ, впервые опубликованный в изд. 1956 г., стр. 242, представляет собой другую, по всей вероятности раннюю редакцию:

Вначале жизнь как рай для нас,
Всё ново в ней, всё занимает
И, как причудливый рассказ,
Воображать нас заставляет.
Кой-что страшит издалека,
Но в этом страхе наслажденье:
Он греет в нас воображенье,
Как о волшебном приключеньи
Ночная повесть старика.

Но перестанет блеск игривый!
Мы привыкаем к чудесам —
Потом на всё глядим уныло,
Потом и жизнь постыла нам:
Ее загадка и развязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка
Усталому пред часом сна.

В письме к брату от 3 декабря 1826 г. Ф. С. Хомяков охарактеризовал стихотворение как вариацию на слова Шекспира из третьего акта «Короля Иоанна»: «Жизнь скучна, как сказка, дважды рассказанная засыпающему» (изд. 1934 г., стр. 398).

Домовой. Впервые — изд. 1829 г., стр. 62. Автограф — БЛ. На обороте автографа надпись «О Alexis» — обращение к брату, по-видимому с напоминанием «не показывать этой пьески в дамском обществе» (изд. 1862 г., стр. 23). Стихотворение было послано «к святкам», чем определяется время написания.

Моя молитва. Впервые — «Московский вестник», 1827, № 2, стр. 93. В изд. 1829 г. вариант ст. 22: «И луч тщеславья не просветит». В письме к Погодину от 19 декабря 1826 г. Веневитинов просил внести исправление в текст стихотворения, отправленного до этого для «Московского вестника» (изд. 1934 г., стр. 324). *Тать* — вор.

Послание к Р<ожали>ну («Оставь, о друг мой, ропот твой. . .»). Впервые — изд. 1829 г., стр. 49. В письме от 28 января 1827 г. Веневитинов разрешил напечатать стихотворение в «Московском вестнике»: «Послание мое к Рожалину печатайте, если хотите и как хотите». Это письмо, дошедшее до нас без обозначения адресата, было послано не С. А. Соболевскому или А. С. Норову, как указано в издании 1934 г. (стр. 496), а к С. П. Шевыреву, так как Веневитинов шутливо предлагает адресату: «Поцелуй сам себя за Разговор» (стр. 338). Имелся в виду «Разговор о возможности найти единый закон для изящного» — статья Шевырева, помещенная в «Московском вестнике» (1827, ч. 1, № 1). О том же свидетельствуют и другие фразы: «Присылай Валлен<штейнов> лагерь. Здесь пропустят, за это берусь» (изд. 1934 г., стр. 338). Перевод Шевырева сцены из шиллеровской трагедии «Валленштейн» был тоже напечатан в «Московском вестнике» (1828, ч. 9, № 12). О Рожалине см. стр. 177.

<Утешение>. Впервые — изд. 1829 г., стр. 69. Печ. по автографу БЛ. Первоначальные варианты автографа:

ст. 9: Немногие сей дивный дар
ст. 10: В удел от неба получают
ст. 32: Созреет плод тревоги тайной
ст. 36: И вырвется оно недаром

Варианты изд. 1829 г.:

ст. 6: Творящий луч, небесный пламень
ст. 9: Немногие сей дивный дар
ст. 34: отсутствует
ст. 39: А в ней пробудится пожаром

Промефей (Прометей) (греч. миф.) — титан, похитивший для людей огонь у богов; у древнегреческого трагика Эсхила и ряда последующих поэтов — символ богоборца, защитника человечества, просветителя людей. *Пигмалион* (греч. миф.) — легендарный скульптор, влюбившийся в созданную им прекрасную статую женщины; по просьбе Пигмалиона боги превратили ее в живую девушку, ставшую женой ваятеля.

Италия. Впервые — «Московский вестник», 1827, № 8, стр. 311. Автограф — БЛ. Варианты изд. 1829 г.:

ст. 4: Как я любил твой образ в светлом сне
ст. 18: Я вызову их тени из гробов.

Сонм — множество, толпа. *Тассо* Торквато (1544—1595) — итальянский поэт. *Полуденный* — южный.

Кинжал. Впервые — «День», 1913, № 219. Автограф — БЛ. При жизни поэта цензурным комитетом 21 января 1827 г. стихотворение, предназначавшееся для альманаха «Северные цветы», было запрещено, потому что «автор, представляя в оном человека, преднамеревающегося совершить самоубийство, заставляет его произносить совершенно ложные мысли об аде» («Литературный музеум», т. 1. Пг., 1921, стр. 343). В изд. 1940 г. после ст. 20 «по смыслу» вставлена строка «Оставь меня, забудь меня!», которой начинаются первая и вторая строфы стихотворения (см. изд. 1940 г., стр. 52 и 154). Однако в списке, представленном в цензуру, и в автографе она отсутствует: первая строка третьей, укороченной строфы является ее вариантом. В автографе обозначено заглавие стихотворения, но другим почерком. *Взгляни — вот где моя надежда.* О кинжале.

Три розы. Впервые — альм. «Северные цветы на 1827 год», стр. 229. В изд. 1829 г. и списке БЛ (Н. М. Рожалина) вариант ст. 10: «И если кто цветок сорвет». *Эдем* — рай. *Кашемир* — обширная долина в Индии. *Зефир* — приятный и мягкий ветер.

Три участи. Впервые — изд. 1829 г., стр. 60. Список — БЛ (Н. М. Рожалина). 28 января 1827 г. Веневитинов писал об этом стихотворении С. П. Шевыреву: «Я прилагаю здесь «Элегию» да «3 участи». Не знаю, не доставил ли Мальцев сей последней пьесы. Во всяком случае, если он и переписал ее, то, может быть, худо

разобрал мою черновую, и я посылаю вам исправную копию» (изд. 1934 г., стр. 338). Поэт не был убежден, что цензура пропустит стихотворение, и просил брата: «Попробуй отдать мои «Участи» в цензуру» (там же, стр. 342). По неизвестным причинам стихотворение в «Московском вестнике» не появилось. *Камена* — см. стр. 178.

Элегия («Волшебница! как сладко пела ты...»). Впервые — изд. 1829 г., стр. 79. В списке БЛ варианты ст. 10: «И цвет небес в очах нам привезла», ст. 14: «Он не горит любовью мирной, нежной» и первоначальный вариант ст. 17: «То стихнет вдруг, то снова закипит». Стихотворение обращено к З. А. Волконской (см. о ней во вступ. статье).

Завещание. Впервые — альм. «Северные цветы на 1829 год», стр. 73. Стихи 27—28 вызвали сомнение цензора, а стихи 17—19 и 25—28 в цензурном списке оказались отчеркнутыми карандашом («Литературный музеум», т. 1. Пг., 1921, стр. 344—345). Варианты изд. 1829 г.:

ст. 1: Вот глас последнего страданья
ст. 20: И всё позволено теперь
ст. 25: В раю лик ангелов святых
ст. 30: В ней тайный ропот исступленья
ст. 38: И будет жить как вечный дух
ст. 39: Без образов, без тьмы и света
ст. 40: Ты изменишь... Беда! С тех пор

В списке БЛ неизвестной рукой в ст. 38 слово «вечный» подчеркнуто. М. А. Веневитинов в своем экземпляре изд. 1862 г. сделал на полях ряд поправок, подчеркнув соответствующие слова в печатном тексте. Его варианты:

ст. 30: В ней темный ропот исступленья
ст. 49: Но я как червь не отпаду

Все или, во всяком случае, почти все стихотворения, под которыми в настоящем издании, за отсутствием точных данных, стоит дата «1826» или «1827», написаны после переезда в Петербург (октябрь 1826), то есть в последние месяцы жизни Веневитинова. Это было время исключительного творческого подъема поэта. Живший вместе с ним Ф. С. Хомяков сообщал брату, что Веневитинов все время «или пишет, или бормочет новые стихи» (изд. 1934 г. стр. 398). Сам поэт писал Погодину 19 декабря 1826 г.: «Я послал несколько стихотворных пьес Рожалину и еще буду посылать. Мне что-то всё грезится стихами. Если тебе некоторые понравятся, то не печатай их, не предупредив меня, потому что эти пьесы как-то все связаны между собою, и мне бы хотелось напечатать их в том же порядке, в котором они были написаны» (изд. 1934 г., стр. 325).

К моему перстню. Впервые — изд. 1829 г., стр. 56, без строки 29, которая впервые напечатана в изд. 1956 г., стр. 63. Автограф — в БЛ. Первоначальные карандашные варианты, впервые опубликованные в изд. 1956 г.:

ст. 3—4: И снова ты в пыли могильной
Найдешься, перстень верный мой
ст. 17: От милых сердцу заблуждений
ст. 20: И упованьем оживи
ст. 22: Оно отчаяньем заноет
ст. 24: Всё замыслит истребленье
ст. 32: Мой верный перстень не снимал
ст. 38: Что кто-то прах встревожит мой
ст. 43: И утешеньем будешь ей

Перстень, о котором идет речь в стихотворении, был подарен Веневитинову З. А. Волконской перед его отъездом из Москвы в октябре 1826 г. По преданию, перстень этот был найден во время раскопок в Геркулануме.

К любителю музыки. Впервые — изд. 1829 г., стр. 67, с цензурным пропуском стихов 15—22. Полностью — в газ. «День», 1913 г., № 219, где опубликовано по списку М. А. Веневитинова. (Пропуск этих стихов отмечен соответствующим значком в экземпляре изд. 1862 г., принадлежавшем М. А. Веневитинову, но самые стихи не вписаны.) Печ. по автографу БЛ. Первоначальные варианты автографа:

ст. 8: Горит в душевной глубине
ст. 16: Святую радость поняла
ст. 20: И бури гибельных страстей

Вариант в изд. 1829 г. ст. 28: «Ты б втайне слезы проливал». В изд. 1862 г. М. А. Веневитиновым слово «втайне» исправлено на «тайно».

<Жертвоприношение>. Впервые — «Московский вестник», 1827, № 6, стр. 119. Печ. по автографу БЛ. Первоначальные варианты автографа:

ст. 1: О жизнь, жестокая Сирена
ст. 5: Ты песни радости... <не оконч.>
ст. 11: Не привлекай моих очей
ст. 12 а: Твоим коварным привиденьем
б: Каким-то мрачным привиденьем
ст. 13: Нет, я тебе не обречен (перенесено в ст. 16)
ст. 20—21: С ланит моих ты можешь смыть
То, что на них излила младость

Варианты «Московского вестника» и изд. 1829 г.:

ст. 6: Ты песни радости поешь
ст. 8: И в песнях радости — всё ложь
ст. 13: отсутствует.
ст. 16: И не тебе я обречен
ст. 20: Ланиты бледностью покрыть
ст. 21—22: переставлены

В журнале к изд. 1829 г. в последней строке — не «богине», а «богини» (по-видимому, опечатка). Стихотворный ответ на «Жертвоприношение», принадлежащий неизвестному автору, был напечатан в «Дамском журнале» (1827, № 7, стр. 58). *Сирена* (греч. миф.) — морское существо, полуптица-полуженщина, своим волшебным пением увлекавшая моряков в опасные, гибельные для них места; в переносном смысле — красивая, обольстительная, но бездушная женщина. *Длань* — рука. *Ланита* — щека.

К изображению Урании. Впервые — 1829 г., стр. 73, с подзаголовком «(В альбум)». Печ. по автографу в нотной тетради В. Ф. Одоевского (ЦММК; обнаружен Б. Б. Грановским). В тетради — рисунок Ф. Я. Скарятина с подписью: «Одоевского муза». Изображена сидящая муза астрономии Урания с пятью звездами над ней. Веневитинов раскрывает в стихах свое понимание рисунка.

Крылья жизни. Вольный перевод стихотворения французского поэта-элегика Шарля Мильвуа (1782—1816) «Plaisir et peine». Впервые — «Московский вестник», 1828, № 1, стр. 13, с примечанием редакции: «Это одна из пьес покойного Д. В. Веневитинова, которые скоро издадутся в полном собрании его сочинений». Печ. по автографу БЛ с восстановлением пропущенного в нем ст. 14 по «Московскому вестнику». Первоначальный вариант ст. 29: «И жизнь порожняя». Варианты «Московского вестника»:

ст. 12: Но скоро тягостна
ст. 25: Всё боле, более
ст. 31: Летит свободнее
ст. 37: На легких перышках

Более точный перевод этого стихотворения сделан поэтом-петрашевцем С. Ф. Дуровым («Библиотека для чтения», 1845, № 1, стр. 15). У Мильвуа несколько иное содержание, чем у Веневитинова: горе родилось в одной обители с радостью и долго странствовало вместе с ней; но ветреная радость наскучила горю, и оно решило идти по миру в одиночестве; однако, так как перед ним никто не раскрывал дверей, то оно снова соединилось с радостью, и теперь, «где радость явится, там ждите горести». Веневитинов ввел третий образ — жизни, сочетающей обе стороны человеческого бытия.

«Я чувствую, во мне горит...». Впервые — изд. 1829 г., стр. 84. Печ. по автографу БЛ. Первоначальные варианты автографа:

ст. 7: Где я найду утес надежный
ст. 17: Лови дары сей жизни дивной
ст. 22: Как сон туманный улетят
ст. 29: Я веру гласу прорицанья
ст. 39: Уныло вечер провожает

Вариант изд. 1829 г., ст. 41: «В румяном небе ясный день».

Земная участь художника. Перевод драматической поэмы Гёте «Künstlers Erdwallen» (1774). Впервые — изд. 1829 г., стр. 95. Авторизованный список второй половины 2-го действия (от слов «Тогда вы были помоложе») — в БЛ. Первоначальные варианты списка:

ст. 21: Пошла! Вот он! Ну, так возьми
ст. 22: В ином получше, а в другом похуже
ст. 34—35: Поверь! Лишь тот покою цену знает,
Кто пóтом и трудом его приобретает

Денница — утренняя заря. *Зеница* — зрачок, глаз. *Венера Урания* (римск. миф.) — богиня, олицетворяющая возвышенную, идеальную любовь.

Апофеоза художника. Перевод драматической поэмы Гёте «Künstlers Apotheose» (1788). Впервые — изд. 1829 г., стр. 102. Отсутствующие в изд. 1829 г. две строки в реплике продавца: «Но здесь не нужны украшенья. Взгляните: вот произведенье» — впервые напечатаны в изд. 1956 г., стр. 118, по авторизованному списку БЛ. По этому же списку в изд. 1956 г. исправлен стих «Природа книга не по нас» на «Природы книга не по нас». В списке — пропуск текста от ст.: «Ты бы хотел обнять в нем красоту» и до ст.: «Дороже стоит во сто крат» (всего 88 строк). Первоначальные варианты списка:
В монологе музы:

ст. 13: Здесь мудрый князь твой дар благословляет

В финальном монологе художника:

ст. 7: Когда она грустит в темнице дальной
ст. 12: Пусть хвалят все мои творенья
ст. 20: Когда я сытный стол с женой, с детьми делил

После ст. 33 следовали стихи:

Даруй ему довольство и покой!
Пусть дни его прольются тишиной!
Согрей его целебным упованьем!

ст. 40: Без яда горьких слез, без примеси страданья

Вариант изд. 1829 г.:

ст. 21—22 Там страстью все оживлено —
Здесь принуждение одно

Венера Урания — см. примечание к предыдущему стихотворению. *Зевес* (Зевс) (греч. миф.) — верховный бог, царь и отец богов и людей.

Отрывки из «Фауста»

1. Фауст и Вагнер (За́ городом). Перевод «Сцены за городом» (ст. 711—788 немецкого оригинала). Впервые — изд. 1829 г., стр. 119. Ст. 4 во втором монологе Вагнера, в который вкралась опечатка («И смертному в вражде неутомленной»), исправлен на основании списка БЛ. Этот и следующий отрывок упомянуты в письмах Веневитинова: «Из «Фауста» кое-что пришлю непременно» (к Соболевскому, 28 января 1827 г.); «К юбилею Гёте пришлю славные отрывки из «Фауста» (к брату, 14 февраля 1827 г.; см. изд. 1934 г., стр. 338 и 343). Отрывки были напечатаны в год 80-летия немецкого поэта, но не в журнале, как предполагал Веневитинов, а в посмертном издании его сочинений. *Полуденный* — южный. *Персть* — прах. *Порфира* — то же, что багряница (см. стр. 172).

2. Песнь Маргариты. Перевод отрывка из сцены 15-й — «Гретхен за прялкой» (ст. 3018—3050 немецкого оригинала). Впервые — там же, стр. 124. Автограф — в БЛ. Первоначальный вариант ст. 25: «И речь звончей».

3. Монолог Фаустов в пещере. Отрывок из 14-й сцены «Фауста» — «Лес и пещера» (ст. 2861—2894 немецкого оригинала). Впервые — «Московский вестник», 1827, № 1, стр. 11. Автограф — в БЛ. Первоначальные варианты автографа:

Заглавие: Монолог Фауста (Ночь. Пещера)

ст. 13: Созданья цепь — и что ж? Я узнаю
ст. 32: И с грозных скал, из сумрачного леса

Варианты изд. 1829 г.:

Заглавие: Монолог Фауста (Ночь. Пещера)

ст. 7—8: Дар чувствовать ее, дал силу наслажденья.
Иной едва скользит по ней
ст. 16: Когда завоет ветр в дубраве темной

ст. 18. И ели ближние ломаются, трещат
ст. 25: Души чудесные, но тайные виденья
ст. 44: Он в прах меня низринул предо мною
ст. 49: В желаньи к счастию и в счастии к желанью

Об этом переводе Веневитинов писал Н. М. Рожалину 19 декабря 1826 г.: «В первой книжке <«Московского вестника»> не советую помещать перевод «Фауста», надо выбрать что-нибудь получше» (изд. 1934 г., стр. 323).

На Новый 1827 год. Впервые — «Московский вестник», 1828, № 5, стр. 3, с датой: «Полночь на 1-е января». Написано у В. Ф. Одоевского во время встречи Нового года (см. письмо В. Ф. Одоевского к М. П. Погодину в кн.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 2, СПб., 1889, стр. 91). Автограф — в ГПБ (архив В. Ф. Одоевского).

Четверостишие. Впервые — Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2. СПб., 1889, стр. 77, в письме Веневитинова от 28 января 1827 г. Ст. 2 исправлен по автографу в изд. 1934 г., стр. 106. Эпиграмма на поэта Ивана Ивановича Дмитриева (1760—1837) — одного из виднейших представителей русского сентиментализма, соратника Карамзина. В 1826 г. вышла книга его апологов — переводных четырехстрочных басен. О престарелом Дмитриеве в том же письме Веневитинова сказано: «Дм<итриев> завистлив, и ему бы хотелось уронить хоть сколько-нибудь Пушкина. Молодых же людей он никогда не похвалит, всегда видя в них соперников». *Камена* — см. стр. 178.

Поэт и друг. Впервые — «Московский вестник», 1827, № 7, стр. 217. Варианты изд. 1829 г.:

ст. 25: И в грудь для пламенной любви
ст. 69: И сильный стих не раз встревожит

В «Московском вестнике» под стихотворением помещено сообщение редактора М. П. Погодина о смерти поэта: «Горькими слезами омочили мы сие стихотворение... Через неделю после отправления к нам из Петербурга «Элегии» он (на 22 году от роду) занемог нервическою горячкою, которая в восемь дней низвела его в могилу». Строка «Как знал он жизнь, как мало жил» — вырезана на могильной плите поэта.

«Люби питомца вдохновенья...». Впервые — изд. 1829 г., стр. 90, где опубликовано под данным редакторами издания заглавием «Последние стихи». Печ. с поправкой в ст. 6 по экземпляру изд. 1862 г., принадлежавшему М. А. Веневитинову (вместо «тайны» — «власти»). В списке БЛ в этой строке слово «власти» отмечено красным карандашом, быть может, цензора. *Глагол* — слово, речь.

Стихи из водевиля «Fête impromptu». Впервые — изд. 1940 г., стр. 101, где опубликован полный текст водевиля. Написан ко дню именин З. А. Волконской. Четверостишие, которым открывается произведение, переведено Т. В. Розановой. В четверостишии есть ряд намеков на произведения З. А. Волконской, вошедшие в ее книгу «Quatre nouvelles» («Четыре новеллы»), изданную в 1819 г. на французском языке. *Лаура* — героиня одноименной новеллы Волконской. *Чащи Бразилии.* Намек на другую новеллу — «Deux tribus du Brésil». *Долины Кашемира.* Намек на третью новеллу — «L'enfant de Kachemyr».

СТИХОТВОРЕНИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

Смерть Д. В. Веневитинова вызвала значительное число стихотворений, посвященных рано умершему поэту. Многочисленность этих откликов была обусловлена не только сочувственным отношением к творчеству Веневитинова, но и обаянием его личности. Этим объясняются частые упоминания в стихах о его духовном облике.

Знакомство с биографией поэта и его стихотворения о ранней смерти были поводом к тому, чтобы отмечать «предчувствие» Веневитинова, что соответствовало романтическим настроениям многих поэтов 20—30-х годов XIX в. Писали о нем поэты разных поколений — и только начинавшие в ту пору свой творческий путь, как Кольцов, и уже завершавшие его, как И. И. Дмитриев. Многие из них оставили в истории литературы большой след, другие, как Лихонин, затерялись в толпе второстепенных стихотворцев. По-видимому, одно из стихотворений юного Лермонтова тоже относится к смерти Веневитинова. Естественно, что авторы этих стихотворений раскрывали свое отношение к творчеству Веневитинова, причем характер трактовки его литературного наследия зависел от общественных и литературных позиций самих авторов. Поэтому часто в их интерпретации Веневитинов становился, наподобие Жуковского, элементарно верующим христианином, и вся его философия сводилась к православной ортодоксии и покорности «создателю мира». Углубленнее философские раздумья Веневитинова трактовались поэтом-декабристом А. Одоевским, а его политическое вольнолюбие было отмечено поэтом-петрашевцем А. Баласогло.

Стихотворения размещены по возможности в хронологическом порядке; при отсутствии сведений о времени написания принимался во внимание год опубликования.

Значительная часть стихотворений включена в библиографию, составленную Б. В. Смиренским (см.: Веневитинов. Полн. собр. соч., стр. 503—521), и помещена без комментариев среди цитат из воспоминаний и писем в «Своде биографических данных» (то же издание, стр. 353—403).

К стр. 149—150

А. А. Дельвиг. На смерть В<еневитино>ва. Впервые — «Северные цветы на 1828 год», стр. 24. Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт, товарищ по Царскосельскому лицею и ближайший друг А. С. Пушкина, редактор альманаха «Северные цветы». Живя в Петербурге, Веневитинов дружил с Дельвигом, который часто бывал у юного поэта. «Мы с ним дружим, как сыны одной поэзии», — писал Веневитинов С. П. Шевыреву. «Вчера у меня провел весь вечер Дельвиг, — сообщал он брату, — мы провели время очень весело, пели и швыряли друг в друга стихами» (изд. 1934 г., стр. 339 и 327; см. также стр. 314, 317, 319). Сравнение рано умершего поэта с соловьем и розой и мысль о том, что безвременная кончина избавила его от неизбежной горечи жизни, встречаются в дальнейшем в ряде других стихотворений, посвященных Веневитинову. На текст Дельвига А. С. Даргомыжский написал романс «Дева и роза». *Филомела* (греч. миф.) — афинская царевна, превращенная в соловья. В поэзии часто — синоним соловья.

В. И. Туманский. В память Веневитинова. Впервые — «Московский вестник», 1827, № 12, стр. 18. Туманский Василий Иванович (1800—1860) — поэт, в пору своего творческого расцвета близкий к Пушкину и к декабристским кругам, что сказалось в гражданской тематике некоторых его произведений. В большинстве его стихотворений преобладали элегические мотивы и пейзажная лирика с романтической окраской. *Заветный друг поэта* — вероятно, М. П. Погодин, в журнале которого было напечатано стихотворение Туманского. Погодин был близким другом Веневитинова и, судя по его дневнику, горько оплакивал раннюю смерть поэта (см.: Н. П. Барсунов. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 2. СПб., 1889, стр. 91).

И. И. Дмитриев. Эпитафия. Впервые — «Москвитянин», 1842, № 4, стр. 294. О Дмитриеве см. на стр. 188.

А. С. Хомяков. На Новый 1828-й год. Впервые — А. С. Хомяков. Полн. собр. соч., т. 4. М., 1909, стр. 101. Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — известный поэт-славянофил. В молодости был в приятельских отношениях с Веневитиновым, который одно время в Петербурге жил с его братом Федором Степановичем в одной квартире. Приезд А. С. Хомякова «развлекал» Веневитинова; они бродили по городу и вместе переводили Шиллера (см. изд. 1934 г., стр. 308, 338, 340). Приготовить юного поэта к смерти друзья поручили А. С. Хомякову. Смерть Веневитинова чрезвычайно огорчила Хомякова, что отразилось в ряде его стихотворений, написанных в ту пору. Непосредственно к Веневитинову относится и публикуемое «новогоднее» стихотворение. См. также стихотворение 1830 г. «Зима». *Давно ль... твой брат коварный Мне те же речи говорил.* Образ Нового года как брата ушедшего восходит к стихотворению Веневитинова «На Новый 1827 год». Веневитинов обращался к уходящему году

с признанием, что не исполнил своих творческих намерений: «Я за тобою полечу И наступающему брату Весь тяжкий долг свой доплачу». *Питомец вдохновенья.* Этот образ восходит к стихотворению Веневитинова «Люби питомца вдохновенья. . .», см. стр. 144.

А. И. Одоевский. Умирающий художник. Впервые: последние 14 строк — «Русская старина», 1870, № 1, стр. 73; первые 10 строк с сообщением заглавия стихотворения — «Русская старина», 1870, № 11, стр. 527. Несколько иная редакция стихотворения — в письме Одоевского Варваре Ивановне Ланской (впервые — «Русский архив», 1885, № 1, стр. 129):

Все впечатленья в звук, и в цвет,
И в слово стройное теснились,
И музы юношей гордились
И говорили: «Он — поэт!»
Но только первую страницу
Заветной книги он прочел,
И вечный сон затмил зеницу,
Где мир так нежно, пышно цвел.
И замер вздох задумчивой печали
С вопросом жизни на устах.
Зачем же струны так дрожали?
Чего они не дозвучали,
Он допоет на небесах!
Но на земле, где в яркий пламень
Огня души он не излил,
Он умер весь, и грубый камень,
Обычный кров немых могил,
На охладевший череп ляжет
И соплеменнику не скажет,
Что рано выпала из рук
Едва настроенная лира
И не успел он в ясный звук
Излить его душой разгаданного мира.

Основное отличие этой редакции заключается в том, что Одоевский устранил форму монолога «умирающего художника» и говорит здесь от своего лица. Интересным комментарием к стихотворению Одоевского служит его письмо к В. И. Ланской, в котором он вспоминает о встрече с Д. В. Веневитиновым: «Первый и единственный раз, когда я встретил его, было на балу. . . Его манера держать себя выдавала недавнее вступление в высший свет; но облик вполне изящный, — что гораздо труднее встретить, чем изящество в манерах, — и улыбка, полная грусти, неуместность которой он старался скрыть под оттенком легкой иронии; все это дало мне почувствовать, что он был далек и от этого бала, и от этого мира. Я спросил его имя у одной из Зизи прошлого столетия, с которой он танцевал. «Это премилый поэт, — небрежно отвечала она, — и вместе с тем художник в живописи и в музыке». Вскоре

после этого мне дали прочесть его стихи, в которых замечались не только поэтические мысли в соединении с порывами юной впечатлительности... но и глубокое чувство, которое столь редко встречается в русских стихотворениях. Три года спустя я узнал о смерти поэта, и, еще не зная, что друзья его готовили издание его сочинений, я симпровизировал приблизительно следующее». Далее следует стихотворение. (А. И. Одоевский. Полн. собр. стихотворений и писем. М.—Л., 1934, стр. 460—461.) Говоря о Веневитинове, Одоевский не только воспроизводит особенности его стиля, но и обнаруживает знакомство с философскими взглядами московских «любомудров», стремившихся «весь мир обнять в единый миг» («Я чувствую, во мне горит...»), разгадать посредством вдохновенного «наития» тайны мироздания, гармонию природы, воспринимаемой ими как «стройное» воплощение идеи (ср. у Одоевского заключительное двустишие в обеих редакциях). Это знакомство со взглядами московских философов тем естественнее, что председатель кружка «любомудров», В. Ф. Одоевский, был двоюродным братом поэта-декабриста, который упрекал своего родственника и друга в чрезмерной отвлеченности его взглядов (см.: А. И. Одоевский. Полн. собр. стихотворений и писем, стр. 277). *Все впечатленья в звук, и цвет, И слово стройное теснились* — намек на три дарования Веневитинова — музыканта, художника, поэта. *Денница* — утренняя заря.

П. Г. Ободовский. На кончину Веневитинова. Впервые — «Галатея», 1829, № 18, стр. 119. Печ. по «Славянину», 1829, ч. 11, стр. 179, где появилось с исправлениями. Ободовский Платон Григорьевич (1803—1864) — поэт, драматург и переводчик; известность приобрел главным образом переводами и переделками иностранных пьес, которые с успехом ставились на сцене. Обращение к друзьям Веневитинова (начиная с 11 строки) со словами утешения стало традиционным в стихах, посвященных Веневитинову (ср. стихотворение Туманского). Первая половина стихотворения написана как монолог умершего поэта (ср. сходный прием у Одоевского). Но мистический характер монолога мало напоминает общие тенденции творчества Веневитинова. Не соответствует характеру стиля Веневитинова и обилие церковнославянизмов в стихотворении Ободовского. *Рамена* — плечи. *Денница* — утренняя заря. *Из сердца вырвалось о матери стенанье.* Биографы отмечают, что Веневитинов, находясь в агонии, вспоминал о матери (изд. 1862 г., стр. 28). В предсмертном письме к Погодину он упрекал себя в том, что долго не писал ей (изд. 1934 г., стр. 343—344). *И, песнью звучною кончину предвещая.* В редакционном примечании говорится, что стихотворение Ободовского написано «по прочтении сочинения, в коем покойный поэт, так рано похищенный у муз смертью, предсказал свою кончину». Речь идет о стихотворении «Поэт и друг», где есть такие строки:

Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!..

Как лебедь улетел твой кроткий Агатон. Сравнение умирающего поэта с лебедем, поющим предсмертную песню, может быть связано со стихотворением Веневитинова «К Пушкину», в котором это сравнение применено к Гете. Называя Веневитинова Агатоном, Ободовский следует традиции Карамзина. Греческое имя Агатон обозначает «благо», «добро». Карамзин назвал своего умершего друга Александра Андреевича Петрова Агатоном. Прозаическая элегия Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона» (1793) пользовалась большой популярностью. Этим именем Ободовский подчеркивает в Веневитинове те черты, которые восхищали в Петрове Карамзина: мудрость, любовь ко всему изящному, искренность, жар чувств, скромность.

М. Н. Лихонин. Разговор на гробе поэта. Впервые — «Московский телеграф», 1829, № 9, стр. 9. Лихонин Михаил Николаевич (1802—1860) — переводчик и поэт. В журналах и альманахах 1830—1860-х гг. часто печатались его переводы из Шиллера и Шекспира, а также собственные стихотворения эпигонского характера, в которых современники, однако, отмечали «непритворные чувства». Традиционно рисуя покойного Веневитинова как желанного гостя небес, Лихонин вместе с тем вносит в стихотворение и кое-какие бытовые черты; отмечает частые посещения могилы сына матерью, ее дары монахам, которые не в достаточной исправности содержат могилу.

З. А. Волконская. <На смерть Д. В. Веневитинова> («L'artiste a posé son ciseau...»). Впервые, вместе с переводом, принадлежащим М. А. Веневитинову, «Русский архив», 1885, № 1, стр. 127—128. О З. А. Волконской см. во вступит. статье.

А. Кольцов. Вздох на могиле Веневитинова. Впервые — «Листок», 1831, № 22. Написано, возможно, в связи с чтением книги стихов поэта, появившейся в 1829 г. Из биографии Кольцова неизвестно, был ли он на могиле Веневитинова. Но раздумья о рано умершем поэте не случайны у Кольцова: другое его стихотворение — «Разуверение» — близко к таким стихотворениям Веневитинова, как например «Жизнь» и «Послание Рожалину» (1826).

М. Ю. Лермонтов. Эпитафия. Впервые — «Отечественные записки», 1859, № 11, стр. 254. Предположение, что Лермонтов имел в виду именно Веневитинова, является весьма вероятным. Оно подтверждается упоминанием о неистраченном «запасе» чувств, т. е. о ранней смерти того, к кому адресовано стихотворение. Слова «здесь его могила» позволяют думать, что Лермонтов, в ту пору студент Московского университета, был на могиле умершего поэта. Написано, возможно, в связи с чтением книги стихов Веневитинова, появившейся в 1829 г. и снабженной

биографическим очерком. *Для чувств он жизни не щадил.* Вариация стиха Веневитинова: «Кто жизни не щадил для чувства» («Поэт и друг»). *И верные черты природы Он часто списывать любил.* По-видимому, речь идет о стремлении Веневитинова постичь «тайны» природы. *Он верил темным предсказаньям, И талисманам, и любви.* Намек на стихотворение Веневитинова «К моему перстню». *И неестественным желаньям Он отдал в жертву дни свои.* Вероятно, имеются в виду мысли о самоубийстве, высказанные в ряде стихотворений Веневитинова. *Он не был создан для людей.* Эта интерпретация образа Веневитинова связана с горькими раздумьями Лермонтова об известном ему круге общества. О близости поэтической фразеологии Лермонтова и Веневитинова см. вступ. статью, стр. 28.

М. Д. Деларю. Могила поэта. Впервые — альманах «Северные цветы на 1831 год», стр. 80. Деларю Михаил Данилович (1811—1869) — поэт, лицейский товарищ Дельвига. По примеру Дельвига, Деларю с увлечением изучал античную литературу, влияние которой отчетливо сказывается в его стихотворениях. С середины 30-х годов печатал лишь переводы из античных классиков, а затем и вовсе прекратил литературную деятельность. *Аониды* — музы. *Тяжко страдал Промефей, хищник святого огня.* Осмысление античного образа Прометея, похитителя небесного огня, как поэта встречается у Веневитинова в стихотворении «Утешение». Деларю использует еще одну грань этого емкого образа: поэт (как и Прометей) — неизбежно страдалец: его не только вдохновляет, но и сжигает похищенный им святой дар творчества.

Трилунный. «Поэт! и я цветок надгробный...». Впервые — «Литературная газета», 1831, № 22, стр. 177. Трилунный — псевдоним Дмитрия Юрьевича Струйского (1806—1856), автора ряда статей по вопросам музыки и литературы, поэта, стихи которого в журналах и альманахах 30—50-х годов не выходили за рамки трафаретов романтизма. Приведенное стихотворение включено Трилунным в статью, посвященную второму тому сочинений Веневитинова («Сочинения Веневитинова, ч. 2. Проза 1831»). Статья Трилунного, как показывает ее название, посвящена прозе умершего поэта, преимущественно его философским и критическим статьям, которые очень высоко оценены критиком. В статье есть абзац, являющийся своего рода комментарием к включенному в нее стихотворению: «Все знают, что душа Веневитинова предвидела свой жребий, как при жизни еще он прощался с землей, но не всем он был знаком в светском, прозаическом быту. Я был его сослуживцем в Архиве иностранной коллегии; в течение трех лет встречался с ним в одних комнатах, но почти не знал его; сосредоточенный в самом себе, он не любил тщеславиться своими дарами, и до издания «Московского вестника», за исключением его друзей, никто даже не подозревал в нем той небесной силы, которая так быстро ознаменовала себя впоследствии». Эта характеристика поэта как скромного и замкнутого человека совпадает со сведениями,

идущими от друзей Веневитинова. Личное знакомство Трилунного с Веневитиновым позволило ему внести в свое стихотворение некоторые штрихи, говорящие о внешности и характере поэта.

А. П — й. В память Веневитинову. Впервые — в альманахе «Мое новоселье», СПб., 1836, стр. 115—117. Автор стихотворения не установлен.

А. П. Баласогло. «Где Веневитинов? — угрюмец...» Отрывок из большого послания, адресованного Анне Николаевне Вульф, тригорской приятельнице А. С. Пушкина. Впервые — «Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова». М.—П., 1929, стр. 202—209. Баласогло Александр Пантелеймонович (род. 1813 — ум. в 1870-х годах) — друг Петрашевского и участник его «пятниц»; после разгрома петрашевцев был арестован, а затем выслан в Олонецкую губернию. Страстный поклонник творчества Пушкина, с которым познакомился по журналу «Московский вестник», он стал одновременно и приверженцем творчества поэтов кружка «любомудров». В своем послании, посвященном главным образом Пушкину, Баласогло не отделял великого поэта от его «родни» — круга других сотрудников журнала:

...Влюбленный в этот «Вестник»,
Приют их всех, его родни,
Я стал их друг, их брат-ровесник,
И вот я здесь, — а где они?

Отмечая распад группы поэтов, объединенных уже исчезнувшим журналом, Баласогло перечисляет всех, кто ему был дорог, — Языкова, Подолинского, Баратынского, Козлова, Хомякова, Ознобишина. В этот круг он включает и Веневитинова, отмечая в нем то, что наиболее привлекало его в поэте-«любомудре», — отчужденность от светской среды, духовную обособленность, погруженность в философские раздумья, вольнолюбие.

Н. М. Языков. Встреча Нового года. Впервые — «Москвитянин», 1841, ч. 2, стр. 302—315 и ч. 3, стр. 23—29. Языков Николай Михайлович (1803—1846) — поэт, в молодости близкий к декабристам, в 40-е годы примыкал к правым славянофилам. Драматическая сцена в стихах «Встреча Нового года», по мысли автора, должна была рисовать настроения московской интеллигентской молодежи начала 1840-х годов, в среде которой вскоре появились западники и славянофилы. Скачков и Хворов отражают взгляды первых, а Дрянской и Власьев — вторых. В значительной части сцена посвящена воспоминаниям об умершем поэте Кубенском, в образе которого есть много черт Веневитинова. *...Помню очень ясно, Как вместе мы встречали Новый год.* Ср. описание одной из встреч Нового года в стихотворении Веневитинова «Друзьям на Новый год». *Каждый год такое ж возлиянье Свершим по нем.* Решение друзей ежегодно отмечать трапезой память

о Веневитинове соответствует действительности. Но пиршеский оттенок беседы, участники которой, по ремарке автора, «все навеселе», отражает вкусы самого Языкова, воспевавшего пиры и веселье. *Как молод был и был всегда здоров* — неточное изображение состояния здоровья Веневитинова. *Погнался за чинами* и т. д. Здесь неверно истолковывается причина переезда поэта в Петербург. Веневитинова весьма мало интересовало получение чинов (см. письмо к матери — изд. 1934 г., стр. 336). Совсем фантастична версия, будто поэт умер в тамбовской деревне. *Гегель* Георг-Вильгельм-Фридрих (1770—1831) — немецкий философ-идеалист. *Кузень* — Кузен Виктор (1792—1867), французский философ-идеалист, основатель так наз. эклектического направления. В конце сцены Дрянской приводит стихи Кубенского о любви, которые скорее в стиле Языкова, чем Веневитинова:

Не знаю, что́ любовь?
Стакан вина, иль дым священный?
Души припадок вдохновенный,
Иль разыгравшаяся кровь?

А. Е. Студитский. Могила Веневитинова. Впервые — «Москвитянин», 1842, № 7—8, стр. 245. Студитский Александр Ефимович — педагог, критик, переводчик, в 1840—1850-х годах часто печатал в «Москвитянине» преимущественно критические статьи и библиографические заметки. В ту пору ценились его переводы Шекспира и Байрона; оригинальных стихотворений печатал мало.

Д. П. Ознобишин. В память о Дмитрии Владимировиче Веневитинове. Впервые — «Русский», 1867, № 7—8, стр. 110—111. Написано к сорокалетию со дня смерти поэта. Как явствует из письма А. В. Веневитинова, брата поэта, которое опубликовано в том же номере газеты, это стихотворение было прочтено на поминальном обеде в честь умершего поэта. Ознобишин Дмитрий Петрович (1804—1877) — поэт 1830—1840-х годов, эпигон романтизма. Был близок с В. Ф. Одоевским, Погодиным, Шевыревым и др. из окружения Веневитинова. Печатался во многих журналах и альманахах своего времени, весьма часто — в «Северных цветах» и «Московском вестнике», так что его стихотворение в память Веневитинова является естественным результатом его литературных связей.

Н. А. Некрасов. Отрывок из поэмы «Русские женщины». Впервые — «Отечественные записки», 1873, № 1, стр. 213. Одним из основных источников поэмы являются «Записки» М. Н. Волконской, которая описала вечер, устроенный З. А. Волконской в честь ее приезда в Москву. Упоминала М. Н. и о встрече с Пушкиным (см. Записки М. Н. Волконской. Л., 1924, стр. 34). Но о встрече с Веневитиновым упоминаний в «Записках» нет. Зато о ней подробно рассказал сам Веневитинов (см. вступ.

статью П. Е. Щеголева к «Запискам» Волконской, стр. 20—22). Некрасов отмечает в юном поэте его одаренность, молодость и глубокую, безнадежную влюбленность. Но романтическая трактовка образа, столь частая в стихах о Веневитинове (предчувствие смерти, отчужденность от всех, одиночество, разочарованность и т. д.), оказывается целиком устраненной. *Она нам оставила книгу новелл.* Имеется в виду книга З. А. Волконской на французском языке «Четыре новеллы». *«Цвет южного неба в очах принесла»* — видоизмененная цитата из «Элегии» Веневитинова: «На цвет небес ты долго нагляделась И цвет небес в очах нам принесла». *Коринна* — героиня одноименного романа мадам де Сталь, поэтесса и артистка, презирающая окружающее ее общество за обыденность и низменность его интересов.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Д. В. Веневитинов. Портрет Лагрене. Литературный музей (Москва).

2. *Стр. 75.* Автограф <Четыре отрывка из неоконченного пролога «Смерть Байрона»>. БЛ.

3. *Стр. 112.* Автограф стихотворения «Жертвоприношение». БЛ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЕНЕВИТИНОВА

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Приложение

СТИХОТВОРЕНИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

Веневитинов Дмитрий Владимирович
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *С. И. Брусиловская.* Корректор *О. К. Ковалева*

Сдано в набор 9/VIII 1960 г. Подписано к печати 17/XI 1960 г. Бумага $84\times108^{1}/_{32}$. Печ. л. 6,38 (10,46). Уч.-изд. л. 9,22. Тираж 7500 экз. Заказ № 1438.
Цена 4 р. 35 к. С 1/I 1961 г. 44 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Красная ул, 1/3

4 р. 35 к.